

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР
Размышления XII—XV
(Черные тетради 1939–1941)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

Размышления XII—XV

(Черные тетради 1939—1941)

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

Martin Heidegger

Überlegungen
XII–XV

(Schwarze Hefte 1939–1941)

VITTORIO KLOSTERMANN
FRANKFURT AM MAIN

Мартин Хайдеггер

Размышления XII—XV

(Черные тетради 1939–1941)

Перевод с немецкого

АЛЕКСЕЯ Б. ГРИГОРЬЕВА

под научной редакцией

МИХАИЛА МАЯЦКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

МОСКВА 2020

Настоящее издание выпущено по инициативе
и при поддержке Олега Матвейчева

Хайдеггер, М.

X15 Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941) [Текст] /
пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. —
М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. — 344 с.

ISBN 978-5-93255-568-2

«Черные тетради» — так назвал Мартин Хайдеггер (1889–1976) клеенчатые тетради черного цвета с заметками и размышлениями разного рода, которые он вел с 1931 года. Набралось их тридцать четыре. Согласно воле автора, франкфуртское издательство Витторио Клостерманна приступило к их публикации после всех книг и курсов лекций. 96-й том Собрания сочинений М. Хайдеггера, перевод которого мы вам предлагаем, содержит записи, относящиеся к 1939–1941 годам («Размышления XII–XV»).

Издатель «Черных тетрадей» Петер Травны так охарактеризовал размышления Хайдеггера, опираясь на его собственную самооценку: это не «афоризмы» как свидетельства «житейской мудрости», а «неприметные аванпосты — и арьергардные позиции» — в целостной попытке завоевания пути для начального вопрошания, которое в отличие от метафизического называет себя Бытийно-историческим мышлением. Этот метод философ применяет к ситуации в религии, искусстве и науке.

«Черные тетради» — мастерская мыслителя: многие из заметок разрастутся в статьи, доклады, главы книг. Помимо философских вопросов, Хайдеггер осмысляет положение Германии после прихода к власти нацистов. В частности, он комментирует свое пребывание на посту ректора Фрайбургского университета и в связи с ним всё свое сложное отношение к национал-социализму. Неслучайно, что публикация «Черных тетрадей» вызвала в Германии и других странах яростную полемику.

Heidegger, Martin: Überlegungen XII–XV
(Schwarze Hefte 1939–1941)

Herausgegeben von Peter Trawny

© Vittorio Klostermann GmbH, Frankfurt am Main, 2014

© Издательство Института Гайдара, 2020

ISBN 978-5-93255-568-2

Содержание

Размышления XII·7

Размышления XIII·93

Размышления XIV·197

Размышления XV·293

Послесловие издателя·326

Размышления XII

Всякого мыслителя, *обязанного* мыслить в направлении некоего решения, движет и снедает забота о нужде, которая в историческую эпоху, когда живет мыслитель, еще никак не может ощущаться. Степень подлинного (и участвующего в подготовке решения) понимания идей таких мыслителей измеряется способностью к необходимому опережающему мышлению, <проникающему> в странные и чрезмерные требования, исходящие из того, что в них не высказано. Чем важнее решение, к которому нужно прийти, тем больше отдалается мыслитель от историографической системы объяснений, передаваемой традицией, и тем больше для него опасность прослыть разве что исключением. В этой коварнейшей форме решаемое вытесняется в <область> привычного, т. е. уже решенного. Подобное ослабление того, что подлежит решению, ни в коей мере не порождено косностью человека, но обеспечивает владычеству сущего (die Machthaberschaft des Seienden) как такового соразмерное ему воздействие.

Разрушение — предвестник
скрытого начала, запустение же —
последний удар уже решенного
конца. Стоит ли эпоха
перед выбором: разрушение
или запустение? Но мы знаем
о другом начале, знаем о нем,
вопрошая — (см. S. 76–79).

Пока человек осуществляет свою сущность как разумное животное, он повсеместно мыслит «метафизически», различая чувственное и нечувственное; мысля таким образом, он упорно избегает вопроса об истине Бытия. Это избегание не связано с внутренними побуждениями человека; просто сам человек пребывает в бегстве, — не подозревая о своей «беглости» (Flüchtigkeit), — поскольку он отлучен самим Бытием от истины бытия, — но почему? Кто может постичь причину этого? Возможно, человек еще не догадывается о той исторической области своего бытийствования (Wesung), где отказ «самого» Бытия («des» Seyns) является *тем* событием, в центре которого сталкиваются все различия того, что нужно различать (Бог и человек, земля и мир); возможно, что человек больше не стремится к *началу*, а ищет спасения лишь в продолжениях (Fort-setzungen).

1

2

«Для осмысления» необходимо в нужный момент высказать слово, — в форме не призыва и не плана, а уже осуществленного и со временем достижимого наверстывания (*einmal einzuholender Vorsprung*). Но наверстывание имеет еще и особое отношение ко всяким существенным вещам, <состоящее в том,> что оно забрасывает догоняемое еще дальше вперед или же отбрасывает назад в историю как непреодолимое (*unüberholbar*) начало. Пути и действия Бытия удивительны; приблизиться к ним прежде всего означает: отказаться от историографии (*Historie*) и привычки к ее <способу> представления.

Кажется, что преодолеть историографию можно основательнее всего, покинув ее и спасаясь бегством в непосредственную современность, осуществляя ближайшее и насущнейшее. Но это есть в действительности лишь мнимое преодоление; неуверенность по отношению к историографии, опасность угара историзма возрастают, поскольку всякая современность насквозь исторична и ее практику историографического представления совершенно невозможно превозмочь — разве что теперь историографией как таковой не занимаются и она должна оставаться за пределами критической оценки. Историзм ныне неразборчив, и все различия эпохи исчезают, если они предлагают современности лишь то, что она считает для себя необходимым.

Неважно, насколько *далеко* в прошлое уходит историзм, ведь он все прошедшее равномерно выкладывает на *один* уровень своей современности; воспроизводятся ли греко-римские портики и фронтоны или же оперетты 1900-х годов в оформлении американских мюзиклов — всякий раз про-

является одна и та же безликость сплошного фасада, становящаяся мимолетным «переживанием». Видеть в этом лишь распад культуры означает застрять на поверхности явления и упустить из виду признаки махинации. Неразборчивость историзма связана с неуклонным процессом, в ходе которого медленно пробивается поверхностное истолкование эпохи. В первую очередь заявляет о себе «естественное» право народов на «жизнь»; право на Характерное для каждого из них развитие их движущих сил (*Arteigene Entfaltung ihrer Triebkräfte*).

Но все это — лишь прелюдия к тому властному процессу, в ходе которого в игру вступает «естественный» центр тяжести *власти* народов (*Völkermächte*). А поскольку власть в каждом случае есть стремление к более могущественной и превосходящей саму себя сверхвласти, «естественность» центра тяжести власти порой приобретает иную форму. То, что для более низкой ступени власти еще было вполне естественным, настолько естественным, что могло бы показаться, будто она должна устанавливать себе окончательные пределы в самом достигнутом круге власти, на более высокой ступени власти абсолютно неестественно и неизбежно является нарушением и упущением по отношению к «жизненным» интересам института власти. Соответственно, изменяется также и конкретное определение *порядка* и беспорядка. «Порядок» есть такое махинационное устроение государственных границ, состава народа, экономических отношений, культурных занятий, которое всякий раз обеспечивает безграничное усиление власти, планируемое «властью» в соответствии с ее сущностью. Любая власть должна стремиться к тому, чтобы для оправдания своей воли к порядку как можно скорее вызвать состояние бес-

порядка. Чем более незаметно и всеобъемлюще это происходит, тем могущественнее власть.

- 4 Закладка новых порядков в эпоху махинации всегда является вопросом о власти — и не только в смысле «осуществления» запланированного, но с учетом сущности и вида самого планирования: масштабы усиления власти определяют вид требуемого «порядка». И этот порядок предписывает прежде всего соответствующее руководящее представление о том, что должно считаться «естественным». Так, внутри махинации сущего именно «естественное» подчиняется произволу власти и служит его маскировкой. Сама маскировка и потребность в ней есть следствие непоколебленной метафизики, которая требует объяснения Всего — является ли объясняющий <принцип> Богом-Творцом или «природой». Издержки, необходимые для того, чтобы сделать такие объяснения правдоподобными и расхожими, легче всего оспариваются, если сам человек через технику и историографию включается в махинацию, а возможность сущностных решений даже в их самой предварительной мыслимости вычеркивается из горизонта «жизни». Но там, где в различных формах осуществление власти махинации всецело переносится в «политику», возникает видимость, будто все в сущности является «политическим» и сама эта сущность является Первым во всем человеческом бытии. В действительности же эта всецелая «политика» есть только ответвление махинационной сущности сущего, перемещенное в чисто технически-историографическое учреждение и
- 5 через него только — в осуществляющее власть. Махинация тем увереннее сохраняет собственную власть, чем исключительнее осуществление политической власти воспринимает себя как Первое и Последнее.

3

Человек. — Чередованием дней и ночей человеческая «жизнь» простирается в «длину», а если считать тысячелетиями — опять-таки кажется «короткой». Сколь неистребимым и все же сколь поверхностным является это представление о человеческом бытии. Человек еще мало углубился в вопрос о пространстве судьбы (Fügungsraum) своего существа. Он всегда соответствует себе только при виде той внешней плоскости, по которой его гоняют туда и сюда, он же ошибочно полагает, что сам при этом является погонщиком.

4

«Немецкий идеализм» — весьма приблизительное название, в котором именуемую так метафизику мы еще не постигаем во всей ее немецкости. Этим подразумевается не сведение данной философии к определенному народному духу (Volks-tum), как принято в народоведении, а определение той базовой (основной) установки (Grundstellung), лишь исходя из которой, если это важно, можно было бы выделить народный дух в его своеобразии. Немецкий идеализм достигает своей подлинной метафизической базовой установки лишь благодаря Шеллингу и Гегелю; «немецкое» в ней — как бы внезапно возникшая связь с *началом* западноевропейской «метафизики», — во все не говоря уж о том, как сами Шеллинг и Гегель исторически ощущали эти связи и давали им историографическую трактовку. Натурфилософия Шеллинга и гегелевская философия духа («эфира») завершают возвращение изначальных φύσις — νοῦς — λόγος, — однако все это в колее мышле-

ния и религиозной веры Канта-Фихте и одновременно христианской мистики.

7 Отдельные влияния и предпосылки, которые здесь могли иметь место, можно историографически подсчитать и суммировать с различных точек зрения; каждое из этих историографических объяснений может доказывать односторонность и недостаточность остальных и действовать по отношению к ним в чем-то свысока; мало того, здесь, где готовится завершение западноевропейской метафизики, можно насчитать столько разнообразных влияний, что от «оригинальности», понимаемой в духе историографии, ничего не останется и для каждой «мысли» может быть предъявлен предшественник, пусть даже лишь тождественность того же слова, ограничивающаяся простым словесным созвучием. Эта сфера занятий историографической науки порой увлекательна, но в основном скучна, ее успех сводится к подкреплению мнения о том, что, поскольку все можно объяснить историографически, то больше нет никакой необходимости «заниматься» этими мыслителями, — разве что в смысле указания на памятники прошлого немецкого «духа». Однако решающим, что по сути ускользает от *всех* историографических вмешательств, является мыслительный скачок в целостность сущего как без-условное, попытка мыслить без-условно в рамках метафизики. Не только «предметно» установить бытие как первое сущее и наиболее сущее, но непредметно переместить в него мышление и созерцание и оставить его *быть* как наиболее сущее.

Немецкое в этом «идеализме» (т.е. в трактовке бытия как пред-ставленности), чего еще не достигает Фихте, поскольку он безусловно осуществляет только трансцендентальное мышление Канта,

заклучается в изначальном (ursprünglich) опыте первоначальной (anfänglich) сущности Бытия как $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$; иными словами: сущность немецкого определяется поэтому прежде всего как исконная способность к такому опыту; не метафизика онемечивается на «расово-»националистический» («völkisch») лад, а немецкому благодаря этому метафизическому усилию впервые за «многие» исторические моменты удается обрести свою сущность. Здесь дело не в том, чтобы вопреки механизму «западного» мышления предоставить право «органически»-жизненному иррациональному; немецкий идеализм понимает и то и другое в их взаимосвязи, на основе прорыва (Einsprung) в безусловность сущего в целом. Он не только не отвергает «математическое» и рациональное, но и доводит его до высшей степени развития и господства и в осмыслении идеи абсолютной системы только вводит в его метафизические права. Но и только что сказанное осталось бы лишь одним из историографических истолкований немецкого идеализма наряду с другими, если бы оно в принципе не проистекало из исторического выяснения (Auseinandersetzung), в котором метафизика уже ставится под вопрос во всей своей истории.

8

Но у этой постановки под вопрос одна единственная «цель» — привести метафизическое мышление к его еще не развернувшемуся господству в том, что должно в нем самом оставаться непреодолимым и только этим может обеспечить его сущность как метафизики; это вопрос об истине Бытия и ее основании. Шеллинг и Гегель лишь в будущем *станут* сущностными немецкими мыслителями, если безусловное их метафизической базовой установки будет постигнуто как *вопрос* и введено в грядущее мыслительное осмысление. Исто-

9

риографические сведения об их многообразной обусловленности здесь совершенно бесполезны, т.е. толку от них столь же мало, как от «проблемно-историографических» выводов (Ableitungen) из базовых установок <этих мыслителей>, каковые выводы «историограф фактов» (Tatsachenhistoriker) может опровергнуть как «конструкцию» с тем же правом, с которым «историограф проблем» (Problemhistoriker) может заклеить — как высшую степень необдуманности — такие «фактические» объяснения «фактического» происхождения «идей». (Вслед за «Гегель-лексиконом»¹ вскоре должен выйти в свет «Шеллинг-лексикон»; и как только философия попадет в клещи лексикографии и ее разделов, удушение всякой мыслительной серьезности в «занятии» мыслителями достигнет своей цели, причем под маской того, будто лишь благодаря такому каталогизированию, позволяющему кого угодно представить сколь угодно «точно», создаются предпосылки для «научной» деятельности. Возможно, даже наверняка — для *научной* работы, но не для мыслительного знания.)

10 Но как же нам уберечь сущностных мыслителей от подобного закапывания (Verschüttung) главного в их творчестве? Здесь нет никакой защиты, — и попытка обеспечить ее говорит о незнакомстве с историей мышления. Мы знаем только, что подобное закапывание постоянно производится и почему это так, хотя жалкое убожество этой работы не вправе предъявлять претензии из-за того, что по отношению к ней бесценная сила способности презирать употреблялась сколь-нибудь неправомерно. Немецкий идеализм для грядущих, т.е. в своей сущ-

1. [Hermann Glockner: Hegel-Lexikon. 4 Bde. Fr. Frommanns Verlag: Stuttgart 1935.]

ности просвещенных, немцев «есть» еще неначатая, неразгоревшаяся борьба за осмысление; чтобы он таким *был*, ему, однако, необходимо сперва им *стать*. Если он им не станет, тогда Шеллингу и Гегелю, как и остальным мыслителям, место в оружейных палатах истористической (historistischen) Валгаллы; они останутся хорошо рассчитанным поводом для празднеств в честь соответствующих дней рождения и смерти; в связи с этими поводами любой человек не преминет упомянуть и их мысли, сочетая принятые расшаркивания с оговорками, учитывающими текущее время. Борьба за осмысление есть свободное дерзновение сущностного преображения, из-за которого ломаются все удобные и привычные опоры и костыли, а нужда в основании требует основателей, и подобное требование не носится вокруг как фраза или призыв, а развивается во времени-пространстве (Zeit-Raum) человеческого бытия. Немецкий идеализм для немцев и для истории Западной Европы есть *еще не свершившаяся история*, в области которой историографической учености нечего искать, поскольку ей ничего там не найти.

11

5

Пред-посылкой (Voraussetzung) христианства является полагание (Ansetzung) человека как разумного животного, застревание и спасение в «метафизике». И всякая вражда против христианства, пусть это лишь борьба с христианскими церквями ради «подлинной», т. е. социальной, т. е. социалистической «христианской» коммунальной организации (Versorgungsbetrieb) человеческих масс, остается все еще христианской, — а значит, отклонением от сущ-

6

12 *Ницше*: в каком исключительном смысле Ницше является переходом, иными словами: подготовкой другого начала истории Бытия? (Переход подразумевает здесь *не* переводение (*Fortleiten*) из одного состояния в другое *того же* самого сущего, т. е. того, которое в своем бытии остается непобеспокоенным и невредимым, — переход, который есть предмет историографической констатации и расчета.) Ницше *лишь* в том смысле является переходом, что он метафизически предвосхищает завершение Нового времени и тем самым бытийно-исторически полагает конец и этим концом, — который сам он как таковой *не* в состоянии ни познать, ни осознать, поскольку он еще и как последний, стоящий у конца <мыслитель>, мыслит метафизически, — заранее подготавливает *возможность* подготовки решения <о переходе> к другому началу.

В мышлении Ницше нет ничего, что намекало бы на это начало, на его нужду и его сущность; но мышление Ницше содержит все, что должно осуществить завершение Нового времени; какой историографический вид будет иметь эта эпоха, в каком темпе пройдет это завершение, позволяет предугадать сущностный образ (безусловное уполномочивание (*Ermächtigung*) власти на безграничное насилие). Мы также можем предполагать, что входим теперь в первую фазу начала этого завершения. Однако решающим характером обладает только знание базового содержания последней западноевропейской метафизики, исходящее из знания Бытийно-исторической сущности метафизики в целом.

13 Любое иное или просто ничем не обоснованное «занятие» <творчеством> Ницше есть историогра-

фическая забава или воровство из его мышления с целью внешнего оформления какого-либо «мировоззренческого» идейного багажа. Подобное занятие не назовешь ослаблением его мышления, ведь оно вообще не способно осмыслить это мышление. Поскольку Ницше представляет собой конец метафизики, а значит сам в этом плане является метафизическим [?], его мышление может быть осмыслено исторически лишь исходя из начала сущностного преодоления метафизики, — т. е. *таким образом*, что в результате этого мышление Ницше только входит в его историческую базовую позицию.

7

«Интеллектуализм» может практиковаться или хулиться только там, где голое насилие разнузданной власти якобы является мерилom как единственная и истинная форма «воли» (в отличие от «рассудка»). Это мерило носит двоякий характер: насильственное приветствуется и подводится под моральную форму характерного «мужского» поведения; обладающее возможностью применения насилия (*das Gewalthaberische*) отвергается в противоположность трусливому увиливанию, избегающему решительного действия. Всякий раз в такой форме распространяется «интеллектуализм», т. е. непонимание сущности знания и осмысления, — и вследствие этого неспособность (*Unkraft*) распознать в вопрошающем знании решающее — основывающее решения — действие, для оценки которого не подходит масштаб публичного действия и значимости, даже если он уже мошенническим образом возведен в ранг единственно верного. Под защитой гарантированной ему популярности среди всей массовой публики (*Massenwesen*), заведомо глупой, этот мас-

штаб может стать основой для любого подавления осмысления под маской «борьбы» против «слабостей характера». Бессилие любой власти проявляется в этой зависимости от массовости человека, чье растущее невежество нужно возвести в закон (*ins Recht gesetzt werden muß*), осуждая «интеллектуализм». Не должно удивлять, что подобная борьба *против* знания уживается с одновременным широчайшим использованием наук, — ибо «науки» никогда не достигают знания, т. е. выпрашивания (*Erfragung*) сущностных возможностей принятия решения (*Entscheidbarkeiten*). Вот почему остается ложное понимание, когда полагают, что для защиты авторитета «наук» необходимо «протрубить отбой» поруганию (ведь это нельзя назвать борьбой против) «интеллектуализма».

15

Чем единодушнее сочетаются оба эти действия — издевательство над знанием и использование наук, — тем откровенней к власти приходит «дух» махинационной эпохи. И всегда на каждой из сторон находятся только половинчатые <личности>, ищущие здесь ослабления и уравнивания. Однако данная эпоха не допускает этого и в безусловности своей двусмысленной и маскарадной сущности обретает собственное величие. Ей уже больше не нужно опровергать упреки в лживости и притворстве, доказывая противоположное, — для нее достаточно показывать, что всякий раз другие *также* лгут и *также* действуют с <применением> «насилия». Всякое моральное возмущение здесь запаздывает, ибо вся «мораль» разделяет с той махинационной сущностью одни и те же предпосылки, — т. е. основана на метафизике, которая при своем конце должна объяснять все мышление и представление и «сознание» исключительно и обязательно как «выражение» и «следствие» «все-

жизни» («des» «All-lebens»). Но ссылка на «жизнь» есть явный отказ от выпрашивания Бытия при одновременном обращении к «сущему», — есть впутывание (Verstrickung) в забвение бытия как выражение силы и власти; совершаемое при этом сведение (Preisgabe) человека к животному не исключает заботу о «духе» и «душевных» ценностях, но включает ее, поскольку «дух» и «душа» представляют собой лишь животные истолкования (Auslegungen) человеческой сущности и остаются возможными и даже необходимыми из-за незнания Бытия и истины Бытия и отношения человека к Бытию.

16

8

Ницше, мысля с опережением, вошел в пустыню того опустошения, которое наступает с неотвратимостью махинации и в исключительном субъектном характере животного демонстрирует свои первые «успехи»: человека как хищника. Пустыня есть занесение песком и рассеивание всех возможностей сущностного решения. Но решимость к полной невозможности решения заложена в учении о вечном возвращении; вот почему оно есть самое конечное (das Endhafteste) в конце западноевропейской метафизики — последнее метафизическое, что в Западной Европе могло и должно было помыслиться, — <главная> мысль (*der Gedanke*) всех мыслей Ницше; не «религиозное» эрзац-образование, — но мыслимое только в наиболее решительном метафизическом мышлении. Эта лишь неспешно раскрывающаяся пустыня, в которую с опережением вступил <мыслитель>, есть скрытая причина изнуряющего <начала> в мышлении Ницше, которое несмотря на все невзгоды (*Widrigkeit*) сохраняет свою необходимость. Отталкивающее

17

и парализующее и опустошающее, свойственное этой пустынности (das Wüstenhafte), не должно, однако, ни на мгновение уводить мыслительное выяснение (Auseinandersetzung) из его русла и превращать саму пустынность в причину отвергать Ницше.

Насколько отличен <от него> Гёльдерлин, которого лишь самое поверхностное и злостное лжетолкование может выдавать за «швабского Ницше». Правда, Гёльдерлин в своей поэзии попадает в области не самые радостные, — не ищет он спасения и в оазисах пустыни, — но он по-новому и отлично от других и неповторимо отваживается вступить в «древний Хаос»², который нам следует заранее рассматривать как бездну сущностного разнообразия решений (Entscheidungsfülle).

Но прежде чем мы и грядущие сможем закрепить (inständig) в «древнем Хаосе», не нужно ли <еще> пройти сквозь самое недавнее опустошение? Вправе ли мы воспринимать его как знак того, что история отказа <от> Бытия свершается в очень прерывистых прыжках и происходит и продолжается, <что> эта область подсовывается лишь историографически-техническому занятию «так» называемой «жизни», чтобы та не догадалась, сколь далеко в стороне от истории Бытия протекает историография сущего? Вот почему из опустошения пустыни (полного отсутствия потребности в решении) нет никакого пути в Хаос блуждания, — хотя хождение по пустыне неизбежно. Вслед за шагами должен со-

2. [Friedrich Hölderlin: Sämtliche Werke. Bd. 4. Gedichte. Hrsg. von Norbert von Hellmuth. Propyläen Verlag: Berlin 2/1923, S. 180.] — Рус. пер. В. Б. Микушевича (стихотворение «Рейн»: Фридрих Гёльдерлин. Гиперион. Стихи. Письма. М.: Наука, 1988. С. 166). — Прим. пер.

вершиться другой прыжок, который в свою очередь не сможет лишь обновить учрежденное Гёльдерлином (Hölderlins Stiftung).

9

Победа над врагом еще не доказывает, что победитель прав. Но эта «истина» уже утрачивает силу, если право трактуется как то, что победой не только подтверждается и заверяется, но прежде всего утверждается и создается. Право в таком случае есть власть победителя, власть сверхсилы. Подобное право невозможно «кодифицировать»; ибо в его властном характере заложено, что одновременно, исходя из победы, выдвигаются дальнейшие правовые притязания, которые трактуются как «права» на собственную «жизнь» именно этого победителя. Но поскольку «собственная жизнь» уже давно определяется как жизнь предоставленного самому себе человечества (в образе индивида, в форме народов и наций), это «высшее» жизненное право становится еще и «священным». Таким путем распространяется метафизическая базовая установка (и ее христианское перерождение), причем не только в языковой практике, но и в образе мыслей и оценок. Всякое моральное возмущение побежденного и бесправного <человека> возникает слишком поздно, поскольку оно больше не имеет в самом побежденном причинного основания (Besitzgrund), но точно так же используется победителем в целях «моральной» пропаганды, хотя больше не принимается всерьез — вплоть до того момента, когда явится та однозначность, согласно которой все связано лишь с силой-властью и бессилием-безвластием. В этот исторический момент, постоянно подготавливающийся на предваритель-

ных стадиях, сама сила-власть — по отношению к себе самой — делается бессильной-безвластной, так что она отдается сущностному потоку, уносящему (Fortriß) в полное и постоянное сверхвластие (Übermachtung), и переделывает все способы мышления и представления в соответствии со своим «законом». Правовым и законным отныне является только то, что вписывается в «порядок», установленный сверхвластью, а значит всегда изменяемый.

20 Злым роком власти, однако, является не ее нравственная малоценность ввиду нарушения уважавшегося до сих пор «права самого по себе», а слепота в отношении своего бессилия (понятого Бытийно-исторически) перед зависимостью, невидимой для самой власти, от махинационной сущности Бытия. Преодоление эпохи абсолютного насилия, плоды которого мы, пожалуй, видим только в скудных первоначальных формах, не может совершаться путем морального возмущения и путем спасения «культуры», находящейся в опасности, — поскольку все это обладает равной (но только не рискнувшей на действие) сущностью (метафизической) с безусловным насилием.

Перед решением находится истина самого Бытия, — может ли слепота власти (не моральная, но принимаемая как Бытийно-историческое событие) восприниматься как забвение Бытия, — удостоивается ли человек со стороны Бытия, чтобы за пределами силы-власти и бессилия-безвластия использоваться (eingesetzt zu werden) для истины Бытия. Мы можем предполагать, что осмысление этого Бытийно-исторического решения должно еще пройти через долгие, а возможно, еще дольше вновь и вновь прерывающиеся периоды терпеливого вопрошающего ожидания; и мы должны даже отважиться принять знание того, что внезап-

но возникающая и лишь в своих выступлениях волей или неволей организуемая массовость (*Massenwesen*) человечества затребует подобные формы представления и потребностей от властителей, которые исключают всякую способность к знанию о решении и надолго подвергают осмеянию попытки чего-то подобного, а это осмеяние однажды даже будет понято как избыток общественного внимания, которое посредством масс настраивалось против осмыслений.

21

Однако говорить здесь и впредь о *недооценке* (*Verkenennung*) вопрошающих и творящих означало бы откатиться назад к формам оценки, свойственным преодоленной культурной деятельности. То, что несет в себе сущность опережающей (*vorausspringenden*) подготовки решения, не должно отягощаться жалкими и вызывающими ропот неудачами, связанными с непониманием и обиденностью. Точно так же огрубление масс, усиливающееся с ростом сверхвласти (*Übermachtung*), нельзя расценивать как «нравственный» и «культурный» упадок. Огрубление есть само по себе одичание, доходящее до неслыханной доселе разнузданности в форме организованной плановой структуры массового «переживания» и «наслаждения». Подобное одичание приводит одновременно к ожесточению, чья жесткость — не «сила» (как следствие господства), а притупление всех инстинктов. Это берущее начало в сверхвласти власти и омассовляющее человека огрубление (не в смысле книги о хороших манерах и учения о нравственности, а понимаемое метафизически) приводит к тому пункту, где оно становится условием возможности безбожия. Безбожие означает здесь не отрицание и упразднение Бога, но нечто более существенное: метафизическую не-

22

способность вхождения в область решения, в которой божественность Бога вообще только и может о-своить (*sich ereignen kann*) просветное время-пространство. С обозначением эпохи связано также и следующее: сейчас чаще встречается тип человека, который мучается (*sich hegenquält*), целиком <пребывая> в позапрошлом (человек как «я» и «мы», как «сознание» и «тело»; утрата веры в Бога и нигилизм), нащупывает все признаки потрясения и находит быстрое противоядие, слишком мало сохраняет для себя, Все «анализирует» — без областей осмысления и достаточной исторической силы познания.

23 Подобную породу человека, который, разумеется, читает «Гёльдерлина» и «Ницше», почитает Шпенглера и Юнгера, знает Рильке и ощущает романтическую склонность к католической церкви, осовременивает Паскаля и не забывает о народном, можно было бы назвать *экзистенциальным литератором*. Часто это рано созревшие люди, наделенные поразительной языковой ловкостью, но без роста и без долгого дыхания, современные несвоевременные, без <всякой> изначальной необходимости. За ними и за их произведениями бегут все недовольные и те христиане, которые никогда не упускают случая выдавать себя за «модерновых». То, что здесь таким образом совпадает, кажется «духовным» и исполненным ответственности за «высшие ценности»; в действительности отсюда проистекает лишь искажение духа времени, ослабляющее его «брутальность» и тем самым препятствующее великим решениям, — но также поспешно уводящее всякий ход осмысления к той точке зрения, которая должна предложить опору и решение всех вопросов.

10

Размышлять и быть мыслителем — не одно и то же. Но их различие остается скрытым именно от размышления, которое видит в мыслителе лишь мыслящего, осуществляющего мышление. Это давно было определено как представление представимостей наличного. Размышление есть вращение (Umtrieb) в этой области, характеризующейся лишь представляющим способом, и оно, поднаторев в историографической передаче мыслимого, превращается в переговоры (Verhandeln) между мыслями, которые в дополнение к «действительному» все еще нуждаются в «применении» и «осуществлении», чтобы быть оправданными пусть даже только как «мысли».

24

Бытие-мыслителем и не состоит в размышлении, и не возникает из него, поскольку мыслитель в лучшем случае обосновывает возможности размышления, причем через то, что всегда может быть названо основанием (Gründung) истины Бытия. Мыслитель отрицает сущее в целом в пользу Бытия, чтобы выпросить для последнего просвет, который всякий раз выговаривается в истолковании.

Бытие-мыслителем означает: сперва вникнуть в подобный просвет, проявить в нем, вопрошая, настойчивость (inständig) — выводить каждое слово лишь из этого основания и в его принадлежности сохранению этого основания. Однако было бы ложно истолковывать основание как учение или как утверждение точки зрения для выстраивания некоего представления; бытие-мыслителем означает: обладать мужеством к вопрошанию, не боящемуся *встречных вопросов*. Эти встречные вопросы не равнозначны «прогрессу» к следующе-

25 му и «лучшему», а являются подрывом состоявшегося основания, дабы его удержать соразмерным без-основности (Ab-grund), с тем чтобы Бытие никогда не предстало творением представляющего человека, а мышление не свелось к <выше описанному> размышлению.

Бытие-мыслителем означает: считать истину Бытия истоком истории (итога встречи Бога и человека со спором земли и мира), на мгновение удержать истину в слове вопроса, основывая и вопрошая принадлежать без-основности, которая беспрепятственно и нерушимо через сущее раскрывает ему <мыслителю> пространства и времена его истории и держит <его> собранным в единственности решения. Лишь просвет Бытия и только он дарует свечение (свет), в «сиянии» которого способно явиться сущее; ибо мрак и смятение также нуждаются в блуждании (Irre), а последнее — в просвете, который как без-основность сохраняет все сущее перемещенным в недостигнутое и лишь нуждающееся в достижении. Свет освещает, но не создает просвет (lichtet nicht). А ведь просвет есть о-своение (Er-eignung) в исход (Austrag) встречи и спора. О-своение есть о-своение события (Die Ereignung ist des Ereignisses) — ведь другое начало истории Бытия требует вымысливать Бытие как событие. Вот и для немногих, которые еще — и вновь — способны мыслить с возможностью принятия решения (entscheidungshaft), остается непомерным требованием наряду с этим 26 задавать вопрос об истине Бытия в его <вопроса> исторической уникальности и все же в безобразной определенности, не поддаваясь мрачной видимости пустоты и отвлеченности (Losgelöstheit), которые неизбежно присущи этому вопросу в его прежней метафизической форме — в силу длительной традиции передачи базовых слов и размывания базо-

вых понятий. Напротив, даже изворотливая сноровистость размышления не обеспечивает достаточной защиты — она лишь при помощи все более новых «результатов» создает иллюзию насчет того, что мыслительное вопрошание укоренено в бытии-мыслителем; но это вопрошание, согласно прежде данному определению, могло бы также быть легко подделано и лишено глубины. Можно было бы полагать, что «бытие-мыслителем» подчеркивает, в отличие от простого, произвольного и игривого размышления, основанного на радости от мышления (*Gedankenlustwegen*), что мыслитель содержание своего мышления «черпает из жизни» и соотносит с ней и делает правилом для себя самого, так что это мышление, происходящее из «жизни» и превращающееся в нее, помогает не отрываться от нее (*mitleben*). Подобных мыслителей, которые не растворяются в отвлеченностях своих мыслей, но берут их в «жизнь» и благодаря этому делают самих себя «существующими» («existent»), обычно называют «экзистенциальными мыслителями», а их «философию» — «философией жизни» или «экзистенцфилософией». То, что здесь роль мыслителя сводится к роли слуги перевозносимой «жизни» и ее практики, т. е. сущего, уже показывает, в какой мере «экзистенциальный мыслитель», не без причины востребованный и ценимый сегодня в различных формах, никогда не достигает бытия-мыслителем, то есть никогда не может вступить в область решений об истине Бытия вопреки господству оставленного бытием сущего (махинации).

В бытии-мыслителем заложено решительное знание, что осмысление как выпрашивание того решения вносит *опаснейшую помеху* «жизни» в эту «жизнь» и отказывается оправдывать себя перед нею. Ибо это роковое обстоятельство приковы-

28

васт данную эпоху к псевдо-истории (Ungeschichte) ее «жизни» — псевдоистории, возникающей вместе с нарастанием власти историографии: отсутствие в сфере осмысления мыслительных потрясений, которые могли бы с помощью ее «эпохи» своекорыстной самоуверенности породить разлад и посорить ее с ней самой. Вместо этого «дух» эпохи спешит подавить «дух» как противника «души»³ — то есть «плоти», то есть животного, — в каковом стремлении учения отдельных писателей и метафизиков остаются несущественными по сравнению с властью отказа от осмысления (Besinnungsabkehr) и нежелания, которые хищник (Raubtier) как раз и насаждает исходя из махинационной сущности сущего в целом применительно к нему и к Subjektum.

Бытие-мыслителем означает знание о том, что мышление, выпрашивающее решение, не только «враждебно жизни» по своим последствиям, но и по сути приняло решение против «жизни»; при этом «жизнь» подразумевает не наличие людей, собравшихся при протекании тех или иных массовых повседневных действий, — но считается названием для сущего в целом, которое, пренебрегая своей сущностью, утверждает себя через происходящее пред ним самим продолжающееся разбухание его состояния в данный момент в сторону большей — т. е. организованной и поддающейся исчислению — власти.

Быть-мыслителем означает знать то, что для решения важны не верность или неверность той или иной «картины мира» и обязательность и необязательность того или иного «мировоззрения», что осмысление не вправе учитывать то, являет-

3. [Ludwig Klages: Der Geist als Widersacher der Seele. 4 Bde. Johann Ambrosius Barth: Leipzig 1929 ff.]

ся ли (и в какой мере) та или иная мысль безусловно полезной для жизни или впала в бесполезность, что, более того, только *Одно* готовит к *решению* и со временем должно быть осуществлено: опустошит ли разнузданная махинация сущего всё до <состояния> Ничто, и разовьется ли человек, защищая животность хищника, в равнодушное, все рассчитывающее и обладающее всевозможной быстротой организованное животное с прекрасно упорядоченной стадностью, — а из этого стада порой еще сбиваются в стаю опустошители, — или же Бытие дарит основание своей истины как нужду и подбрасывает человеку необходимость взять на сохранение из другого начала простоту сущности всех вещей, благодаря чему он может дозреть до настойчивости в данный момент истории Бытия, удостаивающей его гибели, которая есть начало последнего Бога.

29

Решающим тут является следующее: искажает ли человек нашей истории изначально открывающееся ему бытие, сводя его только и окончательно к причине или условию представления сущего, и исходя из затухания сущего низводит до простой мысленной вещи, или же человек будет выпрашивать Бытие как без-основность и нисходя-восходя (*untergehend-aufgehend*) позволит нести и настраивать все это сущее.

С момента преодоления метафизики бытием-мыслителем обладает Бытийно-исторической сущностью, чтобы через выпрашивающее скрепление (*Fügen*) истины Бытия избавлять само Бытие как событие от любого нарушения, вызванного сущим. Бытие как безосновный исход встречи и спора (*des Austrags der Entgegnung und des Streites*) *скрепляет* без-властно (вне власти и безвластия) историю человека. Мышление подобного рода есть господство и решение; победа и насилие, успех и слава ру-

30

шатся, точно так же, как их противоположности (например, христианские идеалы отказа от мирских благ), «откатываясь» назад в Бытийно-историческое безвластие-бессилие того, что лишено способности принимать решение. *Вот почему*, однако, Бытийно-историческому мышлению присущи те непреодолимые острота и ударная сила, которые мы порой распознаем в царстве тишей тишины и той ее мягкости, что не стремится ни на кого воздействовать.

11

31 Слова о *преодолении метафизики* еще сегодня подвергаются расхожим ложным толкованиям; вспоминают Канта, — а скорее, ошибочную трактовку его со стороны «позитивизма», — и под преодолением метафизики понимают упразднение веры в познаваемость и в действительность сверхчувственного в пользу чувственного. Приверженность этому последнему, однако, является не преодолением, но огрубляющим преувеличением «роли» (*Übersteigerung*) метафизики — поскольку сейчас решается, что есть сущее, и именно что — *без вопроса* об истине Бытия. Но сущностная *непостановка* этого вопроса является Бытийно-исторической сущностной основой всякой метафизики.

«Преодоление метафизики», особенно если метафизика трактуется в Культурно-христианском смысле, можно легко выдавать за «атеизм», а его понимать как отрицание существования Бога. Преодоление метафизики, разумеется, является атеизмом — однако в смысле, недоступном никакой теологической метафизике: <а именно как> настойчивость в отбирании у человека той готовности, что состоит прежде всего в разворачивании боже-

ственности Бога во встрече с его «человека» сомнительным человечеством — в решение. Основывающее, связанное с Бытийно-историческим моментом выдерживание этого «отсутствия решения о божественности Бога», отказывается от публичного уважения и претензии на сравнение с каким-либо церковным или еще каким-то организованным производством благочестия и переживания; тем более что через подобные сравнения, особенно если они некритичны к этому а-теизму и нацелены на его окончательное (т. е. христианское) благо, в его без-основную сущность легко проникает разлад, который может выглядеть как предварительный этап подлинной «веры в Бога». Бытийно-исторический а-теизм измерялся бы по сути чересчур низким масштабом, искажая свою собственную сущность, если бы он захотел выдавать себя за более высокий уровень благочестия по сравнению с культурно-христиански-церковной набожностью; ибо он вообще не является благочестием, которое всегда должно иметь в качестве основы метафизическое истолкование сущего.

32

Бытийно-исторический «атеизм» видит в этом наименовании обвинение (*Belastung*), поскольку, даже если застраховаться от всех ложных толкований, все равно сохраняется указание на прежние метафизические мышление и оценки; особенно если забыть, что Бытийно-историческое мышление в соответствии со свойственным ему господством безвластной мягкости может всякий раз передаваться лишь немногим индивидам, которые на протяжении длительных промежутков времени скрывают в своей борьбе единственное решение о переходе от метафизики к основанию истины Бытия, тогда как массовость новоевропейского человечества лишь собирается организовать в планетар-

33

ном масштабе. Этот а-теизм не дает возможности заявить (или даже сообщить) о себе как о «направлении» или «точке зрения» и распространяться, подобно некоему воззрению, для сколачивания общины единомышленников. Все подобные намерения мешают нам правильно оценить беспримерную уникальность мыслительной колеи и исторической формы (Geschichtsform) истории Бытия. А-теизм остается поэтому — несмотря на все исправления (Berichtungen) — названием, которое Бытийно-историческому мышлению исходя из устаревшего метафизического мнения (Meinen) еще *могут* бросать вслед и ставить в упрек, чтобы кое-что доказывать с помощью имени и толкования, причем в тот же момент оказываются неспособными на решение, поскольку предшествующее ему осмысление считается дерзким или невозможным и не-нужным.

11a

34

Тем временем мета-физика превратилась в физику, а значит в физиологию. (Здесь подразумеваются не дисциплины и не учебные разделы (Lehrstücke), а основные положения в отношении сущего в целом как такового.) Первый решительный, а тем самым и осознанный шаг в это завершение метафизики сделал Ницше, сказавший «да» «чувственному» миру, который был тем самым поставлен вне различения истинного и мнимого — уже без соотнесения одного с другим. Однако если мета-физика сделалась физикой (отчего «физика» как наука должна оставаться лишь узкой, оторванной от жизни и поверхностной (vordergründlich) областью), то это не устранено, но лишь предано забвению. Вот почему (забытое) метафизическое достигает высшей власти; ибо физика — безусловно понимаемая

как полагание сущего в смысле свернутой в себе самой и развертывающейся *жизни* как области, образцовой сферы (Maßbezirk) и формы осуществления Нечеловеческого и человеческого сущего — содержит крайнее преувеличение <роли> сущего в целом, — то самое, которое, схватывая ближайшее в качестве безусловного, при этом Уходе в целое (Ins-Ganze-gehen) возвращается к себе самому и таким образом порождает видимость, будто здесь больше не полагается никакое сверх-чувственное.

Но разве использование «жизни» у Ницше является чем-то иным, нежели допущенное по неведению и ни на чем не основанное установление разделения на области, образцовые сферы (Maßstabbezirken) и условия осуществления (Vollzugsverhältnissen), — установление того, что хотя и можно и должно объяснять исходя из жизни как ее выражения, ибо «жизнь» является всенесущим всеобъемлющим — (περίεχον), но что тем не менее должно быть выставлено «над» «жизнью» и из нее, пока она еще стремится истолковывать себя саму и знать о себе. Подобным образом «метафизика» является неизбежной и «естественной», коль скоро с природой человека связано отношение к сущему как таковому, а значит, сущего к самому себе. Но если метафизика специально достигает в колее собственной истории образа «физики», то <это оттого, что> сущее столь несомненно обладает абсолютным преимуществом перед Бытием, что это стало правильным. Исключительное утверждение сущего и уполномочивание его власти есть неосмысленное отрицание Бытия (и, значит, его достоинства вопрошания). «Нигилизм» завершает метафизику и поэтому может пониматься только метафизически и преодолеваться единственно через преодоление метафизики. Там, где, напротив (в каких бы

36

то ни было случайных и половинчатых формах), «нигилизм», понимаемый как «мировоззрение» и тому подобное, ни осуществлялся и — подозревался и опровергался; там, где бегство в прошлое хотело бы оправдать себя само перед «нигилизмом» с помощью выдвинутой на свет видимости, — там нигилизм охватывает уже своих *мнимых* противников и хулителей и облекается в ту форму, чья величайшая опасность состоит в неопасности и незаметности (Unkenntlichkeit).

Проведенное Ницше глубочайшее осмысление лежит поэтому там, где он еще воспринимает себя как нигилиста, — и граница его осмысления состоит в том, что он уже не способен познать предпринятое им преодоление как крайнюю форму «нигилизма». Это ему не удастся, поскольку он вообще не может мыслить нигилизм метафизически-Бытийно-исторически, а только морально и в горизонте идеи ценности и полагания ценностей (Wertsetzung).

11b

Бытийно-историческое мышление не копирует наличествующие факты, не описывает их «структуры», не видит во всеобщем (как условии представления) основание особенного, не устанавливает ценности и цели. Бытийно-историческое мышление не имеет «содержания» и производит обманчивое впечатление чего-то «абстрактного» и пустого. Но то, что выглядит как пустота, есть только отпадение сущего в определении Бытия, каковое определение состоит в том, чтобы пространственно-временной зазор (Zeitspielraum) Бытия вы-мыслить в форме da-sein (da-seinshaft) и основать без-основность. Всякое «сознание» и осознание чего-то есть заваливание (Zuschüttung) <без-основной> без-дны

просвета Бытия при одновременном использовании этой бездны — без того, чтобы ее открытость вообще познать как таковую и даже как бездонную. Последняя лазейка, которая остается для метафизического «обоснования» «сознания», — это сведение осознанного к не-осознанному, причем вышеупомянутое истолкование сознания ограничивается представлением о предметах, а само представление понимает как «я — представляю».

Метафизика при всем ее давнишнем и необходимом уходе от вопроса о сущности истины неспособна видеть, сколь определенно именно «сознание о чем-то» скрывает в себе в качестве неоснованного основания (*als ungegründeten Grund*) — просвет Бытия, что *это* основание изначальнее и бездоннее, чем все весьма поверхностные «глубины» «бессознательного», которое люди, следуя психологии, ищут не в представлении, а в стремлении и инстинктах, — вовсе не подозревая и здесь об их укорененности в настрое, который следует понимать как просвет (*in der lichtungshaft zu begreifenden Stimmung*). Объяснять «бессознательное» исходя из сознания столь же невозможно, как обозначать «сознание» как простое явление, сопутствующее бессознательному, которое вскоре станут определять то как жажду <власти>, то как волю к власти. (Лейбниц — Шеллинг — Ницше.) Нельзя оспаривать, что выход из «сознания» (*ego cogito*) и установка на «сознании» (Гегель) оставляет нерешенным нечто существенное. Вопрос только в том, может ли возврат к «телу» и «жизни» привести и приведет ли нерешенное к решению. Очевидная односторонность всякой точки зрения сознания (*Bewußtseinsstandpunktes*), как кажется, одновременно и окончательно оправдывает переход к бессознательному как подлинному действительному.

37

38

Однако первый вопрос должен все-таки подвести к сомнительности «сознания» как такового; в какой мере его — как области метафизического мышления — недостаточно и почему. Нужно увидеть, как точка зрения сознания является сплошь существенным следствием истолкования бытия по лекалам «мышления», а потому *также* и подавно возврат к предсознательной «жизни» побуждается тем же обосновывающим метафизику приоритетом и ведущей ролью мышления. Все якобы «более глубокое» и более близкое к действительности отыскание «жизни» остается поэтому — строго говоря — падением ниже уровня точки зрения сознания, в которой все еще брезжит догадка (Ahnung), что cogitatio-ratio для того, что следует вообще выспрашивать, — сущего как такового — является важным, тогда как призыв «тела» и «души» <к восстанию> против духа — несмотря на кажущуюся правоту — равно моральному разложению (Versumpfung) мышления, но зато взамен можно тем вернее получить одобрение со стороны растущей бездумности и неспособности к осмыслению. Обрушение точки зрения сознания — да! но с ней <должна рухнуть> также и точка зрения защиты «тела» и «души» «против» «сознания». «Сознание» мыслительно преодолевается и понимается не путем уклонения в бес-сознательное (инстинкт), но путем более изначального осмысления сущности сознания и его встроенности в просвет Бытия: не «сознание» как остаточное свечение и излучение бессознательного, но как <нечто,> основанное в Da-sein. Но оно <Da-sein> бытийствует как Первое, если это бессознательное и импульсивное и инстинктивное суть лишь поверхностные (vordergründige) толкования, относящиеся к полаганию человека как животного: настроенность упорного основания просвета Бы-

тия — принадлежность человека промежуточному положению (in das Zwischen) между землей и миром.

Мнение Ницше относительно сущности и роли «сознания» все же не стоит воспринимать в обычном смысле «биологического» истолкования. «Сознание» не просто вплавлено как фикция «жизни» в нее саму и перемешано со всеми прочими «фикциями» и передано потоку жизни и жизненному месиву, — напротив, сознание в смысле представления и у-становления и закрепления постоянного играет сущностную роль в «жизни», — оно есть своего рода воля к власти в смысле необходимого для превосходства упрочения определенной жизненной ступени и перспективы, которые затем и таким путем только и могут быть преодолены. Поскольку «сознание» вкладывает всякий раз в жизнь сущее в смысле постоянного, то оно значимым образом связано с сущностью, которая, однако, находится в противоречии к собственному бытию как «жизни», т.е. становлению, — каковое противоречие не исключает взаимопринадлежности. Через это отношение сознания и «бытия» позиция Ницше по поводу точки зрения сознания всегда обретает и сохраняет сущностный метафизический характер, из-за которого терпит неудачу любя грубая <попытка> биологического впавления сознания в «жизненный поток». И в этом манера изложения Ницше не должна соблазнять на истолкования, огрубляющие и оперирующие с дешевыми противопоставлениями как исключениями.

40

Сокровенная немецкость — да будет неприкосновенна жертва павших; каждый, кто высказывается об этом даже задним числом, должен знать, что воин был

важнее, чем когда-либо мог быть автор. Тем не менее в сфере, лежащей совершенно вне рамок *историкографического* рассмотрения и оценки мировой войны, мы должны отважиться на осмысление, которое выявит вредную узость, впрочем, серьезных опасений по поводу воздействия фронтового духа. Никогда этим не может быть достигнуто наиважнейшее, а именно перенос фронтового духа (готовности к бою — <фронтовой> дружбы — выносливости — веры и т. д.) из солдатской в политическую сферу, так чтобы обе они, по сути совпадая, одновременно полностью и сплошь определяли всякую человеческую позицию, образуя опору для «тотальной мобилизации»⁴; ибо *таким путем* лишь один недавно пережитый (*nächst erlebbar gewesener*) — пусть крайне жестокий и болезненный — процесс как будто непосредственно возводится и отчеканивается в тип, и вообще необдуманно утверждается власть <этого> «типа». <При этом> теряется и исторически еще вовсе не выносится в «область» осмысления то человеческое бытие, которое в образе воина лишь предваряется как первое возвещение (*Ankündigung*); сам же воин сперва превращается в некую тайну и как раз не являет собой чеканную фигуру завершенного типа.

Но это человеческое бытие, вероятно, имеет свое первое историческое призвание в том, что у него была отнята всякая опора на сущее, и вместе с тем не могло утвердиться никакое разочарование в Бытии. Держание-себя без опоры (*Das ungestützte Sich-*

4. [Ernst Jünger: Die totale Mobilmachung. In: Krieg und Krieger. Hrsg. von Ernst Jünger. Junker und Dünhaupt Verlag: Berlin 1930, S. 9–30.] — Юнгер Э. Рабочий; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. А. В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000. — *Прим. пер.*

halten) в сокрытости и отвергнутости выстраивает сквозь прежнее человечество структуру, в которой возвещается Сущностная Возможность отношения к Бытию. Но это повсюду <происходит> одновременно посреди высвобожденных форм власти полностью планируемой организации всяких действий и выстаиваний. В этой одновременности возвещения другого и начала продолжения и завершения предыдущего во всей его полноте открывается еще и третье: Планируемость и планомерность предельных расчетов и организации продвижения вперед, как кажется, исключает всякую случайность и всякую неожиданность. В самом деле, и то и другое исключено в границах области самого продвижения и его горизонта вплоть до мелочей. Но эта власть организации, основанной на расчете, вносит в сущее высвобожденную махинацию (Machenschaft) и тем самым нарушение (Verstörung) в целом, что становится все более серьезной причиной <возникновения> непредвиденного. Опасность вырастает до непредставимого, ибо по сути уже забытого, — что когда-нибудь совершит прорыв оставленность сущего всем основанным Бытием и полностью устранил всякую возможность опоры на сущее и именно в любой форме расчета.

43

Опасность случайности, связанной с полной безосновностью сущего, кроется в абсолютной власти махинации. Не отдельные случайности и несчастные случаи угрожают отдельным людям, — пока это происходит, это неважно в сущностно- и Бытийно-историческом отношениях, хоть и, возможно, весьма тяжело для пострадавшего в кругу его историографического пребывания в эпохе. *Решающей случайностью* оказывается единственный взрыв оставленности бытием посреди мнимо неудержимого осуществления высшего уполномочивания

всего сущего в каждой его [?]. Подготовка к этому случаю позволяет только исторически осуществиться в сущностном преображении человека, таким образом, что человек становится *своим* (heimisch) — не привыкшим и не равнодушным — в том времени-пространстве безопорности сущего и сокрытости Бытия. Стать грядущими своими в этом единственном промежутке между сущим и Бытием есть сохраняемое предназначение скрытых немцев (der verborgenen Deutschen). Они находятся вне всех предшествующих историографически-политических и религиозных пространств, — и их история обладает способностью умалчивания, на которой основан иной способ сообщения (Mitteilung).

44 Они уже больше не располагают доступной только в сфере метафизики возможностью запечатления (Ausprägung) их Da-sein (т. е. первого Da-sein) в «типичном»; ибо «тип» есть только поворот «идеи» и «идеала» в сферу человеческого осуществления (Vollzug) — полностью привязанного к метафизическому происхождению, а также к логике метафизики, и существенно зависящего от расчета и планирования. Тип есть форма «идеала» в эпоху завершения Нового времени — высвобождения (Loslassung) машинაციонной сущности сущего; различие «единичного и общего», исчезновение единичного ради общего есть только морально-общественным образом трактуемый и более безобидный — *учитывающий* душу масс — т. е. организованный фасад власти «типа» — «рода», «расы» — сообразно оснащению (rüstungsmaßig) [?] запланированного и выращенного — дисциплинированного, включенного в машинацию человечества, которое иногда налагает на себя — на первый взгляд противоположные — политические формы и никогда не распространяется само, но всегда в измененном и замаскированном

виде. Da-sein несет в себе необходимость сверх-освоения (Über-eignung) самости человека, которое столь же далеко от всякой субъективации (поскольку вообще больше не «субъект»), как и от разъединения (Vereinzelung) в морально-метафизическом смысле «личности» (Person). «Разъединение» определяется исходя из пере-носа настойчивости в «здесь» (Da) — в *самость* (das Selbst).

45

Но эта <самость> не определяется ни из яйности, ни из — мнимо полагаемой наличной — отдельности (Einzelung) некоего первого попавшегося человеческого экземпляра — <а как> самость (die Selbstheit), наверняка <исходящая> из <пребывания> У-себя (aus dem Bei-sich), настроенного как Принадлежащее-Себе (Sich-Zu-Eignens) благодаря освоению (Er-eignung), которое есть способ бытийствования Бытия (о-своение) (Er-eignis). Самость (die Selbstheit) Da-sein можно только тут-настойчиво (da-inständig) понять как *указывающее на себя основание* истины Бытия; таким образом, «самость» (Selbst) есть прыжок в без-основность Бытия. (Характеристика Da-sein в «Бытии и времени» как <для каждого> «всегда-моего»⁵ (des «jemeinigen») мыслит уже за пределы порожденной-бытием сущности самости и ее подлинности, поскольку <пребывает> лишь в колее вопроса об истине Бытия, — но она также остается столь же сильно повсюду привязана к тому, в чем оно нуждается, чтобы попытаться осуществить отскок (Absprung)). Da-sein, настойчивость Само-Стоящих (im Selbst Ständigen) есть просветляющая встреча (die lichtende Er-gegnung)

5. [Martin Heidegger: Sein und Zeit. GA 2. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1977. S. 57.] — Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 42.

- 46 лишенного опоры, незащищенного сущего с отказывающимся Бытием. Промежуток этого просвета как сущность истины создает в возникновении (im Er-stehen) вопрошающей настойчивости из самого Бытия и к нему настроенное — то есть Бытийно-историческое — предназначение сокрытой немечкости.

13

- Между «научным философом» и мыслителем есть одно различие. Первый рассчитывает «систему», призванную стать основой объяснения и рамками того мышления, которое остается чуждым «системному мышлению». Научный философ стремится к растущему расширению своих учений, чтобы все помысленное и мыслимое всегда имело в этой рамочной конструкции еще одно, а значит всегда подчиненное системе место. Этот вид формализующей рамки (например, в смысле абсолютного сознания у Гегеля; универсальной субъективности его у Декарта, которая также еще позволяет «конституированию» «объективности» «конституировать» самого себя в «субъективности», чтобы не допустить необоснованного) полагает, что благодаря подобному овладению (*Übermächtigung*) обладает универсальной истиной и превосходством, хотя он лишь постоянно попадает в некую, становящуюся
- 47 ся все более незримой зависимость от того, что ему становится известным как другое и еще не включенное в рамки, — в соответствии с чем требует устройства для такого расширения системы, чтобы эти расширения без каких-либо разломов всякий раз и до бесконечности были возможны для точки зрения «сознания». Подобная точка зрения, которая вообще-то живет лишь за счет того, что в нес

вносится Другое и Чужое, чтобы она включила это в подготовленные соответствующим образом рамки, имеет право использовать «континуальность» (Kontinuität) своего развития и одновременно выдавать эту непрерывность за признак весьма далекого предвидения и уверенности в себе, а то и другое — возможно, за «гениальность».

В действительности, однако, здесь имеет место лишь перенос новоевропейского «математического» метода науки на «предметы» философии, которые в определенной форме, родственной новоевропейской науке, подхватываются и полагаются как абсолютные. В соответствии с этим проявляется также притязание на значимость «научной философии», которой чуждо любое мыслящее существо. — Второй, <т. е.> мыслитель, знает, что непредсказуемое изменение является существенным, что имеется постоянство обрывов, не следующих друг за другом, каждый из которых глубоко увязает в колее искомых решений. Вот почему мыслитель, — направленный на уникальность своих целей, — должен еще отбросить их, не для службы Другим, а для того, чтобы неповторимость <своего> мыслительного вопрошания вместиť в <ни с кем> не несогласуемое и сохранить его характер решения и чтобы отчуждение (Übereignung) в просвет Бытия к его <просвета> основанию становилось всякий раз начальным базовым опытом бытия-мыслителем (Denkersein). Полное исключение «научного философа» из области бытия-мыслителем нагляднее всего выдает себя в том стремлении не допускать ничего необоснованного и все растворять в деятельности «субъективности». Здесь действительно *ничего* не обосновано, кроме самой субъективности, т. е. определенного — а значит, совсем не безусловного и не универсального истолкования

человека как «Subjectum». Ослепление этой предпосылкой мешает также тому, чтобы когда-либо стало возможным какое-то решение <, основанное> на точке зрения (Standpunkt) «сознания», направленное *против* самой этой точки зрения и одновременно и именно *таким образом* еще открывающее возможность другого местоположения (Standort). Но у Гегеля «научная философия» попадает в сферу бытия-мыслителем (Denkersein), поскольку она в историческом плане понимает себя как завершение западноевропейской метафизики и тем самым начинает догадываться о — впрочем, давно принятом — решении.

49

Чем больше метафизическая сущность человека — разумное — чувствительное (т. е. «переживающее») животное — приходит к власти внутри неизбежного прокладывания пути абсолютному уполномочиванию махинации, тем отчетливее выпирает оподление (Vergemeinerung) этой сущности, в том числе в рамках массовости человечества: Животность, как и способность к переживанию, создают себе форму общности (Gemeinheit): человек обладает одновременно животной и чувствительной (sentimental) сущностью — одна соответствует другой — обе попеременно поддерживают друг друга и претендуют на обладание «способностью» и «глубиной» (глубиной «переживания»). Сворачивание человека в эту его мнимо полную и несомненную сущность является *расчеловечением* (Vermenschung) человека.

Философы должны быть властителями и стражами, — но где находятся резиденции этих властителей, где земля, в ландшафте которой они возвышаются? Сперва эту землю мы должны сделать

пахотопригодной, а прежде всего сделать видимой и предугадываемой, — нужны издавна подготовленные вопрошатели, за пределами власти и безвластия, строго исходя из мягкости знания о безосновности Бытия. Господство тех властителей, однако, не является публичным обладанием могущественными правами на насилие. Они не «влиют», но незримо привязывают к Тому, чем они сами не являются, как его неведомые стражи они отбрасывают от себя все, что могло бы помешать созвучию с простотой сущностных ответов (*was den Einklang mit dem Einfachen der wesentlichen Entgegnungen zu stören vermöchte*).

50

15

Решения возникают не из усмотрений (*aus Einsichten*), но лишь становятся усмотрениями, если под таковыми понимать проясняющее узревание чего-то необъяснимого и тайно-скрытого. Пожалуй, в противовес этому решения подготавливаются путем осмысления — выпрашивания о том, что надо решить; решения принимаются не насильственно, не вслепую, иначе их название оказывается ложным и они остаются мерами, обусловленными безвыходностью.

Решения выглядят как исполнение (*Vollzug*) человеком <чего-то> и являются в действительности о-своением-сбыванием (*Eg-eignung*) человека в сущностных отношениях (к истине бытия, к забвению бытия, к оставленности сущего, к нерешенности между бытием и сущим). Будучи такими освоениями-сбываниями в <области> этих отношений, эти решения сами по себе являются «усмотрениями» и как таковые могут сделаться знанием, которое, действуя до всякой осведомленности, не позволя-

51

ет никакого Связного Сообщения (Satz-hafte Mitteilung), однако значительно превосходит по определенности всякую доказательность, основанную на «фактах» и обстоятельствах, поскольку на-строй (Be-stimmung) проистекает из настроенного в решении верного базового настроя (Grundstimmung). Относящиеся к решению знание никогда не носит характера убеждений, ибо решения вводят человека в открытое пространство высвобождения возможностей, чему противостоят, ослепляя, убеждения, насаждающие первым делом враждебность по отношению к достойному вопрошания. Решения-раз-деления (Ent-scheidungen) суть в-прыгивания в достойное-вопрошания.

16

С возрастанием ловкости человека (ловкость <здесь> понимается в метафизическом плане как высшая планирующая-организующая способность к ориентировке) сущностность сущего впадает в безразличие. Это позволяет предположить, что однажды *осмысление*, подобно давным-давно издохшему сказочному существу, будет исключено из современности. То, на что оно могло претендовать, наверняка было передано собственной производственной форме «духовно-культурной» жизни: своевременному описанию текущих происшествий и освещению соответствующей ситуации.

52

«Связь с народом» нынешних издателей приводит к действиям, которые можно сравнить разве что с неприглядными делишками «спекулянтов, наживавшихся на войне». Не должно удивлять, что писатели, в творчестве которых еще недавно видели обещание серьезности усилий по осмыслению, повсеместно служат издателям, участвуя

в их программах. «Журналы», прежде собиравшие вокруг себя молодежь с ее устремлениями и вопросами, соблюдавшие дистанцию и субординацию, идут теперь по стопам мегаполисных изданий, где «обнаженка» прямо соседствует с папой Пием XII. Вместо этого даже не отваживаются на «поступок» или хотя бы на подготовку к нему, отказываясь от осмысления и вопрошания; обращаясь к «фотомонтажу» «духовно-политической» жизни, люди становятся «историографическими» — сообщают и освещают то, что уже считается «решенным» и «проясненным», и превращаются в весьма сомнительный «объектив» «XX столетия». Внушают себе, что они участвуют в европейских решениях, и отдают себя в соответствии с такой позицией, — если это еще можно назвать «позицией», — во власть отвратительнейшему американизму.

Подобные признаки имеют небольшой вес, если вообще им обладают, — по сравнению с махинацией, которая в более глубоких сферах захватывает все это в свои клещи; но подобные знаки необходимо иногда перечислять, чтобы оценить степень отсутствия «духовного» сопротивления основным силам эпохи, которые обладают преимуществом *перед* всем «политическим» и «культурным», и прийти к *возможному* познанию <ситуации>. Но поскольку «связь с народом» сегодняшних издателей в отдельных предприятиях влечет за собой конкуренцию, жажда <всех> обогнать приведет еще к формам «книги», которые еще не обнаруживают себя сегодняшней способности воображения. Подобные явления, однако, накладываются на процесс, в котором масса (прежних и новых «образованных») научилась пресекать любую попытку осмысления всей совокупности сущего.

«Интеллектуалы» являются обладателями унаследованного дела познания и запаса знаний, — если относиться к ним и оценивать с точки зрения массы, пока *еще* не допущенной к власти над этим делом и объемом знаний; они до тех пор представляют собой объект ругани и хулы, пока масса еще не стала «интеллектуальной»; это удастся ей не быстро и сочетается с незаметным понижением интеллектуальности до уровня притязаний и переживаний массы; этот процесс овладения начинается с заимствования «интеллектуальных» словечек — так, например, в какой-либо речи не «показано» (*gezeigt*) что-то, а «продемонстрировано» (*aufgezeigt*). Сами же «интеллектуалы» для оправдания и уточнения своей сущности занимаются только приспособлением к пожеланиям массы, — не мудрено, если настанет день, когда будет считаться вполне нормальным, что «наука» и «писательство» (под которым понимают «поэзию»), а также создание картин и музыкальных пьес, «связаны с народом». Оправдание есть признание права того, что требует масса, а именно, чтобы указанное предприятие познания действовало для ее пользы и в ее духе. В этом требовании, однако, нет ничего необычного, оно просто высказывает то, что невысказанно заложено в дело познания и знания: планирование сущего ввиду его полного использования и полезности для каждого. Но причина этого стремления заключается в том, что сущее в целом считается уясненным и достоверным (*gewiß*), что оно не нуждается в осмыслении, поскольку к тому же никакие возможности <этого> больше не просматриваются.

«Интеллектуалы» занимают в отношении к «метафизике» и к людской массе двойственную пози-

цию. Они считаются странными и даже неподобающими <людьми>, в исключительном порядке обладающими знаниями, и при том, будучи таковыми обладателями, они являются как раз заклятыми врагами всякого осмысления. Если в результате произойдет уравнивание и растворение в массе, и они внутри нее, окруженные ею и лишенные власти, снова обретут какую-то роль («наука» опять приобретет «уважение»), то именно «интеллектуалы» — эти злейшие враги всяческого осмысления, — а не тупая и глупая масса, — *они*, а не те, кто у них учится и им лишь подражает, явятся подлинными источниками разрушения.

18

«Прагматизм» есть учение, согласно которому истинное (das Wahre) следует искать в том, что приносит пользу, и как таковое характеризовать. Это использование мыслится как поощрение и обеспечение того самого состояния человеческой жизни, которое человек принимает или требует, указывая на свой унаследованный характер как данный и неизменный. Существенна не только идея *пользы*, но прежде всего определение того, *для чего* полезное полезно: то, что использование остается «направленным» на расширение и увеличение без вопрошания принимаемого наличного, — <т.е.> так называемой «жизни» (prosperity⁶), — что оно отдает должное притязанию на «жизнь» и служит ему — сама «жизнь» при этом есть организация этого использования и наслаждения от удовлетворения имеющих и считающихся

56

6. Экономическое процветание (англ.). — Прим. пер.

значимыми (*geltenden*) влечений к «власти», «красоте» и благополучию. Жизненные ситуации самой жизни, — которая обустроилась с учетом собственных стремлений, — вот цель. «Прагматизм» поэтому всегда является неизбежным следствием и важным дополнением крайнего «рационализма», — которому необходимо надежное обеспечение своего собственного притязания на обеспеченность — обеспечение, которое он сам только по видимости может полностью иметь в распоряжении в своем *собственном* смысле и с помощью своих средств. Так, например, Декарт пытается доказать «существование Бога» в смысле и средствами своего нового принципа *clara et distincta perceptio*⁷ Однако в этом доказательстве решающим является то, что вообще вера в Бога есть нечто нужное и полезное. Паскаля никак не назвать противоположностью Декарта, это лишь явное дополнение того, что уже содержалось в базовой позиции Декарта.

57 С распространением новоевропейских взглядов, власти расчета и планирования и обеспечения растет самоочевидность «прагматизма»: вещь оправдывается своей пользой как нечто действительное и существенное.

Почему же «прагматизм» как «учение» и «мировоззрение» получил распространение и множество сторонников главным образом в «Америке»? Не потому, что американцы особенно озабочены «полезностью», а потому что они выстраивают человечество на основе *рационального* обеспечения и расчета и широко распространенной организации и планирования. Любой настоящий «рационализм» в метафизическом смысле (который полагает махина-

7. Ясное и отчетливое восприятие (*лат.*). — *Прим. пер.*

цию сущего как сущность, не понимая ее *как таковую*) приводит к «прагматизму» и наоборот: там, где господствует прагматизм, — где истинным является то и только то, что «полезно» для «жизни», там метафизический рационализм пребывает у власти или же приближается к пику своей власти.

Само рациональное, — то, что обеспечено расчетом и планированием и организацией, — обеспечивает, в свою очередь, активизацию «жизни», приобретая таким образом характер «полезного» и необходимого, — что поэтому нуждается в высшем формировании (*Ausformung*), — а потому *ницше*вская так называемая философия «жизни» не исключает власти «духовного» и «знания», — дух есть лишь «противник» «души» в *том* смысле, что он обеспечивает высшие и дальнейшие возможности душевного, а значит, и тела, и постоянно вновь выводит их из оупения, возвращая в некогда достигнутое состояние. Насколько в этой крайне высокой оценке рационального и логического таится согласие с безмерной неосмысленностью и неспособностью к вопрошанию, насколько при этом в крайнем утверждении «плоти» и «жизни» кроется некое (или самое слепое) бегство от сущего и уклонение в безбытийное, — в сфере этого завершения метафизики (рационализма и связанного с ним прагматизма) невозможно узнать и выпросить. Метафизическая опасность такого состояния заверченного Нового времени заключается в его полной Бытийно-исторической неосведомленности, в силу которой это состояние в той же мере, а значит безмерности, приводит к власти «плоть» и «разум» и продолжает разыгрывать их друг против друга во все более жестких и грубых — более насильственных формах, чтобы спасти и утвердить их обоих. Можно предположить, что неосведомлен-

ность в Бытии является базовым условием, которое необходимо постоянно подпитывать, для привыкания к тому, что они называют «жизнью».

59 Грабительство и бандитизм в эпоху полного господства всяких средств маскировки и обмана могут принимать различные формы. Предшествующей формой был Версаль; мировые войны разыгрывались на разных уровнях; самый нижний был достигнут тогда, когда сочетались высшая разумность и применение насилия, позволяя захватить врага врасплох, что само по себе не имеет цели, если только не считать ею гигантскую маскировку гигантской пустоты и растерянности.

19

Вся история, которую можно установить и восстановить историографически, совершается как бездумность по сравнению с решающей мыслью, согласно которой бытие основано на некоей истине или же истина сокрыта в нем. Бездумность в форме отсутствия потребности в осмыслении распространяется при этом прежде всего на себя саму, — она ничего не ведает о себе, — иными словами, ее собственная сущность для нее недоступна, так что эта изоляция от собственной сущности принимает форму убеждения, что якобы «действительная» история (успехи и события) является также путем человека к его предназначению. В соответствии с этой историографической сущностью обычной истории она сама остается невосприимчивой к любому побуждению к осмыслению.

60 Тем не менее бытийствование Бытия требует одиночек, способных отвести взгляд от уровней обычной и публичной истории и при этом знать о событиях, не постижимых историографически.

Сильнейшим препятствием и подлинным роком для немецкого самоосмысления являются деловитость, тщеславие и бестолковость «немцев, живущих за границей»⁸. Образцом их остается *Гердер*, и его отношение к Канту служит одновременно примером того, как все эти новаторы и их подражатели внутри Германии обращаются с немецкими сущностью и деяниями (*Werk und Wesen*). Господствующая нынче мода на Гердера дает некоторое представление о масштабе бегства в неосмысленную болтовню о переживании, из-за которой любая сила и всякая серьезность борьбы вопрошающей полемики с западноевропейским мышлением, возможно, будет надолго нарушена и поможет махинации достичь безграничных полномочий (*Ermächtigung*), стремясь (в романтическом порыве) при этом к чему-то другому — спасти народность и т. п. или даже обновить ее. Это было бы в крайнем случае еще возможно метафизически, — но уж никак не «народоведчески» (*volkskundlich*).

Но ведь метафизика является причиной, которая уже давно подготавливает махинацию, — вот почему и у нее нет больше сущностной силы <для> спасения. А если уж на место метафизики придет народоведение в точном смысле науки о расах, предыстории, нравах и обычаях, то каким образом из этого типа «мышления» — который уже больше

61

8. [«Немец, живущий за границей» (*der «Auslanddeutsche»*) — так называли и называют живущих за рубежами Германии немцев, имеющих (или не имеющих) германское гражданство. Забота о «немцах за рубежом» была в 1930-е годы непременным элементом политики «министерства иностранных дел», которым руководил сначала Константин фон Нейрат (до 1938 г.), а затем Иоахим фон Риббентроп.]

не мыслит — сможет возникнуть знание, в котором завоевываются сферы решения для истории западноевропейского человека?

21

Борцы — во-первых, это те, кому все время требуется противник и которые, если он отсутствует, изображают его, подбрасывая эту имитацию себе и другим; без противника они чахнут в беспомощности и бесцельности, и чтобы избежать этого, они сражаются в принципе всегда за действительное или мнимое наличие противников, становясь зависимыми от этого. Во-вторых, это те, кто пребывает лишь в том, *за что* они сражаются, им не нужны противники, а если таковые имеются, подчиняют их себе, а сами — утрачивают цель. Высший вид борьбы таких борцов, которые так себя вовсе не называют, это борьба за выполнение сущностных решений. Борьба ведется не за обладание и не ради успеха, не ради власти и наслаждения, но ради начала истории бытия.

22

«Политически» в новоевропейском смысле действует тот, кто, например, за не оплаченное ему предательство в пользу другого государства все же получает ожидаемое вознаграждение, используя дружескую помощь того, кого он и предал. Политика уже больше не имеет ничего общего ни с *πόλις*, ни с нравственностью и еще меньше со «становлением народом». В эпоху завершеного обезбоживания она представляет собой единственно подходящую базовую форму насильственной концентрации всех властных средств и методов насилия, которые

не подчиняются никакому судебному органу и все справедливое выводят из «права», т. е. из властных притязаний на «жизнь», т. е. из уполномочивания власти, так что речь о «праве» воспринимается только как остаток преодоленных представлений о порядке, чтобы тугодумы и сторонники старых предрассудков постепенно привыкали к новому порядку. «Политика» есть подлинная исполнительница махинации сущего; ее следует понимать лишь метафизически, — всякая другая оценка слишком узка. И потому речь о политике насилия есть ошибочное понимание в форме перегруженного выражения; ибо власть требует такую политику, чтобы с ее помощью быть организованной к уполномочиванию махинации сущего. Эта политика является «тотальной», — не потому что она включает в себя все, но потому что она в соответствии со своей сущностью основана на исполнении сущности сущего. Представления типа «национализм» и «социализм» относятся к эпохе, когда Новое время еще пребывает на предварительной ступени своего завершения; теперь они являются только названиями, используемыми в историографии, для совершенно другого процесса, который вообще нельзя больше называть «политическим».

63

23

Науки в эпоху безудержной махинации вырождаются в природо- и народоведческое *ремесло*. Это ремесло представляет собой организацию «техники» в сущностном смысле, — т. е. одновременно историографии — уполномочивания природы и народа: <превращение> результатов его деятельности (Gemächte) в насильственные средства (Machtmitteln) махинации. Любая попытка объединить науки

64

со «знанием» в смысле основания истины и решения относительно нее должна вызывать град насмешек. «Природа» и «народ» сами представляют собой лишь махинаторские учреждения, в которых происходит и каждый раз закрепляется уполномочивание махинации. Только «мечтатели» и «простодушные обыватели» еще усматривают в этом <виды> действительности, в которых пустота человеческого могла бы найти основополагающее и все превосходящее воплощение.

24

65

История западноевропейского человека — неважно, обретается ли он в Европе или где-либо еще, — неспешно подошла к такой ситуации, в которой все привычные сферы — «родина», «культура», «народ», а также «государство» и «церковь», да к тому же «общество» и «общность» — отказываются предоставлять прибежище, поскольку они сами сведены до уровня простых предлогов и принесены в жертву любому порыву, чьи движущие силы остаются неизвестными и выдают свою игру лишь тем, что принуждают человека привыкать ко все более назойливой массовости, чье «счастье» истощается тем, чтобы обходиться без решений и усыплять себя мнением, <что нужно> все больше добиваться обладания и наслаждения, ибо достойное обладания постоянно уменьшается и становится бессодержательным. Единственный и к тому же обязательно неподлинный страх, который еще допускает подобную ситуацию, есть опасение, что эта человеческая деятельность (Menschenbetrieb) могла бы в результате новых войн внезапно закончиться и исчезнуть; ибо там, где застревание в наличном выдается за обладание и овладение сущим, несчастье съедается

до состояния, в котором и через которое все наличное должно подлежать устранению.

Где здесь могла бы возникнуть хотя бы тень того страха, который познает, что именно господство наличного и отсутствие потребности в решениях, незаметно ширящийся рост предназначения к этому положению уже и прежде всего является не только разрушением, но <и> опустошением, господство которого более не уязвимо для военных катастроф и катастрофических войн, но которое может быть только засвидетельствовано. Подгоняет ли стадная сущность человека, предоставленная сама себе, в результате своего оподления, подгоняет ли она человека к завершению его животности, или сборище властелинов (*Gewalthabern*) гонит предельно организованные и «готовые к бою» массы к полному отсутствию решения, или таким образом может или не может быть выведена «иерархия» внутри окончательно установленного животного в смысле «сверхчеловека», — это никак существенно не влияет на метафизический характер сущего в целом. С ледяной отвагой и при отражении всякого напора «моральных» оценок и «пессимистического» настроения мыслительный взор должен иметь перед собой и вокруг себя завершение метафизической истории сущего, чтобы чистый и прозрачный воздух для первоначальных решений пронизывал вопрошание осмысления.

66

Здесь следует знать, что опустошение внутри сфер «образования» и «культурного производства» продвинулось уже гораздо дальше, чем в поле более грубого удовлетворения жизненных потребностей. Соответственно, здесь — у незадачливых защитников духовного наследия — сформировалась еще большая ловкость в отказе от сущностного осмысления. В соответствии с этим используется и усиливается

67 вается, с одной стороны, лишение власти всех областей укоренения (*Verwurzelungsbereiche*) ради наделения властью сплошной махинации, а с другой стороны — отрицание притязаний массового человека на решение и масштабы. Благодаря этому расширяющемуся соответствию возникает незримая пустота, скрытую сущность которой не понять исходя из еще ведущей метафизической установки, тем более что, представляясь своей противоположностью, она создает себе авторитет как безусловное включение человека в махинацию сущего в целом, — и это зачастую со ссылкой на исторические формы господства, уже давно не имеющие под собой никакой почвы, — так, например, нынешние представители «военной касты» (*Soldatentum*) полагают, что еще могут сослаться на «пруссачество»; оно изменилось в своей сущности и представляет собой нечто иное, чем воин последних лет мировой войны, — не говоря уже о том, что из этой области человеческой деятельности, даже если она с присущей ей жестокостью ставит перед лицом смерти, никогда не могут исходить творческие исторические решения, но лишь формы опосредованной дисциплины, расширенные до «тотального» «масштаба», что равносильно грубому неведению о сущности Бытия и его внеположности по отношению к силе и бессилию.

Однако по той же причине любой «пацифизм» и любой «либерализм» также не в состоянии проникнуть в область сущностных решений, поскольку он приводит только к контр-игре против подлинного и неподлинного воинского сословия (*Kriegertum*). Но временное усиление власти еврейства связано с тем, что метафизика Западной Европы, особенно в ходе ее нововременного развития, предоставляла исходное место для распространения некоторой (впрочем, пустой) рациональности

и расчетливости, которые на таком пути обрели прибежище в «духе», не будучи сами способными постичь скрытые сферы решения. Чем более изначальными и первоначальными становятся грядущие решения и вопросы, тем недоступнее остаются они для этой «расы». (Так, непреходящую важность сохраняет шаг Гуссерля к феноменологическому рассмотрению при отказе от психологического объяснения и историографического пересчета мнений, — и все же оно нигде не достигает областей сущностных решений, и более того, всюду предполагает историографическую традицию передачи философии; неизбежное следствие <этого> сразу же проявляется в том сворачивании к неокантианской трансцендентальной философии, которое в конечном счете делает неизбежным движение к гегельянству в формальном смысле. Мои «нападки» на Гуссерля нацелены не только против него одного и вообще несущественны — нападки направлены против игнорирования вопроса о бытии, т. е. против сущности метафизики как таковой, на основе которой махинация сущего способна определять историю. Нападки основывают исторический момент высшего решения между приоритетом сущего и основанием истины Бытия.)

68

25

«Большевизм» не имеет никакого отношения к азиатчине и еще менее к славянской природе русских, то есть к базовой арийской сущности, — он порожден европейско-западной нововременной рациональной метафизикой. — Что будет, если большевизм разрушит русскость, если приравнивание русскости к большевизму полностью обеспечит это разрушение?

69

Наибольший размах опустошения (так же, как и нигилизма в сущностном смысле) будет подготовлен тогда, когда будет отказано смутному предчувствию тайны Бытия из наибольшего отдаления от него, <самой> возможности прохода <к нему> <и когда> он не будет осуществляться в своей метафизической сущности.

Та же сущностная форма отделяет большевизм от русско-славянской народности. Те же корни лежат в новоевропейской историчности разнузданной махинации. Ее абсолютные притязания всякий раз порождают соответствующую вражду и усиливают непонимание изначальной взаимоотножденности народностей.

70 Все расовое мышление возникло в Новое время, оно движется в колее представления (Auf-fassung) о человеке как о Subjektum. В расовом мышлении субъективизм Нового времени находит свое завершение во включении телесности в Subjektum, а также в окончательном понимании (Fassung) Subjektum как человеческой <природы>, свойственной человеческой массе. Одновременно с этим завершением и подчинением его себе совершается уполномочивание махинации на абсолютность (in die Unbedingtheit). «Народности» суть только предубеждения и средства власти и ее цели, — но уже более и вообще не исток и начало — иными словами, они бытийствуют исходя из назначенности в основание истины Бытия. Нераскрытая тайна русскости (не большевизма) имеет как таковая право на существование и может быть обоснована через соответственно изначальное — оставляющее позади себя всякую мс-

тафизику и всю христианскую культурную деятельность — мыслительное выговаривание бездны Бытия (Гёльдерлин, предоснователь решений).

27

И вот снова, — а сколько раз это будет еще, — немецкая сущность отброшена далеко назад в жуткую соккрытость; ей все еще не хватает ясности и мужества для господства, исходящего из тишины дарования высшей борьбы в самом Бытии, которое является сохраненным истоком последнего Бога. Не «через» Него как своего «Творца», но в решимости к Нему во встрече сущности божественности и человечности возникнет из человеческой сущности некий народ, который вы-несет (er-trägt) дело основания сущности истины и обретет задачу выше (но никогда не ниже) нее.

71

28

«Нигилизм»: словесная форма и значение принадлежат Тургеневу⁹, имевшему в виду русский вариант западноевропейского позитивизма. В этом понятии схвачено сущностное метафизическое ядро нигилизма, хотя и не понятое в своей основе (<т. е. в> оставленности бытием сущего, кроющейся в забвении бытия) и не пред-мысленное изначально — в другом начале. Схвачено присущее любому позитивизму в широком смысле собственное притязание — выдавать само сущее, понимаемое как чувственно познаваемое, за бытие, иными словами, сводить бытие к простому «понятию», а его — к простому назва-

9. [См., например: Иван Тургенев. Отцы и дети (1861, первый перевод на немецкий язык вышел в свет в 1869 г.).]

72

нию и простым звукам; забывать бытие как *Ничто* в смысле правильного — это нигилизм в метафизическом смысле: исторически-политические формы нигилизма, возникшие в результате отрицания всех «целей», пренебрежение «ценностями», «атеизм» и тому подобное основываются всецело на собственно нигилизме; — если он не распознается (в его познании было отказано даже Ницше, несмотря на его решающие прозрения или даже из-за них), то всякое преодоление нигилизма запутывается в половинчатости, становясь более роковым, чем он сам, поскольку в этом преодолении нигилизм всецело достигает неограниченной и наиболее опасной (ибо теперь завуалированной) власти.

29

Слово тогда чисто, когда вырастает из настойчивости в Бытии; простое устранение иноязычных слов путем создания «переводов» приводит к порче слова и окостенению языка.

30

Едва ли это случайность, что оба мыслителя, завершившие западноевропейскую метафизику, — Гегель и Ницше, — впали в наиболее поверхностное понимание языка и пустейшее толкование его сущности. Причина кроется в том, что для них — хотя и совсем по-разному и в противоположном духе — «мышление» и «логика» как исток сущности в окончательном смысле приходят к власти и что логика овладевает λόγος'ом, а значит, и языком и не терпит никаких вопросов к ней; — мало того, если бы вопрос задавался исходя из основы сущности, — то и это

вопрошание к логике было бы отвергнуто. И вместе с тем оба мыслителя — опять-таки совершенно по-разному и все же по-немецки — владели языком, как едва ли какой-либо другой мыслитель до них в рамках новоевропейской метафизики.

73

Языкознание излишне, особенно когда оно насильственно закрепляет подспудное понимание слова и языка как предмета и инструмента. Помимо всякого языкознания необходимо лишь знание о слове, каковое знание — будучи настоящим — первоначально определяет базовое отношение исторического человека к слову. Для этого потребна великая тишина.

31

Безусловный порядок безграничной власти в образе всеохватывающего устроения всех возможностей уполномочивания власти сам по себе есть уже окончательное потрясение вплоть до немыслимых пределов.

32

Является ли Германия страной немцев, опирается ли ее история на укоренение немцев в ее <истории> сущности, или немцы растрачивают себя в простом распространении и рассеянии для выработки высшей формы развязывания всех организованных сил махинации?

33

Некоторым так и не удастся умереть своей смертью, другие умирают ею часто.

74

«Радикализм» по своей подлинной сущности есть сохранение истока. Но сохранение — это не удерживание именно имеющегося в распоряжении достояния и не историографическое представление прежнего <материала>. Сохранение истока означает: отважиться на прыжок, который в первом начале истории бытия предшествовал всему будущему, а потому в первую очередь должен был исчезнуть во всем пришедшем после и в его притязании. «Перевороты» суть мнимые формы «радикализма», они скоро приводят к власти то, что было низвергнуто, теперь только и освобожденное от пут. Во времена, идущие навстречу сущностным решениям, осмыслению простой сущности истории, которая, «собственно говоря», есть только начало, следует быть настороже. Но впутывание в историографию и ее уродливые формы (Unformen) пропаганды и одурманивания едва ли дают возможность правильной оценки, из которой мы узнаем о возможной весомости знания о сущности «радикализма». Все историографические поучения, все «срезы», выборочные, иллюстрированные репортажи о «мировой истории» являются беспочвенными и вводят в заблуждение, если отсутствует базовое отношение к истории. Оно коренится в событии, состоящем в том, что сущность человека как стража Бытия в каком-то отношении становится достоянием вопрошания и вынашивает момент принятия решений. «Теологические» истолкования истории столь же поверхностны, как «политические», «культурно-телеологические», — не меньше чем «экономические», «относящиеся к историографии духа» — такие же, как и «расовые». Вообще основа задается «метафизикой», — но она, одна-

ко, препятствует базовому отношению к истории, ибо скрывает сущность человека, постоянно определяя его как животное — либо с помощью надстройки над животностью (дух и бессмертная душа), либо через отступление разума и сознания в чистую «жизнь». Всякий раз существенно непонимание <миссии> стражи (Wächterschaft) Бытия, в особенности же тогда, когда к тому же допускается отношение человека к сущему (в той или иной форме субъект-объектного отношения). Метафизика превращается в область возникновения все быстрее сменяющих друг друга мнимых форм «радикализма». Разумеется, наиболее жалкое впечатление производят, наконец, попытки обезвредить метафизический радикализм (в теологической, политической и т. п. форме) посредством компромисса и ссылок на традиции.

Прежде мыслители могли изложить свои идеи в некоем «труде», придав ему форму научного трактата или художественных повествований. В будущем мысль должна превратиться в *движение идей*, ведущее не от сущего к Бытию, а от Бытия в его истину. И это движение является всякий раз лишь разбегом перед прыжком, который-то и дает возможность возникнуть (erspringen) Бытию как без-дне. Пока знание об этом образе мыслей и способность к нему не пробудились, до тех пор «новые» идеи останутся тщетой и подражанием метафизике, в лучшем случае, переворачиванием ее и бегством от нее.

76

Власть махинации — упразднение даже безбожия, расчеловечение (Vermenschung) человека в животное, истощение земли, ошибочный расчет (Verrechnung) мира — все это перешло в окончательное

77 состояние; различия народов, государств, культур — только в фасаде. Никакими мерами нельзя помешать или воспрепятствовать махинации. Еще ни разу в человеческой истории с подобной безусловностью, единообразно и в бешеном припадке, и все же полностью скрываясь за действующим сущим, бытие не загняло все сущее в состояние отсутствия решения. Вот почему никогда еще — в том числе и для знающих — не достигалась подобная острота и простота Бытийно-исторического момента. Никогда еще из-за планетарно организованной и постоянно нарастающей *боязни* «войн», потерь, утраты власти и экономических поражений (из-за боязни сущего) не подавлялся и не фальсифицировался *страх за Бытие* (die Angst um das Seyn). Почему же Бытие на этой крайней границе своей потрясенности отказывает своей необоснованной истине в нужде в основании?

Почему Бытие позволяет сущему носиться от одной уловки к другой? Является ли это *отказом от гибели* применительно к человеку, а вместе с тем и глубочайшим сведением человека к удовлетворению его грубейших потребностей? Кто распознает во всем этом тихое господство Бытия, кто знает о сохраняющемся решении относительно места последнего Бога? Еще все впутано в махинационно переполненную пустоту оставленности бытием. Догадываются <об этом> немногие. И эти немногие — единственные. И эти немногие не нуждаются в подсчете.

78 Вытолкнутый в неспособность даже к безбожию человек отшатывается (vertaumelt) — историко-графически-технически постоянно готовясь к этому — к животному состоянию, принимает «жизнь», не для того, чтобы, скажем, отрицать бытие, — это было бы каким-то началом, — но чтобы лишь за-

быть его в скучнейшем опустошении его жизненной деятельности. Пессимизм? Нет. Оптимизм как противоположность этому? Опять-таки нет! Но <вместо этого:> настойчивость в жесточайшем и ужасающем, простом и безмернейшем просвете Бытия? Но такое мышление, чье говорение приводит молчание Бытия к слову, которому наиболее вредит и угрожает уже высказанное, Но знание, которое не ищет уловок — ни под защитой некоего бога, ни в успехе человека, ни в охране земли и ни в значимости мира (Welt). Всякая уловка есть уклонение от без-основности истины и отворачивание от скрытой внезапности дара мгновения. Призыв к сущему высшего и обычного рода делает бытие пребывающим и постоянным (Bleiben und Bestand), подталкивает махинацию — даже против ее воли — к окончательности ее власти и отваживается на попытку оспаривать принадлежность истории к господству Бытия, гонит богов в утрату божественности и шлет человека в безумие расчеловечения, вырывает землю у замыкания и задвигает мир в пустоту лишь публичного.

79

Выход-на-публику (Ver-öffentlichung) с гигантским шумом, который махинация поднимает вокруг себя, по-видимому, указывает на то, что эпоха, которая после окончания новоевропейской могла бы еще начаться как историческая, должна была бы стать *временем сущностного вы-малчивания*. Кто знает, станет ли человек и в каком образе человеческого бытия со-обоснователем этого времени Бытия?

«Иллюстрированный» и «звуковой» «репортаж» махины есть планетарный «миф» завершающего периода Нового времени. Мир захолустнейшего немецкого крестьянского двора будет определяться уже не тайной чередования времен

80

года, уже не «природой», в которой еще правит земля, но иллюстрированным журналом с изображением раздетых киноактрис и танцовщиц, боксеров и гонщиков и прочих «героев» дня. Здесь уже больше не идет речь только о разрушении «нравственности» и «приличия», но о метафизическом процессе, об о-пустошении всякой возможности Бытия, <превращающей его> в продукт (Gemächte) реального — изготавливаемого и представимого сущего. С электроплугом и мотоциклом, который за час домчит до ближайшего большого города, соотносятся созданные в американском стиле иллюстрированные журнал и газета, соотносится уравнивание обычаев горных жителей с нравами участников спортивных мероприятий и завсегдатаев баров в больших городах. Когда махинация настолько укрепила свою власть, выдвигаются столь же махинонционно обоснованные «принципы» «крови и почвы» и, наконец, находится еще «наука», которая делает свои открытия согласно этим новым точкам зрения. Невозможно остановить разнуздывание сущего в оставленность бытием при помощи каких бы то ни было мер, — оно само <разнуздывание> как нечто происходящее скорее всего соучаствует в принятии будущего решения.

36

81

Просвещение, деспотизм, безграничное оглупление суть, будучи поняты метафизически, единый процесс; искоренение из Бытия, замена истока разворачиванием власти, нацеленность на удовлетворенность всяким пред-ставленным — повсюду приоритет сущего.

37

Сущность немца, его историческое предназначение недоступны историографическому вычислению, проводимому народоведением и исторической наукой; она возникает лишь в момент, который решает То, что лежит еще в основе событий «мировой истории» и либо помещает западноевропейского человека в *Da-sein*, либо отдает на произвол планетарной махины. В чем дело, почему отсутствует мужество для этого осмысления и все лишь колеблется между «да» и «нет» по отношению к сегодняшнему? Возможно, в том, что отняты все возможности подлинной ответственности, возникающие только там, где требуется дозволенность в важных решениях через Сущностную Нужду. Почему все властные сферы махины препятствуют любой ответственности? Потому, что они наиболее назойливо подготавливают *видимость* ее в формах массового распределения каждый раз мелких, но всегда в «Великом» контролируемых и организованных полномочий; способность принимать решение подрывается не принудительными мероприятиями, а все более обильным распределением «задач», которые ими не являются, поскольку исключают осмысление и риск, но требуют только ответственного высвобождения и контроля со стороны подготовленной силы.

82

38

То, что в эпоху махины раса возводится в ранг исключительного и специально учрежденного «принципа» истории (или хотя бы историографии), является не произвольным изобретением

83

«доктринеров», а *следствием* власти махинации, которая должна принудительно понизить сущее во всех его областях до планового расчета. Благодаря идее расы «жизнь» делается формой разведения (*Züchtbarkeit*), представляющей собой своего рода расчет. Евреи с их *ярко выраженным даром расчетливости* давно уже «живут» согласно расовому принципу, вот почему они ожесточеннее всего сопротивляются неограниченному <его> применению. Организация расового разведения исходит не от самой «жизни», но из овладения (*Übermächtigung*) жизнью посредством махинации. То, что последняя творит с подобным планированием, есть *полноценная дерасификация* народов в результате впряжения их в единообразно выстроенную и скроенную организацию всего сущего. Дерасификации сопутствует самоотчуждение народов, сливающихся воедино, — утрата истории, т.е. областей решения относительно Бытия. И тем самым закрываются единственные возможности, чтобы народы с самобытной исторической силой в их противоположном движении (*Gegenwendigkeit*) пришли к единству: например, осознанное понятие и страсть осмысления с глубиной (*Innigkeit*) и широтой Жуткого <начала> немецкости и русскости, — что не имеет никакого отношения к «большевизму», который не является порождением «азиатчины», но представляет собой вырождение *западно-новоевропейского* мышления на стадии уходящего XIX столетия — первое решительное предвосхищение неограниченной власти махинации.

Столь же бессмысленным — т.е. извращением глубинных сущностных отношений — является стремление победить большевизм с помощью расового принципа (как будто и тот и другой не име-

ли при совершенно различной форме все же одни и те же метафизические корни) и намерение спасти русскость с помощью фашизма (как будто оба эти явления, из-за колоссальных различий, не исключают всякое сущностное единство). Но то, что нечто подобное практикуется в историографически-техническом <плане>, указывает уже на окончательную победу махинации над историей, на провал всякой политики в отношении метафизики, и в этом одновременно обнаруживается, насколько мы еще загоняемся только на историографический передний план и все более отходим от путей, по которым можно прийти к познанию исторической основы того, что происходит.

84

39

«Мощный» (mächtig) означает сейчас «гигантский» (riesig), а не: господствующий (herrschaftlich) — «мощная» фабричная труба... (ein «mächtiger» Fabrikschlot).

40

«Простое» и простое. — Первое — это то, что сразу же «в»-ходит в самое грубое, поверхностное и небрежное бытовое понимание (Alltagsmeinen); второе — то, что открывается глубочайшему и продолжительнейшему осмыслению из сущностной борьбы и остается необосновываемой основой. Всякое насильственное господство над «народом» должно прежде упростить — в какой бы то ни было политической форме — Все и сущностное в смысле первого «простого» из двух вышеназванных. Всякое основание и решение в истории Бытия должно продвигаться в простое согласно второму зна-

85

чению. «Простое» в обычной форме из-за своей мимолетности требует постоянного вдалбливания и повторения, — чтобы из горизонта общественного мнения исчезла всякая иная возможность. Фабрикуется ли это обычное мнение при помощи определенным образом организованного и не знающего исключения и сомнений специального изготовления простого, или же Обычное Мнение возникает из-за бездеятельной косности «народа», ничего не меняет в том, что в обоих случаях «люди» (*das Man*) захватили власть. Напротив: те специально рассчитанные и вышестоящие «люди» суть еще более жуткие — причем вплотную к ним формируется то, что все это утверждаемое (*Vorgebracht*) терпеливо сносит, не относясь к этому «серьезно», но также не выходя за пределы этих «людей»: так что «люди» вообще ничему больше не верят. Простое в сущностном смысле встречается редко и в основном применительно к самообладанию (*Ansichhalten*), — ибо каждому нужно специально на это отваживаться и добиваться. Простое в обычном смысле «живет» благодаря предпосылке, что народ «глуп», — не обладая способностью (возможностью и желанием) к собственному суждению. Об этой глупости «народа» должен знать каждый власть имущий, но он не вправе говорить о ней; более того, она маскируется сообщением, что Все исходит от «народа» и является «выражением» *его* души. Простое в сущностном смысле проистекает из той истины самого Бытия, что оно есть отказанное всему общественному решение-разделение, в котором порой основывается пространственно-временной зазор встречи и спора: Бог — человек — земля — мир о-сваиваются в их уникальности.

Бессмысленность «всемирно-исторических» событий не должна удивлять ни сейчас, ни в будущем, поскольку оставленность бытием сущего ради безграничной власти сущего решена в его махинации. Бес-смысленность означает здесь: что Бытию отказано в некоей истине, из-за чего становится недоступна та основа и область, в которой боги и человек могли бы прийти к сущностному сбыванию (*Wesensereignung*) ради земли и мира. И все же: бессмысленность овладела сущим; тем не менее Бытие бытийствует; но его истина остается глубоко скрытой и <является> даром чистейших мгновений, против которых бессильны и неистовство и запутанность. Указание на простую бессмысленность сущего тонет в способе (*Haltung*) действий, как и насильственное и вынужденное закрепление «смысла» в значении полагания «ценности», «идеала» и «цели» и тайного «направления» всех вещей к наилучшему. Все это ставится за пределами подлинного решения, — т. е. все еще на стороне уже решенного: господства сущего в его махинации. Сущностно исторические и скрытые люди должны сначала созреть для того, чтобы сделать *единственный выбор между владычеством махинации и господством события*.

Когда Бог принуждает (*ernötigt*) Бытие и человек как *Da-sein* докапывается до основы (*ergründet*) истины Бытия, когда из бездны возникает мир и земля раскрывается для плодоношения, — бьет час начала. Его удар слышат лишь те, кто способен внимать тишине и черпать из нее силы всей страсти; те, кто не отвлечен пошлой алчностью роковой без-надежной махинации. Принуждение и иссле-

дование, возникновение и самозамыкание главным образом — и сразу — свершаются в о-своении-со-бытии (Er-eignis), подготовку которого в истории человек способен осуществить лишь на основе преобразования в Da-sein. Для этого необходим великий поворот человека от животности к базовому настрою стражи Бытия, для которой всякая страсть глубже и проста, всякое знание ясно и является более вопрошающим.

88

42

Гёльдерлин — поэт того единственного решения — и тем самым он является единственным — несравненным; как поэт он заранее устанавливает сущность этого решения, не думая о нем как о Бытийно-историческом, — но его поэзия уже есть преодоление всякой метафизики, что только в мыслительном плане необходимо знать и что к тому же лишь для мышления достойно знания. Слово этого поэта и сущность слова.

43

«*Метафизика*» в своей сущности становится жертвой всегда различных, но соответствующих друг другу ложных толкований. Ее ищут историографически-наставительно в форме понятийной системы и выводимых отсюда принципов, — набор отдаленных сухих идей. Или же ее уличают в неопределенных, мифических остатках представлений, которые должны придавать ей единственное содержание и опору, но которые она одновременно позволяет приклеить к пустым оболочкам понятий. Метафизику порой забрасывают между «логикой» и «мифологией» (Mythik), — на первый взгляд глубокомыс-

ленно объясняют ее, высокомерно исходя из того, чем она *не* является. Но в действительности в ней основывается нечто всецело решенное, — единая, хотя особо еще не понятая, истина и господствующая форма Бытия, которая доступна лишь высшему и простейшему *мышлению*. Поскольку то, что просвет Бытия есть наиболее сущее в сущем и к Бытию относится чистое и изначальное осмысление и соответствующее говорение, а слово Бытия безвластно господствует над всякой властью, <— поскольку все это> связано с первым, что должно быть возведено в рамки знания, «метафизика» не должна оставаться «философски-историографическим» явлением или предметом «мировоззренческого» толкования. Но пробуждение подобного знания есть уже преобразование новоевропейского человека, есть уже историческое, т. е. сохраняющее сущность (*wesen-verwahrende*) преодоление «метафизики».

89

44

Полагают, что «мыслители» занимаются «лишь» «идеями», пребывая в <сфере> «нереального». Деятельные же люди находятся в <сфере> «действительного». Как же так? Разве деятельный человек не является безусловным *рабом* своей несвободной голой «мысли»? Разве мыслитель не является единственно *свободным человеком*, свободным по отношению к наиболее сущему в сущем? Но почему в «публичной» <сфере> этот закон свободы и рабства скрывается и извращается? Потому что публичная сфера терпит только господство сущего как «действительного» в смысле действующего на каждого непосредственно <начала> и «ощущает» как недостаток всякий отказ и всякое самообладание (*An-sichhalten*).

90

Публичное никогда не является открытостью просвета, но всегда оказывается по видимости расширяющимся искажением и разрушением его. Публичность есть коварнейшая видимость открытости, а потому — прибежище всякого осуществления оставленности бытием сущего, пространство самого приневоленного отсутствия решения. К «субъективности» человека относится «публичность» — лишь тогда, когда человек как Subjektum выходит на «сцену», он полагает также публичность только как эту сцену. Крайний «субъективизм» достигается, когда обеспечена публичность планетарной безграничности, т. е. произвол. Этот метафизический «субъективизм» возвещает искоренение «индивидуалиста» как свой величайший успех, чтобы замаскировать <то обстоятельство,> что сейчас человек *совершенно неразделен*, — т. е. не соотнесен с другим и всецело с бытием, — может оставаться соотнесенным лишь *с собой* как властным исполнителем махинации, полагая, что господствует там, где он, однако, уже задавленный рабством у сущего, лишь подгоняет оставленность бытием сущего к ее завершению.

91 То, что человек уже больше ничего не разделяет в своей сущности с истиной Бытия, полностью отрезан от нее и даже не подозревает о ее основании хотя бы как возможности, что человек, более того, в этой неразделенности исходя из себя все как свое якобы сотворенное мнимо разделяет с махинацией, есть вершина «индивидуализма». Против этого меньше всего могло бы помочь христианство, ибо оно уже покончило расчеты с «индивидуализмом» в метафизическом смысле, т. е. лишило человека и его сущность выбора (между Бытием и сущим).

Историография создает прежде всего последовательность происшествий, того, что «происходит» («*pas-siert*») (для осуществления настоящего). Затем она объясняет позднейшее исходя из более раннего; она даже полагает, что «идеи» определяют «историю», представления о назначении и целях, которые формирует для себя человек и которые приходят ему в голову; она более широко объясняет все происшествия и достижения исходя из обстоятельств и их влияния; и она, наконец, объясняет Все исходя из жизненных задатков и их последствий. Чем более наличной и длительно наличной, чем более неопределенной, но все же более понятной является конкретная основа объяснения — принятые близко к сердцу происшествия, идеи, обстоятельства, состояния, задатки, тем вышемерно по отношению к другим подает себя историографическое объяснение. В эпоху абсолютного «индивидуализма» (в котором самостояние человека по отношению к бытию полностью искоренено) возникает ярчайшая видимость, что историю делает человек и все образовательные гарантии «историографического» стали излишними. В этот момент, однако, историзм празднует свой высший и — последний триумф, — ибо теперь неразделенность человека как субъекта объясняется исходя из существующего замысла его наличной — имеющейся (*ὑποκειμενον* — *subjectum*) и потому «вечной» жизни, — это историографическое объяснение истории не на основе влияний, а как результата есть необходимая для общественности перестраховка в отношении безграничного развертывания подвластности махинации. Когда ссылка на «жизнь» и «органиче-

93

ское» стала метафизическим принципом и при этом помещена в сферу публичности, то «техника» и «организация» вступают в их абсолютное могущество: историография и техника раскрываются как одно и то же. Всякий раз, когда историография значительно удаляется от возможности осмысления истории (как связанного с решением основания истины Бытия), у историографии как науки «начинается» новый «взлет»; прежде, к примеру, лишь опытные ученые «старшего поколения» были способны составить легко читаемый обзор в историографии. Но чем больше историография достигает равнонаправленности и одинаковости с техникой, тем избыточнее становится опыт, тем настоятельнее ловкость своевременного перетолкования и подготовки для публичного использования.

Нечто подобное может осуществить лишь ловкость «молодого» поколения, — «сборники», «обзоры», подкорректированные новые издания немецкого «духовного наследия», «общие изложения», — все это выстреливается в общественность с «автоматизмом», который с необыкновенной уверенностью прикрывает пустоту, необязательность, отсутствие осмысления и вообще бесплодность. Историографы разного рода (сюда можно причислить также «филологов» и прочих ученых-гуманитариев) поглощаются историзмом (сущностным тождеством историографии и техники). Чтобы сделать завершение окончательным, для гелертерского тщеславия оставляется мнение и убеждение, что тут продвинулись гораздо «дальше» «либеральных» и прочих беспомощных предшественников. Действительно, продвинулись дальше — углубившись в то, что втайне уже правит: в махинацию сущего — в отсутствие истории новоевропейского человека — во внеположность сущностных пространств решения. Хотя

историографическое гелертерство все еще занимает лишь уголок в научном исследовании, последнее все больше приобретает форму публично востребованной и уже не бросающейся в глаза отрасли производства. Несмотря на это историографическая наука остается тайным прообразом «журнализма», даже если он нацелен на другие средства, а также избегает видимости научности. «Журнализм» в свою очередь определяет любые виды писательства, а значит — основной тип формирования общественности. Научно-ремесленный тип поэтому не является существенным в историографии, а представляет собой *подрыв возможности исторического осмысления* — <что подразумевает> *техническую разработку неисторичности как последнего поля воздействия абсолютной махинации*. — Сохранит ли человеческая сущность <возможность> основывать свою историю исходя из решения *о том*, что в сущностном слове противостоит (sich stellt) нерешенному безбожию и расчеловечению как отказанное в просвет? Чье это слово? И произнесено ли оно? Но кто раскроет этому слову проясненный им просвет Бытия? Кто еще в состоянии прекратить истощение всех речей и размывание всякого мышления этим истощением? На что способно подобное сдерживание? Откуда придет к человеку тишина простейшего и длительнейшего восприятия события? Удастся ли вновь основать <-поместить> сущность человека в бытийствование Бытия? Способен ли человек истории когда-либо совладать с метафизикой?

94

95

В полемике по поводу ключевой идеи *Ницше* о «воли к власти» нужно понимать ее прежде всего и только исторически как завершение первого

начала западноевропейского мышления, но постигать это мышление как сокровеннейшую историю Западной Европы. *Эта* полемика является единственной сущностной формой основывающего преодоления — т.е. одновременно историзации в неприкосновенное — метафизики. Это обсуждение есть рискованное предприятие выбора между владычеством сущего и господством Бытия. Эта полемика отменяет всякое опровержение, она также не имеет права обращать внимание на все более грубое омассовление ницшевского мышления в публичную писанину; она должна только знать об этом явлении — потому, что в нем осуществляется не подлинное «влияние» Ницше, а маскировка его мышления. Poleмика с последним метафизиком может войти в историю только как немецкое мышление, поскольку лишь ему доступна широта и бездонная глубина, из которой первоначально греческое и завершающееся новоевропейское вопрошание изначально может быть преодолено.

96

47

Существует ли лучшее оправдание религиозного мира культур-христианства, чем излюбленное доказательство, согласно которому всякая «метафизика» опирается на некий миф? Почему в эпоху завершения западноевропейской метафизики движутся к организации полного непонимания ее сущности? Откуда такой безмерный страх перед «мышлением» и мыслительным осмыслением? В этот страх загоняет могущество сущего как махинации, которая препятствует всякому основанию решения, но это сущее только способно — как господствующая форма Бытия — тем самым поставить это Бытие под сомнительнейшее и беспомощнейшее по-

дозрение (Ahnung) и его все же стремится забыть. Мировой страх уже давно и основательно преодолен, но только для того, чтобы очистить пространство еще более глубокому страху: *страху перед Бытием*. Чем глубже страх, тем *сущностней* дальше (wesensferner) он отодвигает всякую опасливость и пугливость, тем сущностей он выходит наружу из всех сфер чувства непосредственного «переживания», — тем решительнее он относится к началу еще неизвестного человеку, но все же уже исторического изменения его сущности.

48

97

В момент выбора между владычеством сущего и господством Бытия, возможность <существования> Бога становится единственной и <возможность> божественного — затруднительнее всего, а человек в его нынешнем состоянии и позиции выброшен из колеи и лишен всякой силы для основания. Все созданное им (Gemächte) убирается вплоть до беспочвенного притязания на бесцельную власть. Но остается еще скрытая способность вымысливания, — сплачивает ли оно сферу решения в сущностное знание и отвечает единственной возможности последнего Бога через самое трудное — основание без-божия. Но последний Бог есть самый долговечный, — мгновения встречи с ним исходят из бездонной истории Бытия и его истины. Все предшествующие боги были объяснениями и подтверждениями и уловками сущего. Нынешняя эпоха «достовернее» всего может узнать свое историческое местоположение благодаря тому, что она оценивается по ее отношению к без-божью (см. S. 76 ff.). Еще никогда ни одна эпоха не стояла столь безымянно за пределами вся-

кого без-божия; ибо ее обезбоживание «мира» еще претендует на то, чтобы ориентироваться на божественное (промысел; «эта» жизнь).

98

49

Созидающие — еще не основывающие; созидающие могут увлекаться произведением привычного и востребованного и оправдывать себя историографически. Созидающие станут однажды значительным препятствием для любого основания, которое возводит истину Бытия в слово и полагает начало осмыслению как преобразованию сущности человека. Созидающие — даже в двусмысленности постоянно занятые и «производящие», — оценивают себя в области метафизики. Основатели вымеряют решения; сущностные это те, кто в первую очередь принуждается вымыслить область решения через нужду «данного» Бытия. *Основывающие — уже не созидающие*. То, что для них становится «произведением», получает форму из истины Бытия, которая по-разному стремится в слово и всецело бытийствует только исходя из истории Бытия и для него. Все лишь созданное низводится до препятствования тому, что решается, и до утешения выполненным и пригодным <для пользования>.

50

99

Человек: все метафизическое мышление, а с ним и прежние западноевропейское мышление во всей своей истории определяет человека как живое существо (животное) и в своем отношении к Богу как причине мира — ставит его между животным и Богом как встречающееся между теми на личными и наделяет его имеющимися в распо-

ряжении свойствами и существенными частями (тело — душа — дух), и это опять-таки по-разному — в соответствии с истолкованием животности, разумности и их носителя. Человек везде остается оторванным от своего сущностного основания, — которое как без-дна есть его нужда и как нужда — глубочайшее по-трясение и как потрясение — крайнее приготовление человека к о-своению «этого» Бытия, — и отданным во власть голому объяснению, организации и планированию.

51

Каков для того и иного мыслителя первый неотъемлемый взгляд на бытие? Куда направлен его взгляд? Является ли взгляд некоей сущностью бродячего прыгивания в истину Бытия? Или он лишь вычислитель в наличном и расчетчик взглядов на это?

52

Историографическое «познание» рассчитывает назад и рассчитывает в отношении грядущего, историческое осмысление выносит решение относительно будущего и освобождает бывшее в его нацеленность на решение (Entscheidungshafte).

Первый и истекший период Нового времени метафизически взял на службу «рационализм» (и как его постоянного противника — иррационализм). Второй — начинающийся сейчас период развивает этот рационализм до абсолютно «конструктивного» и тем самым опережающего (соответственно «иррационализм» является тем более «близким к жизни», т. е. «более животным»). «Рационализм» есть здесь, однако, недостаточное и затертое модное словечко, которое ничего не говорит

о том, что стоит перед нами и нуждается в понимании, о махинационной сущности сущности, которая, полностью развившись, предлагает расчетливости историографически-технической деятельности лишь безусловные отправные точки и таким образом втягивает самого человека в махинацию.

53

Публичное несет в себе принуждение к успеху и к накоплению успехов. Это принуждение привязывает к осуществлению именно мощных притязаний и получает для них таким образом незаметное и вместе с тем — крайне действенное подтверждение. Но как подобное принуждение соотносится с сущностью публичности? Основывают ли они в своем единстве приоритет сущего перед Бытием? В какой мере публичность является отражением просвета (сущности истины)? Каким образом она возникает из скрытой махинации благодаря 101 подготовителям пути и пространства: историографии и техники? Как связывается с принуждением к успеху отсутствие решения?

54

Только подражательные дарования полагают, что они с раннего времени должны иметь свою собственную манеру и свой особый тон (*ihren besonderten Ton*) и быть свободными от обязательного прохождения через другие и устаревшие «этапы». Но почему истинная основывающая способность нуждается в зачастую продолжительной защите со стороны собственно чуждого ей и даже неприятного? Почему эта защита еще важнее, чем требу-

емое повсюду овладение ремеслом, которое может быть освоено только в борьбе за усвоение великого в самом малом?

55

— имея склонность к простым вещам вроде молодой березки, благожелательной ко всем существам и ветрам, звездам и солнцу, которая вбирает их в свое очарование и приветствует землю, чья укрывающая сила поддерживает ее —

56

К предрассудкам «интеллектуалов» относится, в частности, мнение, будто философия — это «академические» разговоры о всеобщих понятиях и бесплодное блуждание между оттенками значений. Но она представляет собой нечто иное: осмысление того, что собственно происходит, т. е. *есть*, — более того: знание о господстве Бытия и решение о его будущей форме господства.

102

57

Ницше представляет сущность бытия, сводя ее к борьбе ситуаций власти и соотношения сил, — этот «воинственный» «аспект» сущего в целом указывает на «героический» образ мышления. И тем не менее: именно в мыслительном отношении это мышление является полнейшей капитуляцией, метафизической трусостью вообще, — уклонением от единственного и решающего вопроса об истине Бытия. Ищет ли поэтому всякий страх перед понятием себе прибежище у того мыслителя, который

в этой капитуляции должен только осуществить в истории метафизики пришедшую к господству оставленность бытием сущего и как осуществитель все же стать мыслителем?

58

103

Замалчиваемые и якобы опровергнутые <мыслители> воздействуют сильнее всего, — они погружают в постоянное беспокойство даже тех, которые остаются с ними «на одном уровне», лишь избегая их.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

Da-sein 39, 44 сл.

а-теизм 31 слл.

без-божие 22, 76 слл., 97

бойцы, борцы 61 сл.

большевизм 68 сл.

Бытие 25, 76 слл., 98 сл.

власть 2 сл., 18 сл., 84

Гегель 5 слл., 46 слл., 72 сл.

Гёльдерлин 16 сл., 88

Гердер 60

Декарт 56 сл.

делишки издателей 51 слл.

«индивидуализм» 90 сл.

интеллектуализм 13 слл.

историография 1 сл., 17, 59 сл., 74 сл., 91 слл.

история 59 сл., 74 сл., 82 слл., 92 и

махинация 2 сл., 40 слл., 76 слл., 82 слл., 90, 100

мгновение, момент 87

метафизика в. 30, 33 сл., 60 сл., 88 сл., 96

мыслитель 23 слл., 36 сл., 46 слл., 76, 89, 99

народ 71

народоведение 60
науки 13 слл. 63 сл.
немец 7 сл., 40 слл., 70 сл., 73, 81
нигилизм 35, 69, 71 сл.
Ницше 11 слл., 16 сл., 33, 36 сл., 39 сл., 57 сл., 72 сл.,
95, 102
Нового времени завершение 18 слл., 58 слл., 64 сл.,
76 сл., 99 сл.
опустошение 64 сл., 69
основывающие 98
очеловечение 49
Паскаль 56 сл.
порядок 3 сл., 73
право 18 сл.
прагматизм 55 слл.
простое 85
публичность, общественность 89 сл., 100
радикализм 74
решение 18 слл., 29, 50, 87, 97
самость 45
слово 72
случай 42 сл.
созидающие 98
«сознание» 36 сл.
страх 96
субъективизм 90 сл.
техника 92
«тип» 44 сл.
«феноменология» 68
философия 23 слл., 46 слл., 49
христианство 11
человек 5, 15 сл., 49, 98 сл.
Шеллинг 5 слл.
язык 72 сл.

Размышления XIII

- а Неведомы нам цели
Мы сами лишь движение.

Все избирательнее даровать индивиду допуск, все настойчивее пребывать там, где долгое время эхо не предложит никакой иллюзии отклика; и все же никогда не уходить из сокрытого предания, но в будущем вращаться обратно в историю, которая должна стать сохранением и утратой, основанием и обрушением, упущением и памятью об истине Бытия, когда она, <эта история,> придет к своему бытийствованию.

Переход есть самое *беспереходное* — сам по себе единственный <в> изначальной — обоими началами овладевающей — решимости.

Быть там, где Бытие должно основывать себя в основании, которое из себя к себе обретает свою собственную высоту, — ибо это основание может сбыться только из бытийствования самого Бытия, через него как о-своение-сбывание (Er-eignis).

ἀλλὰ παλαιὰ γὰρ
εὖδει χάρις

b

Древнее же
дремлет дарованным сиянием строгой красоты.

Pindaros, Isthm., VII, 17¹ <Пиндар. Истмийская
песнь VII, 17>

1. [Pindari carmina cum fragmentis. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Cecilius M. Bowra. Oxonii e typographeo clarendoniano: Oxford 1935.]

- с Лишь когда мы снова научимся мыслить в длинных ходах и последовательных ступенчатых подъемах, мы создадим себе просторные пути, а с ними и ручательство, что вернемся из-далече, но это есть предварительное условие, чтобы приблизиться к великому. Но длина мыслительного пути измеряется не объемом какой-то «книги», а скрытым порядком достоинства того или иного вопроса.

Идущие переходом могут быть лишь *намекающими* на то, что побудило их к этому (dessen, was sie ereignet).

Ни одно самоистолкование не достигает Перво-Сказанного (Erst-Gesagte), поскольку лишь в нем веет Несказанное.

Ныне мы пребываем там, где выносятся приговор: для того чтобы могла возникнуть поэзия (Dichten) (как поэтическое творчество (als Dichtung)), сперва должно вновь прийти *мышление* — как вы-мысливание Бытия.

1

1

Истина Бытия есть основа истории: Бытие просвечивает себя (sich lichtet) и позволяет просвету (Lichtung) прийти к основанию, таким образом сущее сохраняется в Da-sein как основе основывающей <роли> (Gründerschaft) человека.

2

В какой мере сердце настраивается на настрой Бытия —

3

То, что происходит, — (вот и это слово, как и любое, уже затерто, — обо всем говорят как о «происходящем»). И все же следует сохранить вопрос в этом слове! Ибо не нужно устанавливать факты и сообщать о происшествиях, — а происходящее должно вспоминаться в решении; но происходящее означает здесь только то, что история основывает в сущности: истину Бытия — и как Бытие дарует себя в свою бытийствующую в нем истину.

4

За окончанием махинации (безграничной сделанности (Machbarkeit) всего сущего как единственной, но ставшей нераспознаваемой истины бытия) кроется бездна сущностных решений: отступает ли человек одновременно в закрытость земли и предзабрасывается в открытость мира, которая приводит вопрошаемое к мированию (zum Weltten), — свершается ли в споре обоих <земли и мира>

2

встреча сущностных оснований божественности и человечности — и тем самым голос Бытия обретает слово, а история вступает в свою первую, долгую тишину.

5

Метафизическая революция есть то начинающееся как завершение метафизики откатывание и свертывание в саму себя жизни, ставшей Subjektum, — жизнь ради жизни — не подлежащая сомнению голая власть «интересов» «жизни», которая сама не высказывает эти притязания, но всецело оказывается между ними и осуществляет все более слепое свертывание жизни и терпит Всякое лишь как выражение себя самой, изо дня в день Другое к себе подмешивает и упорядочивает и все крайне технично превращает в гигантский историзм и тем самым даже из круга близи и дали выходит к Бытию. Свертывание жизни в себя саму есть высвобождение «пере-живания» в безмерность и безранговость, «свойственные» непрестанному вбиранию в себя (Schlürfen).

3

6

Базовое настроение грядущего решения — *страсть* слова *отказа* (Versagung), — здесь основывается первая и самая дальняя даль Бога — его чистейший блеск. Страсть к просвету отказа соответствует сущностному вопрошанию, которое лишь должно сначала стать предзнанием, более ранним и предваряющим всякое планирование: знание промежутка как просвета <между> «посреди» и «среди прочего» (Inmitten und Unterdessen) — того, еще неосно-

ванного времени-пространства, в котором свершается приход и бегство богов, а человек реализует свою человеческую сущность.

7

«Антропоморфизм». — Благодаря чему будет в корне преодолено всякое очеловечение (*Vermenschlichung*) сущего и всякое расчеловечение (*Vermenschung*) человека? Благодаря основанию человека в его бездоннейшую сущность — в стражничество Бытия — лишь здесь человек достигнет высшей свободы <по отношению> к себе самому; здесь не требуется о-свобождения (*Er-lösung*), равно как и его противоположности: бегства в переживающую лишь себя «жизнь». Бытие как махинация принимает только одно: слепое и бесформенное метание между о-свобождением (*Er-lösung*) и переживанием (*Er-leben*) — оба они обращены друг к другу и столь же отчуждены от Бытия. Сверх-чувственные и после-чувственные силы и лишенное бытия (*seinslos*) уполномочивание «жизни» — ведут происхождение от одного и того же: от того, что человека познают и выспрашивают слишком узко, слишком бесчеловечно. Как только сущность человека основывается в *Da-sein*, распадается ложный путь — либо рассматривать его <человека> как нечто наличное, либо же приносить в жертву в качестве наличного ради бесформенного, — ибо всякий раз, пусть и в противоположном направлении, еще не основанный в сущности человек задает меру сущности сущего. Вот почему «антропоморфизм» является составной частью метафизики. Как только человек делается достойным человечности (*menschenwürdig*), антропоморфизм любого рода станет невозможным.

8

Что происходит? — Оставленность бытием сущего как высвобождение бытия в махинацию — свертывание человека в жизнь, а жизни — в переживаемость и голое родовое существование (*bloße Artung*).

9

5 Как длинен путь, чтобы из привычных заблуждений — научного представления о сущем и — его сущести — высвободить мышление «этого» Бытия и создать слушателей для другого требования другой истины, — как это сделать по-иному, чем через ложно толкуемое слово, которое одновременно подмешивается в сказанное и всегда неуслышанное, которое только тем и «живет», чтобы упускать мгновение. Какое мгновение относится к вымысливанию Бытия? Отличнейшее из всех мгновений — мгновение — мгновения, изначальное возвращение к самому себе того, что относится к решению: это не означает, что следует предложить новый образ человека, что нужно организовать богослужение, что следует выторговать небесное блаженство, что нужно хвастать своими достижениями и успехами, — самое предварительное по отношению к сущему стремится к осуществлению: истина Бытия, — ибо она дальше Всех опережает Всех и все же является только самой первой подготовкой, — лишь «промежутком», — чтобы Бытие бытийствовало. Трудно усматривать тем, кто чересчур ослеплен сущим, еще труднее даже немногим, — выносить в выпрашивании; вот почему на этом пути близятся великие, сами по себе темные заблуждения (*Beirrungen*).

10

В будущем мыслитель полюбит только это: Бытие как без-дну в сущее — между его сцеплением и запутыванием как промежутком без-дны, — откуда возникает нужда основания. —

Мыслительное слово — прежде всех других «Бытие» — говорит из высшей однозначности, ибо оно называет то наединственнейшее, которому не угрожают никакие уловки, уводящие во всякое «прочее», что еще нужно назвать. И все же: собственно, никогда не понятно, что означает слово, поскольку люди всегда несобственно имеют в виду некое сущее и ожидают чего-то пред-ставимого, вместо того чтобы войти в настойчивость Da-sein. Слово есть глубочайшая скрепа без-дны, — не воспринимаемое (и не упраздняемое до Ratio), но внедрение сущности промежутка в решение о предельном выборе между истиной Бытия и господством сущего.

6

11

Бытие. — Боги нуждаются в основе, откуда они требуют человека на встречу, в которой может быть даровано прояснение всех вещей и всякой истории. Человек жаждет некоей основы, стоя на которой он может рискнуть выйти в открытость, где только и зазвучит разговор. Мир взлетает под своды основы, в чертах (Gezüge) которой одно отсылает себя к другому и одно (das Eine), расстилая миры, бросает земле. Земля покоится в некоей основе, куда она берет с собой свою тайну и как нечто замкнутое выдвигает в некий мир.

7

Всякий раз и одновременно основа находится в другом основании; принадлежность основ, пе-

ресекающаяся во встречном вращении, всегда есть одно (*das Eine*) без-дны: промежуток замалчивания, которое вымалчивается в слове Бытия.

Между богами и человеком бытийствует тот же самый промежуток, которому мир и земля обязаны своим — происходящим в споре — поворотом к сущности. А этот промежуток и есть само Бытие. Человеческая речь есть только непознанный отзвук слова, в котором вымалчивается тишина Бытия как места «здесь». Мыслительное слово ничего не говорит о предметах и их исследовании; еще меньше сообщает оно о переживаниях. Но поскольку мы редко отваживаемся на жуть промежутка и еще реже бываем способны возвращать его самого в странность глубочайшего замалчивания, поскольку мы печально-радостную красоту суровости без-дны не высвечиваем в простоте нашей сущности, — постольку мы едва ли больше догадываемся о господском достоинстве и благородстве ожидания, которое бесконечно превосходит всякое обладание и всякое предстоящее (*Vorsichhaben*) и остается родственным — как неисчерпаемое — прежде всего и только бездне.

12

Кто знает истину? Те, кто поживает в доверии к чему-то истинному, — не зная об истине и не желая знать? Нет, — истина как сущность истинного никогда не является «вещью», которой обладают. Она принадлежит поиску, жаждущему того, чего надо достичь, — жажда простирается до сохраняемого (*langt hinaus in das Vorbehaltene*), — и есть самое широкое, подлинное «обладание» приходящим (*des Kommenden*), — неисчерпаемое в своем способе «имения» и тем самым господствующее над без-дной,

никогда не исчерпаемой; не-исчерпаемое без-дны «основано» не на неизмеримости и не на неоспоримой близости, — но на том, что оно одновременно, постоянно и окончательно отказывается от всякой основы и опоры и принуждает к парению промежутка, — но только при условии, что мы его не воспринимаем как мнимую основу и не используем ложным образом как уловку и убежище.

13

Базовый настрой. Всякая сущностная позиция и действие исторического человека парит в некоем базовом настрое. Самое решительное действие исторического человека есть его поэтическое творчество (Dichten), и если оно мельчает и стирается, превращаясь в несущность, должно ли мышление доводить все творчество до крайних пределов — из-за чего? Все дела суть только следствия Одного и мосты к Другому, или же они остаются вырожденками неодолимой и лишь поддающейся расчету мании.

9

14

Историческая память о прошлом возможна лишь там, где вспоминаемое перемещается в глубину того же самого действия; где, например, мыслительная память об изначальном мышлении говорит, обращаясь к мыслительному вопрошанию, и таким образом может быть в основе своей связана с решением. Там же, где вспоминающие не могут пребывать одновременно в той же самой сущности вспоминаемого основателя, все остается лишь историографическим ознакомлением с прошедшим, — что происходит, например, когда историограф философии, будучи лишь ученым, излагает не-

кую философию, или «историограф литературы», не способный быть поэтом, рассказывает о древней поэзии.

15

Начало нашего западноевропейского исторического «Da-sein» есть поэзия и мышление древней и классической античности — и ничего более; если только мы не составляем «историю» с животным наследием поколений возникающих и исчезающих групп живых существ, которые «создают» «культуру», как бобры свои «хатки».

16

На базовом опыте, т.е. на вхождении и выхождении (Einsprung und Erspringen) *Da-sein* как основания сущности самого Бытия, держится Все — держится начинание в другом начале — не с сущностью сущего, — а с истиной Бытия.

17

До тех пор, пока человек воспринимает себя, обладает собой и ведет себя, как *animal rationale*, пока он хотя и принадлежит сущему как таковому, но в истине Бытия ему отказано, а значит <отказано> и в бездне, а значит и в *Da-sein*, а значит и в единственном решении, а значит и в дающем Бога начале, — а значит и в изначальной истории и гибели (*Untergang*).

18

Человек как *Da-sein* является местом вбрасывания бытия (проясняющего о-своения-сбывания) в то,

что затем и только так может выступать как сущее — и может спорить — как мир и земля.

19

То, что мы вбрасываем перед наличным и прочим как мир, есть лишь встречный вброс некого отзвука базового настроения. Итак, настрой уже — промежуток ко Всему проясняюще-разгорающий — все перевернул и бытийствует таким образом как промежуток (das Inzwischen), который одновременно обходит Все в Него выступающее и стоящее и падающее, — так что присутствующее и отсутствующее — сущее лишь как узкое колечко кружит в некоей бездне.

11

20

Длительное и все более внешнее господство метафизического мышления привело к тому, что всякое сущностное осмысление воспринимают как безосновное представление пустых общих мест, — не ведая о решимости и уникальности всего сущностного и того способа осмысления и действия, которого оно требует.

21

Базовый настрой — есть бездонно (ab-gründig) основывающее перемещение в сущее, каковое перемещение перемещенного человека решает о том или ином сущностном направлении:

настрой есть более изначальный проясняюще-выставляющий и направляющий, чем страсть; яснее <и> изначальнее знающий, чем мышление; постоянно выносящий и выдерживающий, чем действие; более глубокий и волнующий, чем наслаждение.

12

Настрой предшествует всему в высшей простоте и всему непостижимая основа. Настрой из голоса тишины Бытия как о-своение-сбывание (Er-eignis).

13 Кто может предугадать абсолютную уникальность исторического мгновения? Кто может познать переход — без навязывания поспешных решений и спасительных <действий>? Кто готовит бытию тишину отголоска? Кто постигнет в кажущейся пустоте нераскрытую полноту бездны? Кто присоединяется к кому, так чтобы немногими овладело другое начало? Кто знает, что единственность всякого бога требует бездонной единственности — и полагает гибель в начале? Кому удастся отречься от пустых «вечностей», которые впутывают в манию голого поддержания простого «и так далее»? Кто обладает сильной верой не в человека как наличное живое существо, — но в человека как преддверие, за которым скрыт удар бытия в Da-sein? Кто поймет, что длиннейший переход, в котором, возможно, должна соединиться череда поколений, нельзя рассчитать по часам прожигания жизни в удовольствиях? Кто способен познать великое в отказе и быть в нем великим? Чтобы ответы превращались здесь в ответственность и деятельность, нужно изменить привычные и излюбленные оценки повседневности. Но повседневность пребывает в упорстве, так что лишь редко кто-нибудь отваживается в целом познавать все по-другому и открываться скрытому.

И если бы дело заключалось лишь в том, чтобы поразмыслить о непостижимости того, что в первом начале западноевропейского мышле-

ния ἀλήθεια — нескрывтость — сделалась словом для <обозначения> *бытийствования самого бытия*, тогда грядущей — невидимой философии был бы достаточен дарованный завет.

23

Удивительно, сколь низко оценивают набросок Da-sein в «Бытии и времени», полагая, что человек там понимается лишь в его отношении к вещи (подручному) и к окружающим (совместность)! Не хотят видеть, что прежде всего «понимание бытия» как набросок бытия отличает Da-sein и возвращает его в просвет, который, однако, по сути является замалчиваемым и не освоенным (unbewältigt), но все же оказывается единственным, к чему обращен вопрос, а все остальное — необходимый первый план неизбежной определенности. Набросок бытия есть ближайшая основа для едино-многообразного отношения человека к другому, к вещи и к себе самому. Но эта основа есть ближайшая — едва затронутая кромка бездны, в качестве каковой «здесь» (das Da) настойчиво основывается в Da-sein, — к просвету, в качестве какового Бытие в исходе (Austrag) встречи и спора о-сваивается-сбывается (sich er-eignet) — и как *такое* освоение-сбывание (Er-eignis) бытийствует, а бытийствование есть просвет «этого» отказа.

14

24

Оставить позади всякую «антропоморфность» бытия — уже больше не разрушать ее; — но кто последует за этим ходом? И должны ли они быть способны последовать?

25

При вспышке магия хотя, возможно, и фиксируется именно «происходящая» мировая история, но при таком освещении не видят — *ничего*.

15

26

Наша величайшая опасность? — это не жестокость расчетливого зверя, не утрата традиции сущностных начинаний, но изысканнейший вкус к «духовному» и его формам, <вкус>, который, все перепробовав и приготовив, предоставляет их телу и душе церковной веры для ее украшения, помогая укреплять отсутствие решения. Но является ли это еще одной опасностью? Нет — только весьма изощренным предприятием, которое в другой форме уже давно ведет разрушительную работу и с этой целью распространяет иллюзию, каковой поддаются и уже-не церковно-верующие, поскольку они другим путем больше не попадают в <сферу> знания и вопрошания, которые больше не нуждаются в духе (т. е. *animal rationale*), — ибо прежде вновь отваживаются на вход в бытие.

16

Крайняя оставленность бытием сущего имеет место там, где под прикрытием заимствованной и выпрявленной «метафизики» постоянно толкуют о сущем и наиболее сущем (*ens entium*), о Творце и Боге-Спасителе <, о котором учит> церковная вера, и все как бы расплывается в нерешительности, поскольку основывающее вопрошание перед этим и постоянно должно оставаться исключенным. Для каждого, кто требует решенного и хотя бы решений, здесь будут прекраснейшие и сделанные с исключительным вкусом изложения для игры с избитыми фразами, от которых

тут же отказываются, если нужно перейти к вопрошанию, — тогда заявляет о себе лишь отступление к вере, дарованной откровением, и ее церковному провозвестию. В лучшем случае удастся духовная назойливость в областях, которые никогда не относились к напиравшему сюда (*Herzudrängenden*), поскольку он <каждый?> заранее отвергает их сущность, спрятавшись вначале в укрытие с обладанием «истиной», так что с ним ничего не может произойти. Как же тогда человек должен быть способен слушать? Эта крайняя лживость со вкусом обставленной «духовной жизни» годится для области производства «культуры», в ином смысле столь же лживого и пустого, — так что отсутствие решения повсюду и сплошь и рядом есть *одно и то же*.

27

Когда спрашивают, *что* сказал тот или иной мыслитель или поэт, тогда следует немедленно и прежде всего задать вопрос, *кто* есть тот, кому он что-то должен сказать. Является ли он просто настырным человеком в маске смиренного, который Все Сказанное, до того как услышать, уже исказил, превратив в то, что должно быть использовано лишь для украшения и освежения и вуалирования некоей уже гарантированной «истины». Или же вопрошающий есть слушатель, готовый подвергнуть себя и свое существо достоинству вопрошания того, что было сказано, и самому сделаться вопрошателем. — Но образовательное предприятие — «находящееся» сегодня в собственности у апологетики церковей и орденов, — ничего не знает о подобном осмыслении, а потому вся его деятельность бесцельна и неважна для всякого подлинного основания, — она даже не способна дать толчок.

18 *Техника и историография*: когда крестьянство разрушается всеми средствами извне и прежде всего изнутри (в смысле простого угашения стремления к уединению и слиянию с природой), когда техника (в сущностном смысле) уничтожает крестьянство, — ибо она должна его уничтожить, — возникает *историография* «о» крестьянстве: оно становится предметом занятий для ученого сословия — техника разыгрывает в качестве последнего козыря своего триумфа историографию и находит в этом еще тех неспособных к осмыслению <людей>, которые полагают, что лишь когда нечто «обрабатывается» историографически, оно обладает подлинной «действительностью». Ученые кажутся себе последними спасителями и хранителями крестьянства. Или — они в своей деятельности все же «спасли» достаточно хитростей, дабы знать, что единственное, что они тут спасают, это возможности для их собственных занятий, — и при том таких, которые считаются современными, а значит всеми средствами нацелены на то, чтобы люди нигде не пришли к осмыслению и не узнали, что такое осмысление. — У моей собаки — шпица² — больше «крестьянства» в морде и костях, чем у этих чванливых, лишенных почвы и жаждущих захватить какую-нибудь кафедру фальшивомонетчиков. Но сноб из националистов и прочих будет с удовольствием «читать» подобную историографию крестьянства, — а возможно, и «поучать» своих коллег в этой области.

2. [Семейство Хайдеггеров приобрело в конце 1920-х годов у одного крестьянина шпица по кличке Морле.]

29

В «мотоспорте» и его «лексиконе» существует «красивое» слово «молодой гонщик». Соответственно сейчас молодые философы готовятся в подходящих лагерях, — следует ли приписать подобные словообразования лишь растущей безудержности во всем существенном, или здесь заявляет о себе более глубокое разрушение прежней сущности человека? Давно ли слово уже отвязалось от бытия и является лишь средством насильственной организации ослепляющего жизненного напора?

19

30

Живое — (в отличие от *Da-sein*) есть преждевременно остановленный, самодостаточный и заторможенный разбег к бесосновному основанию основы некоей открытости — к *свободе*.

31

Тот, у кого нет силы и воли признать в отношении мыслителя *существенно больше*, чем он высказал и мог высказать, никогда не должен заниматься истолкованием; ибо в противном случае все сведется к ученому умалению. Но существенно «бóльшим» является более изначальное мышление о сущности и ее существе (*Wesenheit*). Поскольку сегодня — когда по-прежнему трудно сказать, превосходит ли неосведомленность преувеличение или наоборот, — всякий, кто лишь в *половине* мысли еще сколько-нибудь мыслит, тут же и по меньшей мере оказывается перенесенным в близость к Ницше; иногда это хорошо, кое-что

знать о Ницше. Однако достаточное основание для дальнейшего размышления о мыслях Ницше не лежит в таких обстоятельствах — причина коренится в осуществленном Ницше завершении метафизики в целом.

20

32

Новоевропейский «мир» превращается в <сферу> гигантской «проституции» в *шуме и гаме*; в нем устраивается самосознание махинации, ведь шум и гам есть базовая форма ее самосознания, составляющего существенный момент субъективности. Шум есть предание гласности, обращенное к публичности, которая только и позволяет что-то значить для «сущего»; шум есть самочванство всякого предприятия; шум есть составление («монтаж») всего прошлого и позапрошлого с помощью историографии. Шум есть всякое говорение и писание. Шум есть машина — пусть даже она сделана бесшумной. Шум есть всякая манифестация и восхваление. Но шум осуществляет сущностный шаг звука в несущность; в шуме завершается организация несущности в абсолютную распущенность (*Losgelassenheit*). Но даже когда сущность сущего не теряется в шуме, по совершенно иной причине бытийствует просвет Бытия — *тишина* — и дожидается своего основания.

33

21

Что это такое: сияющая небесная синева, которая делает невидимым кружение звезд? Просвет, который скрывает, дар, который основан на благородстве отказа. Бытийствование, которое основывает мир и землю, приводя их к согласию, и исходит

из события. Все заранее выводить из просветления (Verklärung). Но просветление возникает из Бытия и не является высокой степенью «жизни».

34

Переход. — Во времена *перехода* действительное (то, что публично выдают за него) и-бытийствование Бытия дальше всего разогнаны друг от друга — вплоть до преданного забвению отчуждения; в этом промежутке находится широчайшее поле самой коварной двусмысленности, — но она есть по сути Переходно-Историческое, — от него переходящие не вправе отклоняться — они должны это вы-носить и в их части доводить до конца.

Что «есть» «сейчас»? — *Без-донный отказ* — уже является бытийствованием Бытия! Но для метафизического взгляда все предстает как «переход», а переход — как уже не стоящее наверху в свете и в надежности упорядоченной «системы» верха и низа метафизически трактуемого мира. Переход и эпоха законченной бессмысленности.

22

Ницшевская мысль о вечном возвращении одного и того же выражает сущность воли к власти, в каковой основной мысли сущность сущего завершает свою историю. Завершение метафизики, «осуществленное» Ницше, есть обоснование последней эпохи Нового времени: мы называем ее *эпохой законченной бессмысленности*. При том это название обладает уникальной метафизической и одновременно переходной силой именования. Бессмысленное толкуется здесь согласно понятию, введенному в «Бытии и времени», как область наброска набрасывания и особенно набрасывания бытия к его истине, причем истина понимается как просвет самооткрытия. (См. ниже S. 98 слл.)

Бес-смысленное есть без-истинное, а именно <без-истинное> бытия.

23 Сущность растворилась в голую махинацию, так что благодаря ей сущее достигло неограниченной власти и оставленность бытием сущего вступила в свое скрытое «господство» — «господство», которое не возникает из указанной власти, но проистекает из скрытой истории Бытия. Махинация сама по себе может находиться только под собственным управлением и обретать в этом нечто окончательное. Там, где бессмысленность приходит к власти, причем благодаря человеку как Subjektum, благодаря вычислителю, жаждущему исчислимости его и всех вещей, там устранение всех смыслов (т. е. вопроса об истине Бытия — или его отзвука в сущности и ее набрасывании) необходимо заменить Тем, что одно еще остается как надлежащая допустимая замена: *расчетом*, — причем *расчетом*, оперирующим «ценностями». «Ценность» есть перенос существенности сущности (Wesenheit des Wesens) во множественное и гигантское, передача сущего в рассчитывание (Verrechnung). (Когда эти ценности (благодаря возникшему позднее философской — т. е. историографически-платонической — учености) объявляются ценностями «в себе» и выдаются за зримые предметы и рассчитываются в гигантских таблицах и схемах иерархического порядка, завершение метафизики одновременно превращается в опустошение мышления, последствие которого проявляется в форме культурного мошенничества и как истощение культуры <становится> средством пропаганды.)

В другом начале мышление древнее поэтического творчества. Но мышление этого начала заимству-

ет неузнаваемость, соответствующую его сущности (вымалчиванию Бытия).

36

24

Сейчас у нас по крайней мере имеется «крупнейший в мире уборочный локомотив».

«Культура» как средство пропаганды и «одиночество» как демонстрация правильной организации безграничной власти публичности: всякое окончательное и подлинное использование идеи культуры и это бездумное истощение одиночества как создаваемой временной лазейки попеременно обуславливают друг друга и вместе завершают выброс человека в обнародование сущего в его основе и его махинации.

37

Прежде всего любое мышление воспринимается как голое мышление, которое ничего (т.е. ничего действующего и действенного) не создает, а потому может считаться просто неким рассмотрением. Поскольку рассмотрение, однако, чересчур мало делает и для этой оценки мышления, то за ним признают дело обособляющего *расщепления*. Исходя из этого несущественного мнения о «мышлении» люди незаметно соблазняются на пустую трактовку «дела» (Tat), — его оценивают прежде всего на основе предварительного расчета возможной ответственности, а эту последнюю — в кругу уже во всей безвопросности признанной «действительности». Подобное обесценивание простого мышления ссылается на необдуманность и ищет свою защиту лишь в том, что считается «успехом». Но где бегство (Flucht) из того, что достойно вопрошания, яв-

25

ляется бóльшим? Не будет ли оно больше всего там, где <люди> в безопасности мнимой действительности непосредственной жизни организуют соразмерное ей (жизни) производство?

38

Мыслитель всегда прыгает за собой, поскольку уже должен был перепрыгнуть себя.

39

Будучи в сущности сбыванием истины Бытия, история постоянно и в не поддающихся расчету формах и ступенях скрыто придерживается (Ansichhalten) решения о Бытии.

40

Бедный Гёльдерлин — вот как они его теперь «тре-тируют» (maltraitieren) в своих литературоведческих и политических, соответствующих духу времени <изданиях>, и чем чаще он фигурирует в предисловиях и статьях, тем больше ему отказывают в его собственном *слове*, — то, что это слово не воспринимается, проистекает из неспособности к слушанию голоса Бытия; эта неспособность, однако, есть рабыня оставленности бытием.

26

41

Бытийно-историческое мышление как вы-спрашивание истины Бытия никогда не является «простым» вопрошанием, состоящим в бесконечной веренице «и так далее», но и не ответом самим

по себе; это вопрошание окончательнее всякого рассчитывающего объяснения и нахождения ответов, поскольку оно *переносится* в сущность ответа, который исходит лишь из самого Бытия.

42

Не только историческое, доступное расчету для историографии вдоль линии «времени», «уникально» (*einmalig*) по своим особенностям, но *сама история, ее сущность*, <состоящая в том,> что она как бытийствование истины Бытия даруется этим Бытием, являет собой высшую единственность (*Einzigkeit*). Почему мы можем говорить, что ее единственность есть сущностный дар Бытия? «Уникальное» в историографии есть только «уникальное» в тогдашнем таком-то «сейчас», — никогда не возвращающаяся, эта уникальность присуща тому, что обычно всегда возвращается как самое привычное. Здесь распространяется лишь видимость уникальности, и недавно еще в этой «индивидуализации» хотели даже видеть сущность истории. *Это* «уникальное» истории определяется исходя из прежнего и конкретного историографического «сегодняшнего», — а вовсе не на основе бытийствующей единственности Бытия.

27

43

Притязание самости на себя саму (Der Anspruch von Selbst zu Selbst): лишь в том случае, если история может всецело высвободить свою особым образом достигнутую принадлежность к Бытию, лишь там, где в притязании заложен дар силы для сохранения самого подлинного, это притязание способно основать самостоящее (*Freiständiges*).

44

«*Бытие и время*» есть первая и при всей своей незавершенности (*Gebrochenheit*) неизбежная попытка «метафизически» высказать сущностное преодоление метафизики как таковой (мета-метафизика); когда мы еще говорим о *мета*-метафизике, то, что надо перепрыгнуть, тянет нас назад к своей сущности.

45

Пред-мыслить Гёльдерлину — поэту Бытийно-исторической поэзии, не делая его «своим» современником, означает: историографически опредмечивать. Вот почему мыслительно речь не может идти «о» нем и его поэзии, а также не может он — в ходе подобного зло-употребления — сравниваться «с» мышлением. Ну и что тогда? Вымалчивание его сущности — кто способен его услышать?

46

Вопрошатель, задающий вопрос о бытии, никогда не бывает отвечающим на него, но он не оставляет вопрос открытым и адресованным в пустоту, — ибо его вопрошание само по себе есть — как выпрашивание истины Бытия — передача ответственности тому, что держит ответ (*Überantwortung an das Antwortende*). Здесь дело не в том, чтобы «ответить» одним предложением на некий вопрос, а в том, чтобы стать прислушивающимся к голосу вымалчивания. Но это высшее превращение человека предполагает, что оно сохранит свою защитную незначительность. С учетом прошлого это означает: Бытийно-историческое осмысление остается

без видимого успеха; более «длительным», чем подобные «влияния», и единственно «постоянным» является *другой* бытийный тип настойчивости, чьи одобрения не слышны. И все относящиеся сюда знают об этом единственном решении: чье господство придет — сущего или Бытия.

Разнообразная борьба между ревнителями махиации, которые продолжают прошлое, изобретая всевозможные новшества, и грядущими³ последнего Бога, который нуждается в единственности Бытия. Жесточайший способ борьбы вторых состоит в том, чтобы больше не принимать участия в средствах и мерах махиационных <дел>; способ борьбы первых есть властное препятствование всему, что им представляется не соответствующим <им>, — каждый из борющихся видит «противника» не только по-другому и в соответствии со своими собственными притязаниями, — но противоборствующие стороны настолько сущностно различаются, что «борьба» выглядит так, будто это не борьба, и все же является оспариванием всё того же самого, закутанного в самые чуждые сущностные формы: здесь Бытие и его истина, там бытие как сущность сущего. Неудача в борьбе заканчивается в войне — или в «цивилизаторском» разрушении.

29

47

Сущность *истории* (бытийствование сбытия) есть о-своение-сбытие. (Исход встречи и спора, <приводящий к> отказу, есть переход к подлинной истории — как истории «того самого» Бытия.)

3. В оригинале здесь единственное число. — Прим. пер.

48

Ходить непроторенными тропами и отречься от перспектив, которые они предлагают; лишь бы только была тропа — и путь для зрящих. Не отказываться от философии из-за незнания сущности «мировоззренческих» махинаций, но исходя из знания ее <философии> сущности (вопрос о бытии) вынуждать нужду, на основе которой она возникает в своей необходимости.

30

49

Слову предоставлять подобающую ему тихую мягкость перенесения в просвет Бытия, — из Бытия как о-своения-сбывания; не исхитряться, выдумывая (erkünsteln) «слова» как новые «слова»; и не пытаться сказать с помощью общепонятного стертого и смешанного языка нечто «*понятное*».

50

Лишь пред-мыслить «философии» (der «Philosophie» vor-denken), но не изобретать какое-то понятие «о» ней и ее методе, но отыскивать тропы к тому, что только и делает ее необходимой; Бытийно-историческое мышление — это еще не «философия».

51

Что означает: представлять *Бытию*? Быть настоящим в осмыслении сущности истины, благодаря бытийствованию которой для Бытия основывается некое будущее.

52

Переход. — Что является более важным: путь и движение или цель и ее представление? Пожалуй, все-таки «цель»; ибо каким мог бы быть путь? Или существуют бес-цельные пути? Разумеется, — это те пути, которые пролегают не путаю-произвольно, блуждая и теряясь, но вообще открывают и связывают область прохождения — такая область есть истина Бытия; и здесь остается под вопросом, допускает ли она постановку некоей «цели». Подобные бес-цельные пути странны; решимость начать движение, благодаря которому они лишь открываются, прокладываются, проходятся и остаются позади, невозможно объяснить на основе известного, так что попытки подобного понимания равносильны утрате пути. Насколько единственным и богатым является непреходящее, которое сохраняется для нас в сокровенности сущности Бытия?

31

53

Всезнайство закрывает путь к мышлению; голые знания никогда не приводят к осмыслению. Оно исходит из возросшей решимости к вопрошанию и еще большей решительности к вытерпыванию в достойном вопрошании; эта настойчивость в Бытии — ибо только оно и достойно вопрошания — раскрывается как знание истории, поскольку ее сущность кроется в тишайших изменениях *истины* Бытия.

54

Никакое объяснение сущего и никакое подробное исследование его областей не приведет в Бы-

тие. Но еще меньше этого можно достичь с помощью общего обзора представлений о сущем в целом по типу «мировоззрений».

32

55

Мы обязаны прежде всего быть *историческими*, во всех решениях быть пронизанными историей, если скрытая традиция просто сущностного способна поддерживать нас. Без этой традиции все становится добычей историографически-технической махинации. Традиция пробуждается лишь там, где осмысление как базовая форма свободы позволяет людям быть самими собой. Господство историографии есть знак отсутствия традиции. Лишь люди сущностной будущности владеют *воспоминанием*, через которое прошлое Бытия возвышает его в его грядущую, подобающую другой готовности сущность.

56

Метафизические базовые позиции историчны, а значит, в соответствии со своей сущностью в первую очередь доступны постижению и продумыванию в Бытийно-историческом мышлении.

57

Что это такое? Гигантский комплекс кинофабрики, где можно производить съемки, совершенно не зависящие от пейзажа и <освещения> солнцем; фабрика, которая все может «поставить» по любому заказу? Промышленное предприятие — одно среди прочих? Или нечто, ориентированное на господство в организации представления обо всем?

И в соответствии со своим производственным характером находящееся всецело во власти историографически-технического произвола?

33

58

Почему вместе с очеловечением (Vermenschlichung) сущего падает обожествление бытия (Vergöttlichung)? — Потому что у того и другого один и тот же корень, и если вырвать его, то ничего уже не вырастет. А этот корень есть набросок сущего как изготавливаемого — делаемого (das Machbare), — набросок же основан на неосвоенном опыте сущего как наличествующего и постоянного. Обожествление бытия превращает это в «причину» и «конечную цель». Очеловечение и обожествление вступают в игру, потому что прежде человек и Бог умаляются до чего-то, имеющегося в распоряжении, а бытийствование Бытия достигает господства лишь мнимым образом. Обожествление бытия и очеловечение сущего вместе с тем препятствуют всякому сущностному основанию «истины», — а это приводит к тому, что ссылка на божественное откровение и уверенность в себе (Selbstsicherheit) человека противостоят друг другу и борются за власть над сущим; всякий раз получается так, будто бытийствует не то, что называется Бытием, — будто бы «имеется» «сущее», поскольку обыденное мнение и хлопоты его касаются.

59

34

Господство начала есть скрывающееся отступление в необъяснимое, откуда оно <начало>, выходя из строя всё предыдущее, перепрыгивает через прежние решения.

60

Сколько должно *пройти*, чтобы возникло *прошлое*?
(См. S. 63).

61

Ранг есть основанное возвышение в сущностное решение, вытекающее из самого Бытия, решение, которое задает собственный закон и меру и опираясь на себя в первую очередь и исключительно признает всякую систему рангов (*das Ranghafte*) в ее уникальности и *таким образом* сначала вообще распознает ее. Одна система рангов никогда не признает, что находится на одном уровне с другой системой рангов, но всегда <выступает> лишь с позиции превосходства. Сущностной основой ранга является достоинство.

62

История: это исходящее из Бытия принятие, основание и гибель решений о сущности Бытия в области истины Бытия как таковой и ее основание.

История по сути есть о-своение-сбывание исхода; <она> является в череде сущностей главным образом настойчивостью промежутка: *Da-sein*. *Da-sein* не *исторично* в собственном смысле, — а сущностно, причем как основание и постоянство сбывания (*als Gründung und Beständnis der Ereignung*).

Неизменная далекая звезда над страной сердца.

64

Конец той или иной эпохи может узреть лишь тот, кто уже находится под властью другого начала, которого данная эпоха с необходимостью не ведает; и это неведение является не следствием, а самой давней причиной того, что это есть *конец*.

65

Как если бы *гигантское беспокойство* (Verstörung) <среди> всего содеянного людьми (Gemächte), распространяющееся над планетой, было историей, где оно, это гигантское беспокойство, все же может быть лишь порханием уже не владеющей собой махиации, а потому, на что каждый раз рассчитывает Современная публичность, должно наложить печать могущества пустого насилия на сущность действительного.

66

Лишь удобная видимость — считать *известную личность* таких историографически толкуемых базовых понятий, как «разум», «действительность», «природа», «человек», «искусство», более ясной, чем слова, которые изначально, исходя из некоего начала, пытаются дать имя Бытию и его истине: событие — просвет — Dasein; хотя здесь требуется существенно измененное мышление, все же отличие вопроса о бытии основано не на различии методов и вообще не на способах действий человека, но на истории Бытия: дарит ли Бытие самого себя в бытийствовании своей истины как сущность истории и ее уникальности.

Один делает «крах»⁴ содержанием и предметом метафизики, которая забавляется историографически схватываемыми возможностями метафизики (если трактовать метафизически) и таким образом «апеллирует» к нравственности человека, — другой *терпит крах* в преодолении *всякой* метафизики исходя из начала сохраненного начала. И то и другое — принципиально различные — необходимы, пусть и сущностно различны.

37 Как только махинация обрела неограниченное господство и лишь сущее — всякий раз добытое и достигнутое действенное и действительное, так называемые «факты» и «реальное» — определяет всякий расчет и достижение «потребных» для этого «целей» и «идеалов», последние могут одновременно превозноситься до небес и якобы сохраняться, но и забываться и отбрасываться в пользу «фактов». Это пренебрежение «священнейшими» «убеждениями» не может больше даже клеймиться как «непоследовательное», «вероломное», «безосновательное» и «произвольное», поскольку вместе с хрупкостью всех идеалов прежде всего исчезает всякая область для «идеальности». Махинация не только позволяет, но и настаивает на формировании (*das Machen*) всякий раз махинационно влиятельного мнения и истолкования «происходящего», без всякого учета «принципов», как раз-таки провозглашенных значимыми. Моральные возмущения становятся смехотворными и обычно «ни к чему

4. [Vgl. Karl Jaspers: Philosophie III. Existenzerhellung. Julius Springer Verlag: Berlin 1932. S. 411.] — Ясперс К. Философия. Книга 2. Просветление экзистенции / Пер. А. К. Судакова. М.: Издательство: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. — *Прим. пер.*

не приводят»; но столь же недалёковидными являются противоположные позиции, которые в противовес сохранению «идеалов», «учений» прославляют «реализм», использующий последние лишь как отговорки. Мнение, согласно которому надо действовать «реалистично», столь же по-детски простодушно, как и проповедь «высших идеалов»; и оба они уже находятся на службе махинации и попеременно используются и становятся объектом злоупотребления, в зависимости от нужды, которую предписывают махинационные потребности. Важны здесь не «идеалы», не «реальные» «успехи», — но то, что *и то и другое* в зависимости от потребности непознанного господства махинации постоянно сменяют друг друга и предпочтенное всякий раз может быть «убедительно» оправдано, — иными словами: важна сама махинация, которая сдерживает всякое осмысление и решение, подрывает всякое отношение к Бытию, взамен же захлебывается в «переживаниях» и стремится превзойти себя в нововведениях; в результате чего постепенно угасает всякая способность притязать на сущностные решения. Эта неизбежная смена требований и целей⁵. Место их оправдания определяется самой махинацией и служит только ее исполнению в сфере историографии и техники. Эпоху завершённой бессмысленности не смущает ни превозношение идеалов и возвешение и защита высших ценностей, ни отрицание идеалов в пользу «фактов». Лишь тот, кто постиг, что для этой эпохи и то и другое одинаково «необходимы» и равным образом безразличны, в состоянии кое-что предвидеть о том, что господство Бытия способно «осуществить» в форме допущенной оставленности бытием сущего. Поэтому преодолё-

38

5. Так в оригинале. — Прим. пер.

ние Нового времени никогда не сможет начаться в выдвижении новых целей, но в «опыте» бытия, иными словами: в осмыслении нерешенного пересечения встречи человека и Бога со спором бытийствования (*Erwesung*) мира и земли. Поэтому следует прилагать усилия не к хитростям выдумывания целей и уловок, а к готовности к осмыслению, которая обладает «свободой» к о-своению-сбыванию через Бытие к своему основанию, вымеренному самим Бытием. Но пока народы пребывают в сплошной бесцельности или выдумывании целей, им остается лишь соревнование «интересов», делание (т.е. техника) историографии как уклонение от единственной возможности истории, смешивающее «великое» и «малое».

39

Что получается, если малые (*die Kleinen*) и их публичность определяют, что имеет право слыть великим, если великие подобной величины практикуют единственно этот способ их провозглашения великими? Тогда настает время, когда великое и малое объединяются в том, чтобы выдвинуть в центр делаемое (*das Machbare*) и допускать сделанность (*Machsamkeit*) как действительность. Но это объединение лишь по видимости находится во власти решения и воли осуществителей, — ибо они прежде всего подгоняются и подталкиваются тем толчком, который их нигде не настигнет, поскольку он исходит из бытия, из его отказа, тогда как они знают и имеют право знать лишь свое действительное сущее как область объяснения. Когда технике в сущностном смысле в первую очередь обеспечены еще безграничные возможности эксплуатации сырьевых ресурсов, она становится разнузданной в своей несущности и настолько укрепляется, что внутри пронизанной властью махинации захватывает абсолютное господство и тем самым подавляет всякое

осмысление, поскольку она может подавать себя как подлинное и повсюду успешное и подручное «знание», не требуя решений. В эпоху безграничной махинации виды на «вечные времена» и обещания их становятся легко продаваемым рыночным товаром, — здесь идея «ценности» достигает предельного усиления своей несущности.

68

40

Колючелистники скромно поблескивают в прозрачном воздухе — начало бабьего лета.

69

Слишком привыкшие к публичному и к деланию таковым всего как масштаб его «наличия» (Bestand), мы не догадываемся, что самое существенное остается на долгое время изъятым и должно сохранять свое собственное пространство и не нуждается в «воздействии». В результате в будущем нужно будет вымалчивать сущностное в тишину простейших решений и сущностно мыслить лишь о *тишайшем* и ожидать от него исхода (Austrag), благодаря которому сущее становится собственностью Бытия.

70

Заранее промысливать сущность *поэтического творчества* — не тщеславная и не пустая ли затея? Или же самая осуществимая, если, конечно, само поэтическое творчество понимается событийно — как осваиваемое Бытием. Другое начало мышления начинается в промысливании поэзии и ее *основывающей историю* сущности — основывание истории как выбор <в пользу> истины Бытия.

71

41 Сумбурное и лишенное почвы мы должны извлекать из знания, что принадлежим не какому-то бущущему сегодня «сущему», а являемся осваиваемыми самим Бытием, сохраняющим сущностные решения, для которых мы подготавливаем разве что ничтожную мелочь. Но эта мелочь оказывается важнее всего гигантского.

72

Последняя форма махинации вступает в игру тогда, когда «действительное» и «сущее» принимает *призрачный* характер, — призрак пугает, внезапно появляется, ведет себя назойливо, не имеет ни предыстории (Hintergrund), ни содержания и являет собой саму не-обоснованность — эта последняя допускает любой вид мер в любом отношении и распространяет непреодолимое очарование — полагает себя как абсолютное.

Чтобы быть о-сваиваемыми Бытием как событием, мы должны избавиться от сущести сущего и господства сущего. Последнее мы можем подготовить в предугадывании первого путем осмысления; первое должно быть нам даровано, чтобы мы его осуществили. Возвышенное (zugehoben) до дара, нацеленное на успех (Leistung), Da-sein станет основывающим для человечества, которое должно знать, что оно призвано к Другому началу истории — Da-sein становится скрепой сущего.

42 Da-sein есть первое о-своение-сбывание; как Da-sein сущность истины Бытия сбывается, делаясь основанием; о-своенное-сбывшееся таким

образом *есть* история. Скрепленное в Da-sein сущее — т.е. в просвет о-своения-сбывания освобожденное — есть освоенность (Eigentum).

73

Большевизм (в смысле деспотически-пролетарской советской власти) — нельзя назвать ни «азиатским», ни русским, он относится к завершению Нового времени, истоки которого заданы *Западом*. А значит, *авторитарный «социализм»* (с вариантами фашизма и национал-социализма) является соответствующей (не тождественной) формой завершения Нового времени*. *Большевизм* и *авторитарный социализм* представляют собой метафизически одно и то же и опираются на господство сущести сущего (см. *предыдущие* размышления). Напрашивается такой исторический выбор: либо обе базовые формы завершения Нового времени независимо друг от друга закрепят с безусловным успехом оставленность бытием сущего (а значит, гигантский <массив> технико-историографически-политических приспособлений и устройств) и таким образом в гигантском стиле в сочетании с прямым «политическим» объединением или без него *окажутся* одним и тем же, либо благодаря им в посредующей опосредованности начнется высвобождение русскости с возвратом к ее истории (не «расе»), а также бездонная достоинность вопрошания немецко-

43

* Название «социализм» обозначает лишь по видимости да еще и для «народа» социализм чувства (Gefühlssozialismus), подразумевающий социальное обеспечение; имеется в виду политико-военизированная-хозяйственная организация масс. Класс: господствующий слой. — *Прим. Хайдеггера.*

сти — <с возвратом> к ее истории, причем история обеих исходит из той же скрытой основы изначального пред-определения: основывать *истину Бытия* (как о-своение-сбывание).

Гигантской опасностью оказывается не «большевизация» Европы, — ибо то, что существует, и причем в сущностном смысле неизбежного исторического завершения, не может представлять «опасность». Опасность царит там, где угрожает прохождение мимо *еще скрытого исторического* существа, причем так, что эта угроза вовсе не распознается как таковая и вообще не может быть распознана. Опасность состоит в том, что окончание Нового времени, которое нельзя притормозить, утверждает себя как единственная основа продолжения «истории»; опасность есть исключительность «успеха» махинации в метафизическом смысле — не способный знать и ничего не подозревающий подрыв всякой возможности совершенно иного исторического начала, которое провозглашает себя преодолением метафизики (и как следствие преодолением также махинации) и неизбежно должно надолго возвратиться в сокрытость непубличного, — опасность состоит в том, что снова и безусловно исходя из метафизического предопределения западноевропейской истории устанавливаются «цели» и единственный выбор (господство сущего или движение к Бытию) выталкивается в непознаваемое и не достойное знания, причем установленные цели («культуры», «осчастливления народов», гарантированных «жизненных интересов») всякий раз уже *как цели* могут использовать согласие, которое одновременно обеспечивает их «истину».

Знание того, что мы являемся *путем* к Бытию, т. е. в о-своение-сбывание, исходя из которого определяется сущность истории как основание истины

исхода, есть признак нзначальности, а он предполагает овладение раскрывающимся в вымалчивании, находящимся так же далеко и от власти, и от безвластия, как «акция» и «реакция». Это знание, <полученное в> (Бытийно-историческом) осмыслении, есть *первая* настойчивость в истине Бытия, и *потому* самая длительная, *выжидающая издалека* (*fern-hinausharrend*), которую меньше всего могут ослепить «успехи» и «воздействия», которая меньше всего впадает в переоценку себя самой, но как простая под-готовка в границах постоянной готовности чувствует свое усиление. Опасность заложена в угрозе оставленности бытием сущего в результате забвения бытия, каковая угроза здесь состоит не в приближающемся потрясении наличного состояния, но, наоборот, в закреплении оставленности бытием. Забвение бытия безусловно препоручает сущее сущести и ее безграничному развитию и таким образом обеспечивает уникальное господство сущего в смысле направленного (*abgerichtet*) «переживания» и организованного (*eingerichtet*) «действительного», — то, что при этом и наряду с этим распространяется как мнимая противоположность отвержению и отстранению, есть только присущее безграничной власти бессилие и отпадение в соответствующее прошлое, являющееся ответвлением махинации. Вот и получается, что в силу оставленности бытием сущего сущестъ как махинация становится абсолютной, а потому не терпит никаких условий, посредством которых она могла быть ограничена или направлена на «цели». Махинация никогда не является продуктом человека, а последний — как раз там, где он предоставлен самому себе, — оказывается запутавшимся в деловитости исполнителем махинации. (Обыденное значение слова «махинация» подразумевает нечто

лежащее на поверхности и производное, причем в истолковании сущего, неспособном когда-либо постичь Бытийно-историческую сущность махиации. (О понятии махиации см. «Об осмыслении» (Zur Besinnung, S. 1 ff.⁶))

46

Деспотический коммунизм и авторитарный социализм — одно и то же, но не в политическом, а в метафизическом отношении. Вот почему в результате политического уравнивания все еще могла оставаться *скрытой* общая метафизическая почва, — исторически это означает: сущностные решения о бытии и его истине остаются неизвестными. То, что всякий раз речь идет о «мировоззрениях» (см. об этом понятии доклад 1938⁷), следовательно, об ответвлении метафизики, выражается внешне в том, что с известной неизбежностью для ее обозначения употребляются международные западноевропейские (греко-латинские) выражения: свидетельство их «происхождения» из *ratio*, содержащего первый признак метафизики. В метафизически махиационной области все понятия, тезисы и принципы являются только «мероприятиями», которые в зависимости от потребности могут быть обращены в противоположные. Пытаться подсчитывать здесь «противоречия» значит в корне не понимать метафизическую базовую позицию мировоззрений. Так, например, долгие годы вышшим принципом может считаться, что «политика» не может быть чем-то существующим для себя,

6. [Martin Heidegger: Besinnung. GA 66. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1997, S. 16 ff.]

7. [Martin Heidegger: Die Zeit des Weltbildes. In: Ders.: Holzwege. GA 5. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1977, S. 75–113.] — Хайдеггер М. Время картины мира/пер. В. В. Бибихина//Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41–62. — *Прим. пер.*

но должна быть основана всецело на мировоззрении, так что «политическое» даже определяется «мировоззрением». Но внезапно может возникнуть «политическая» необходимость «политически» солидаризироваться с бывшим мировоззренчески заклятым врагом, причем «политический» приобретает совершенно иной или прежний либеральный смысл.

47

Можно, конечно, возмутиться по поводу того, что позиция была предана; в действительности изменилась сущность политики. Или же это изменение должно производить такое впечатление лишь по видимости? Данное изменение есть только мероприятие, невольная и также непонятная цель которого — неограниченно возводить метафизическую сущность завершенного Нового времени к власти. Лишь недальновидные и цепляющиеся за пустые идеалы «мещанство» и «христианство» находят здесь поводы для удивления, если не возмущения. Там, где мыслят и рассчитывают в «категориях» мероприятий, там в сущностном отношении поступаются всякими связями и связностью. Этот отказ означает особое базовое отношение к сущему — предполагает его сущность в смысле махинации. Для уполномочивания ее абсолютной власти ей свойственно выдвигать на передний план «ценности» и «цели» и даже «высшие цели» как То, ради чего требуются «жертвы» и «участие». Это необходимо до тех пор, пока сам человек еще связан с прошлыми идеалами и еще не приспособился к полной махинационной субъективности. Внутри махинационной области, где все превращается в мероприятие, могут поэтому также быть расставлены и подготовлены в виде мероприятий соответствующие «духовные» обоснования для конкретных позиций; ибо сам «дух» ведь есть всего лишь

48

мероприятие, находящееся на службе уполномочивания махинации, и получает приказы от нее. Это опять-таки не «произвол» отдельных «деспотов», — просто сама их сущность запрещает <им> иметь другое знание о духе, чем махиначионное. Поскольку Все «духовное» должно быть расчетом в форме мероприятий, оно тоже относится туда, где проводятся основополагающие мероприятия; вся прочая «духовная» суэта, которая выдает себя за «мировоззренческую» писанину, — что неизбежно приводит к колоссальным искажениям и уловкам ради того, чтобы всякий раз не отставать, есть потому побочное явление, которое, как и его «публика», «имеет» лишь само себя и пытается скрыть собственную неукорененность (т.е. неспособность к осмыслению). В эпоху махинации в гигантских масштабах выросла «писанина», причем с соответственным — то есть со столь же гигантским — отсутствием значения и результатов.

49

Из одной только войны, особенно такой, которая в эпоху оставленности бытием сущего могла разразиться только махиначионно, никогда не может возникнуть осмысление. Надеяться на это могут лишь романтики и все те, кто забыли или никогда не задумывались о том, что Первая мировая война, несмотря на самые кровавые жертвы, не смогла пробудить никакого осмысления. Напротив, она стала, если уж на то пошло, классическим примером абсолютной махинации и ее организации и муштры. Пусть ужас кошмарен, пусть храбрость не знает границ, пусть жертвы бесчисленны, — все это не создает базового условия осмысления: внутренней свободы человека принимать сущностные (не обусловленные какими бы то ни было интересами) решения, готовность <признать> историческую достоинство вопрошания бытия. Махиначия

повсюду овладела уже всеми возможностями сущего и закрепила их своими трактовками, так что человек, несмотря на все тяготы и потрясения, уже больше не в состоянии пробиться в важные области нужды, возникшей из Бытия.

Осмысление как настойчивость в достоинстве вопрошания *сущности* истины нельзя принудить посредством притеснений, но можно лишь вынудить через сущностную нужду, для чего потребно великодушные сердца. Но откуда ему взяться?

Историографически распространение и закрепление махинации делается зримым в различных формах: одна из них — приукрашенная моралью торгашеская расчетливость англо-американского мира; поощряемая им пагуба кроется не только в том, что он вытворяет, но еще больше в том, на что он не способен: ведь он чужд всякому сущностному духовному решению и ориентировал Все на «психологию» и Логистический Расчет, при том он использует в своих целях еще и мнимую заботу о традиции классической древности. И вот это «духовное» всецело оттеснено в <область> Антикварного и Морального, причем без всякого творческого побуждения. В противоположность этому русский большевизм (по своему происхождению *сходный* с англо-американским миром) остается — с его грубостью и массовостью — вполне безобидным явлением, — ибо сущностная оценка не может опираться на число репрессированных и расстрелянных, тут важна широта и беспощадность удушения всякого творческого исторического бытия, что никак не связано с моралью и ханжеством (*Tantenhaftigkeit*).

Гёльдерлин, величайший из немцев, т.е. тот, кто больше всех погрузился в сферу исторических решений в истории Западной Европы, на-

50

51

зывает немцев «сверхрасчетливыми варварами»⁸. О чем это говорит? О самообвинении? О понимании сути? Об историческом решении? О предвидении его? Гигантский хаос, в котором отказ от принципов и извращение их едва ли связаны еще с долго соблюдаемым безразличием, просто вытекает из безнуждой (*notlos*) неспособности познать оставленность бытием сущего и сохранить этот опыт в основывающем знании — (о «социализме» см. S. 70 сл.).

74

Завершение Нового времени. В эпоху абсолютной махинации публичную сферу в гигантских масштабах заполонила преступность под названием «истинное». Образцом конечного оформления идущего к своему концу Нового времени служит английская политика и манера ее осуществления. В английском «духе» «знание» и «деятельность» уже давно переместились в заурядность расчетливости; метафизическая неспособность этого «духа» к сущностным историческим решениям будущего уже предрешена. Случайно ли, что мое мышление и вопрошание в последнем десятилетии только в Англии постоянно отвергается и <там> даже не делалось никаких попыток переводов? Совершенно неважно, является ли английский призыв к морали лицемерным или считается «подлинным» с учетом издавна присущего

52

8. [Friedrich Hölderlin: Sämtliche Werke. Bd. 2. Gedichte — Hyperion — Briefe. Hrsg. von Friedrich Seebass. Propyläen-Verlag: Berlin 1923, S. 284.] Рус. перевод Е. А. Садовского: Фридрих Гёльдерлин. Сочинения. М.: Художественная литература, 1969. С. 425. — *Прим. пер.*

<англичанам> самообмана и самолюбования, решающим остается то, что английский дух вообще не выходит за пределы этого призыва к «морали» и все чуждое ему оценивает лишь как аморальное. Опасность этого без-духовного «духа» состоит не только в беспощадности его махинационной игры, но прежде всего в том, что *противодействие* ему слишком легко запутывается лишь в махинационной <сфере>. Разделение политических властных групп есть только признак конца прежней эпохи и неопределенности исторической основы грядущего. Простые «мировоззренческие» сделки, соответствующие «политическим», уже недостаточны, чтобы основать историю Европы как целостный мир. Метафизика — и тем самым «идеалы» вообще и «мораль» и «культура» как формы влияния «идеалов» — закончилась; но начало Другого темно, — и уже это остается и становится важным событием: то, что будут познаны Другое другого начала и его нужда. Однако для этого нужно внутреннее преодоление махинационной сущности Бытия. Намечается ближайшее решение: либо махинация как таковая еще будет способна предотвратить разрушение своей сущности и тем самым сделать себя в новом обличье долговечной, либо же она сама себя разрушит из-за последнего признания ее прав на абсолютность. Решение и манера, в которой оно принимается, зависит от того, будет ли готовность западноевропейского человека к основанию истины Бытия пробуждаться исходя из самого Бытия и преобразится ли единственная сердечная нужда в ликование от встречи Бога ради охраняемой земли в простом мире и таким образом сбудется (*er-eignet wird*) *Da-sein* в качестве сущностной основы бытийствования истины Бытия.

54 То, что в осмысляющем мышлении должно заранее продумываться далее всего, есть сущность *поэтического творчества* и готовности к нужде ради него; ибо махинационное господство «действительного» может быть сломлено лишь благодаря необходимости владычества поэтического творчества, которое должно стать Бытийно-исторической сущностью, поскольку оно выговаривает мгновение решения в пользу Бытия как освоения-осуществления исхода.

Исторический человек западноевропейского будущего должен иметь право за-воевать Одно как Первое: на этой земле жить поэтически: для основания истины Бытия выстраивать меру и связность человеческого бытия, — чтобы сущностную нужду, предуказанность к бытию познать в ее достойности вопрошания.

Почему мы не решаемся в корне отказаться от историографически-политического фасада истории, т. е. ее технизации, когда речь идет об осмыслении и основании будущего? Избытка «фактов» и оценки «реального» недостаточно для объяснения этого превосходства «политического», ибо тот избыток сам уже есть следствие господства метафизики, которая препятствует осмыслению бытия и искажает сущность истории. Вот почему метафизика оказывается единственным серьезным препятствием, мешающим историческому осмыслению.

Ее теперешнее и последнее господство — распространное в форме «мировоззрений» и «идеологий» — необходимо сломить. Без этого преодоления

закостенеют надежда и опасение, <превратившись> в поля историографического расчета, оставшись далекими от превращения в базовый настрой готовности, вызванной сущностной нуждой.

77

55

Гигантское, относящееся к сущности махинации, не является чем-то чрезмерным, имеющимся в наличии; в таком случае оно оставалось бы малым, пустым и бессильным. Гигантское состоит в неизменно прячущейся и постоянно подстерегающей безмерности всего того, что становится «сущим». Всякое преувеличение делается толчком и мнимой правовой причиной следующего; и каждое <преувеличение> всецело является расчетливостью, причем всегда впряженной в подлинно действенное: угроза решающей, но сдерживаемой безмерности — подстерегание ею всего повсюду, непостижимость этого не поддающегося расчету, запрягающего все расчеты для себя, видимость правомерности каждого шага прячущегося безмерного, ловкость, с которой безмерность «воодушевляет» всякое обыденное мнение и действие, избегание всех опросов и соответствующая назойливость в обнародовании всякого успеха (ибо здесь всякое дельце (*Gemächte*) заранее несет на себе печать успеха), бессвязное под видом строжайшей связи — называемой «направленностью», — все это признаки доведенной до абсолюта махинации. Она не поддается никакому объяснению, опирающемуся на человеческие поступки, — она пронизывает как бытие — все человечество и остаток «мира», самого себя выхолащивающего и загоняющего в отсутствие решения (*ins Entscheidungslose*). Безмерность махинации, следовательно, также никогда не поддается контролю или хотя бы постижению, питает-

56

мому дерзостью человека; последняя движется все еще в признании некоей меры и поэтому содержит возможность первостепенного (eines Überraschendes). Безмерность махинации больше не требует от человека дерзости, но лишь непонятой и непознанной освобожденности от всякого сущностного решения. Это освобожденное делает возможным внезапное и продолжающееся и часто обращающееся в противоположность закрепление всей деятельности и делания именно в сулящее успех. «Успех» есть только повод, предоставляемый махинацией человеку, чтобы он создал себе некий меняющийся по потребности круг представлений, в рамках которого его деятельность и недеятельность позволяют выглядеть «героически». Эта освобожденность есть сущностное *следствие* оставленности бытием сущего, которое через сущность поддерживается во власти как махинация. Но оставленность бытием рождается из сокровенного бытийствования Бытия. Все происшествия публично подаются историографически-технически как «сбывание» (Geschehen), постоянно превосходя себя в своей маловажности, когда одно вытесняет предыдущее в забвение. Техника махинационной организации историографии

57 в публичном мнении подготавливает сущностную неисторичность человека. Она не была бы сущностной чертой махинации, если бы ей не дали спрятаться за гигантским историографическим монтажом происходящего сейчас сбывания величайшего времени. *Бегство богов столь окончательно, что Бытие даже больше не допускает, чтобы человек был сочтен достойным знания об этом бегстве, т. е. человек предоставлен субъективности субъекта.* Но прыжок в выпрашиваемый опыт оставленности бытием есть уже настойчивость в знании Бытия как отказа — каковое бытийствование Бытия позволяет расколоть

всю историографически-техническую «историю» человека, а человека по-другому о-сваивает — в Da-sein.

Для Da-sein махинация как таковая, а с ней гигантское станет познаваемым в знании, которое это познанное отбросит в его несущность. Это от-брасывание имеет свою подлинную остроту в переходе, который даже отказывается замечать еще и переходимое, выражая ему презрение. Но в этом переходе еще сияет преображенный взор, который в оставленности бытием распознает из бытийствования его истины появление самого дальнего знака-намека бездонного начала истории Бытия; здесь подготавливается *обнищание в сущностную нищету*, единственной собственностью которой является Бытие.

«Наука». — Историографические последствия прошедшей истории образования столь упорно закрепились в памяти потомков (Ausläufer) более старшего сегодня «поколения», что они, услышав слово «наука», все еще думают о благодушной учености, которая пребывала в своем спокойном «мирке» в кругу своих «вопросов» и мнений. Старшие лишь с трудом решаются на то, чему младшие уже не знают альтернативы и что с минимальной мерой духовных притязаний признают «безоговорочно»: на господство чисто махинაციонной сущности «науки» — характерной для нее является не филология или физика, — а «Исследование обрастания»⁹, которое в собственных институтах ищет средства

9. [«Исследование обрастания» изучает снижение сопротивления судну путем постепенного уменьшения трения в воде. Исследования проводились и проводятся основанным в 1913 г. Гамбургским судостроительным исследовательским центром.]

59

и пути, чтобы устранять обрастание подводных частей судов, поскольку оно значительно снижает *скорость* движения судов. Здесь кроется «жизненно» важная «проблема» — познать науку исходя из ее сущностного характера. Однако этот вид «исследования» не потому считается авторитетным, что оно проводится в настоящее время, — а наоборот, его фактичность является следствием изменения «источка знания» и возможности знания, каковое изменение исходит из сущности бытия как махинации. Мнимая философия, которая стремится выявить сущность наук на основе проводимых научных исследований и даже приписывает этот метод *Канту* как первооткрывателю, не могла постичь, что Кант лишь потому осмыслял математическое естествознание как «фактум» и принимал за исходный пункт, что для него была очевидна сущность знания в смысле матезиса новоевропейского мышления и сама эта очевидность участвовала в упрочении самодостоверности Subjektum.

79

Тому, кто ожидает утешения от *философии* и кто вообще желает, чтобы его утешали, следует оставаться за пределами ее сферы, зная лишь ее название и историографические мнения о ней. Всякое утешение избегает опасности сдвига к колоссальному изменению человеческого существа. Но этот сдвиг есть по сути о-своение-сбывание человека в основание истины Бытия. Есть ли такое место, в котором еще могли бы сравнивать друг с другом утешение и этот сдвиг? Или же и то и другое, каждое по-своему, безусловно должны отличаться? Всякая метафизика открыто или окольными путями подбирается к утешениям и может только от этого

сущностно иного по отношению к ней отвращаться как от безутешного и подозревать его — или в крайнем случае отвергает как непонятное (ей).

80

60

То, что сейчас происходит, есть нереально явный отход от всего «пережитого» и «доступного переживанию» и подобным образом сообщаемого и также уже забытого Бытием. Затронутые этим и осуществители <его> являются — таким же образом и столь же неготовыми к осмыслению — особенно «субъект» и «объект» махинации — и не выпутываются из этой уникальной двойственности, бросаясь из объективности в субъективность и наоборот. Но в скрытом основании все высвобождено из Бытия в сущее. Высвобождение создает бездну непреодоленной нужды, которая поначалу бросает лишь отдаленнейшую тень на самое близкое страдание предоставленного самому себе, беспомощного человека.

То, что сейчас происходит, неисторично; прошлое (в сущности решенное и уже не призванное само собою к сущностному изменению) также уже тут, где оно становится самой навязчивой современностью. То, что происходит, и есть в свою очередь только переходящее в безмерность выявление и обнародование, по сути, лишь завершающейся махинации: абсолютная безбудущность. Та, что сама не находит в себе никакой причины для готовности к приходу — в смысле о-своения-сбывания сущности человека — в основанность истины Бытия. То, что происходит, есть гигантское мерцание сделанного (*Gemächte*) в эпоху абсолютной бес-смысленности. Пока мы знаем об этом, т.е. упорно вытерпливаем из базового настроения ужасания, мы ожидаем уже в тишине грядущего и предчув-

61

ствуем простые необходимости освобождения земли для простого мира в вольный простор встречи Бога и человека.

То, что происходит, окончательно уловлено заранее в расчет, предваряющий даже махинации и Каждого затягивающий в свои когти, Каждого, кто еще стремится в этих происшествиях, называемых «историей», сохранить за собой какую-нибудь роль. Все различия «культур», «мировоззрений», «стремлений к политической власти» выравниваются на одном и том же уровне, на котором различаются разве что звучание названий, да и это различие снижается до ничтожного, поскольку и слово отчуждено (*entäußert*) до его <буквального> значения и стало лишь одним из средств подстрекательства среди прочих. Выпады махинации среди народов взаимозаменяются в обладании как видимость господства — ведь отсутствие осмысления считается делом. Но грядущее, то, что для прихода о-сваивается-сбывается, есть осмысление как освобождение к настойчивости в *достойности* вопрошания сущности истины.

62 Ничего не ждать от сущего, но о-сваиваться-сбываться Бытием.

Возможно, сейчас происходит последняя смена (*Auswechslung*) исполнителей махинации сущего; перед этим было еще колебание, <не стоит ли> ее гигантизм (*ihr Riesiges*) пустить в ход безусловно и на основе неограниченной власти; теперь она направила своих осуществителей на абсолютное и на рискованное предприятие безграничной бессмысленности. Эта смена выглядит на первый взгляд как нечто «новое»; оно и есть «новое», — но новое есть лишь приходящее на смену предыдущему его продолжение и, наконец, его полноценное завершение (*Auslauf*). Новое есть

крайняя противоположность начала. Смена есть абсолютное отрицание возможности некоего начала. В эпоху высвобожденной до абсолюта махинации иллюзии столь велики, что не терпят помимо себя никакой другой «работы» (Werk) и бахвалятся, будто они — «подлинная действительность».

81

Легче действовать в надежном кругу непосредственно влиятельного задания, чем «просто» размышлять. Но речь идет не о том, «легче» или «труднее», но о том, чтобы каждый соблюдал свое предназначение.

82

63

Что будет, если современное останется лишь уже прошедшим и исчерпает себя в заполнении прошлого благодаря все новым и новейшим неожиданным происшествиям? Тогда будет скрыто господствовать момент полной неспособности к принятию решения и к готовности к нему. (См. S. 34.)

83

Достоевский в конце первой главы «Бесов» говорит: «А у кого нет народа, у того нет и бога!»¹⁰ — А у *кого* и как есть народ, а именно свой народ? Только у того и так, у кого есть Бог? Но у кого и как есть Бог? Не впадаем ли мы тут в обращаемость туда-сюда, которая как таковая в своей одно- и двусторон-

10. [Fjodor M. Dostojewski: Die Dämonen. R. Piper und Co. Verlag: München 1922, S. 53.] — Достоевский Ф. М. Бесы. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 10. Л.: Наука, 1974. С. 34. — Прим. пер.

64

ности ни на что не способна или столь же мало способна? Куда указывает эта обращаемость? Несет ли она сама себя и не растянута ли она Тем, в чем ни народ, ни Бог не нуждаются, однако и тот и другой сущностно-различными способами нуждаются в том, чтобы найти и основать свою сущность и *быть* сущим? И что это такое? Бытие в своей истине. Лишь отношение к Бытию способно обеспечить возможность нужды встречи с Богом; лишь потребность в Бытии (со стороны Бога) расширяет его <Бытие> в Такое, откуда подходит к нему встречающее и может особым образом передать ему свою собственную сущность. Бытие как о-своение-сбывание в *Da-sein*, как то, что дарует о-своению-сбыванию пространство напряжения и свободное пространство (*Spann- und Spielraum*) его парения и лишь в тот момент становится доступным восприятию, ибо история обретает свою сущность как бытийствование истины Бытия.

84

Все изначальное возникает из коренного, а значит идет «снизу». Но этот «низ» ничем не является, если не несет в себе возможности *своего* верха и не ведет к господству. Вот почему ничто важное не проистекает «только» снизу и никогда «только» сверху, — но лишь из борьбы за сущностное освобождение и того и другого — из промежутка между ними, — но сам этот промежуток есть уже о-своенное-сбывшееся о-своения-сбывания (т. е. Бытия). Простое нисхождение-к-корням (всякий радикализм) является двусмысленным; оно может означать <следующее>: вырывание корней или погружение их в почву. Несущность, бесчинство радикального есть простое разрастание в абсолютное.

Освобождение есть основание в неоткрытую сущность, принимающее свое предназначение из коренной близости к истоку. Видимость освобождения есть увод в неукорененную чуждость, которая не в состоянии даровать никакого права (Fug).

85

64

Переход — подразумевает сущностное, непренебрегаемое преодоление высвобожденных из начала; отказ-от-прибегания-к (das Nicht-mehr-in-Anspruch-nehmen) господству сущего. Переход такого рода исходит только из основы истории: <из> бытийствования истины Бытия.

86

Необозримая простота *русскости* заключает в себе непритязательность и безмерность — и то и другое взаимосвязаны. Большевизм, всецело нерусский, есть вместе с тем опасная форма (Gefahrenform) для несущности русскости, а потому <является> историческим прохождением; будучи этой формой, большевизм держит наготове возможности деспотии гигантского (das Riesige), но и другую возможность того, что гигантское выпадет в бездну своей собственной пустоты и оставит сущностное народа без основания.

87

То, что все «цели» исчезают и всякая «вера» становится ненужной, есть предварительная форма нигилизма; он прежде всего приходит к своей сущностной власти, когда вообще все, связанное с целями, как и позиция веры, сводятся к просто-

66 му произвольно меняемому инструменту махинации и никчемное опустошение земли скрывается под видом якобы «великих» исторических мгновений. Даже эта гигантская симуляция истории с помощью непосредственно сопутствующей и организующей историографической техники является не достижением и изобретением отдельных <индивидов>, а процессом, который предлагает уже лишенным корней <людям> лазейку для их беспочвенности и бесцельности.

88

«Высшее», что <еще> допускает *махинация*, это «интересы»; сюда попадают и «культурные» и «религиозные» «интересы»; «культура» и «религия» уже обладают махинационной сущностью и не имеют никакого отношения к истории и богам. Последние, допускаемые как чистые идеи, являются лишь поводами для культурного и церковного производства, которое для придания себе авторитета повсюду рассылает пропагандистские <материалы>. «Интерес» относится к тому, о чем идет речь (*worauf es ankommt*); то, что нечто подобное бытийствует как «прибытие в» («*Ankommen auf*»), — говорит о втискивании человека в систему механизмов и толкотню идеалов и сферы их реализации. То, что вне «интересов» («речь идет о») бытийствует еще нечто сущностно другое, *ради чего* человек настойчив в сущем, «интерес» постичь не способен.

67 Все «ради чего» (*Um-willen*) связано с решением (*entscheidungshaft*). Решение исходит из осмысления — как отношения к достойнейшему вопрошания как таковому, — но последнее и есть Бытие; «интересы» привязаны только к сущему, т. е. к его идейно представленной сущности. Осуществление «жизнен-

ных интересов» остается тем, чем оно есть, пусть интерес по-прежнему связан с индивидом или с общностью или с общностью общностей; интерес таким образом расширяется и тем самым полностью укрепляется в своей исключительной значимости и подтверждает махинацию в гигантском. В кругу господства жизненных *интересов* лишь «интересное» (das «Interessante») в состоянии устремиться ввысь, и для распространения этого используются все средства оповещения и «иллюстрирования». Скука жизненных интересов пытается заполнить свою пустоту постоянно меняющимся числом «интересного». «Интересными» станут однажды также скульптуры Парфенона и средневековые рукописи. Интересным временно становится все, а решающим больше ничто не является. Даже то, что провозгласили «решающим» — а как могло быть иначе (wie sollte es nicht), — считается только интересным <в рамках> некоего интереса.

89

Если истории Западной Европы суждено еще раз быть спасенной в сущностно изначальной форме, то требуется изменение, которое превзойдет все предыдущие перевороты, затрагивавшие только сущее: изменение Бытия и его решение против сущего и его господства указывает «место» начала какой-то другой истории.

90

Линии разграничения между Россией и Германией лишь маскируют бездны предварительных условий для некоего еще даже не выспрошенного решения (Ent-scheidung) о сущности запад-

ноевропейской истории. Разделительные дефисы коварны — ведь то, что по сути одно и то же, в его тождественности как раз и делают явным. Национал-социализм — не большевизм, а последний — не фашизм, — но и они являются махинационными победами махинации — гигантскими завершающими формами Нового времени — рассчитанным использованием народов.

91

Трусость в отношении осмысления как «героическая позиция».

Техника есть самая изощренная форма продолжающейся пролетаризации.

92

Более важным, чем «романтическое» ожидание «духовного прорыва» из нынешнего безысторичного «происходящего» (Geschehen), является опыт оставленности сущего всякой истиной Бытия. Лишь тогда мы узнаем единственное: бегство всех богов. Но это есть первая и самая далекая близь к их неисполненной божественности.

93

Будущее — не простое отрицание прошлого, как если бы современность уже выдвигалась, отворачиваясь от прошлого, в свое будущее; будущее также не достигается через предварительный расчет настоящего; во всяком случае таким путем будущему отказывается в его сущности: к-настоящему в воспоминании обратно при-ходящее, так что приходящее одновременно, вместо того чтобы принести не-

что предметное, указывает вовне на проясняющее себя то, что нужно терпеливо выждать, — это скрывает свою глубинную сущность в том, что здесь называется *о-своением-сбыванием* и составляет бытийствование самого Бытия. Будущее: грядущий унос в исход встречи и спора; наступающий унос.

94

То, что вынашивается в «хозяйстве», всегда только изготавливается, но никогда не возникает; лишь Таковое (Возникшее) способно исходя из собственного истока утвердиться в хозяйстве.

95

В сущности русскости лежат потаенные сокровища ожидания Бога, значительно превосходящие все залежи ископаемых. Кто извлечет их? т.е. освободит, вернув их к их сущности, а не подвергнет, скажем, историографически-литературному расчету? Кто настолько прост, что равнозначально сведет в единство и учредит свою подлиннейшую сущность и себе наиболее чуждое? Что должно произойти, чтобы Такое стало исторической возможностью? Само Бытие должно в первую очередь даровать себя в своей истине, а к тому же господство сущего над бытием, метафизика в ее сущности, должно быть исторически преодолено.

70

96

«Социализм». — Если мы зададимся вопросом об этом понятии, наложившем отпечаток на историю, а не каком-то романтическом идеале, то найдем глубочайший ответ — самый решительный

и ни от чего не уклоняющийся — во фразе Ленина: «Социализм есть советская власть плюс электрификация»¹¹. Это заявление требует подробного истолкования. Прежде всего речь здесь идет не об «общности» и «благосостоянии» и «равенстве» всех сограждан, а о следующем: социализм есть «власть» — высвобождение деспотии, которая вынуждает пролетаризацию всего народа и держит <его> в клещах, а потому также постоянно меняет направление принимаемых мер, причем даже на противоположное (см. НЭП¹²). Социализм есть деспотия «плюс»; это суммирующее прибавление

71 проистекает из «эмпириокритицизма» уходящего XIX столетия, который на основе немецкой «философии» метафизически повлиял на Ленина. К «власти» кое-что добавляется, но не как простая добавка — «плюс» есть только характерное выражение для *расчетной* формулировки сущности социализма. Этот расчет проистекает из вычисления некоего единства, согласно которому «электрификация» должна быть определяющей и несущей формой осуществления власти, а значит утверждение власти должно быть расширением власти. Но «электрификация» здесь есть только название наисовременнейшей главной формы управляемых и вырабатывающих энергию сетей — название для техники в ее

-
11. [Wladimir Iljitsch Lenin: Unsere außen- und innenpolitische Lage und die Aufgabe der Partei (Rede von 1920). In: Ders.: Werke. Hrsg. auf Beschluß des IX. Parteitags der KPR(B) und des II. Sowjetkongresses der UDSSR. Bd. 31 — April-Dezember 1920. Berlin 1966, S. 414.] — «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно». Ленин В. И. ПСС, 5-е изд., т. 42. М.: Издательство политической литературы. С. 30. — *Прим. пер.*
12. [НЭП = Новая экономическая политика; экономико-политическая инициатива Ленина и Троцкого, выдвинутая в 1921 г.]

новейшем варианте, который, возможно, и вполне очевидно, уже устарел.

Социализм есть деспотическая пролетарская власть, в которой техника не является простым дополнением и каким-либо средством, — она представляет собой базовую форму наделения власти властью. Этот социализм есть сущность большевизма. Деспотия (власть в руках немногих, которые, вообще говоря, никем не являются), вынуждающая абсолютную пролетаризацию и к тому же с помощью техники подавляющая всякое сопротивление — поскольку техника очаровывает, — является неотвратимой и одновременно беспощадной и холодной. И наоборот, *этот социализм*, который необязательно должен принимать форму, характерную для России, доводит технику до абсолюта власти, решающим в которой является то, что она всякое «духовное» и «историческое» требование и вопрошание делает невозможными как чисто интеллектуальную ложную потребность и сводит «жизнь» к «интересам» и повышению <жизненного> «стандарта». — Но что является более ранним — т. е. более «либералистичным», чем *это* целеполагание? (См. S. 86 сл.)

72

Самое трудное в мыслительном мышлении <стоит в том, чтобы>, имея ясное представление о его излишности, *все же* осуществлять его, с гораздо более простой беззаботностью, чем та, с какой роза источает свой аромат в природу, ибо роза обладает «счастьем» неведения — и всецело под защитой скрытности удержания земель.

Индивид — тот, кто, будучи одиноким и незащищенным и без поддержки и подтверждений исходя из сокровенности сущностной истории, доводит

73

до зрелого состояния простые решения и в них терпеливо ожидает созидания грядущего мира. Индивид, как может он быть «частным человеком»? Это растение пышно разрастается лишь в «общностях», поскольку они нуждаются в нем, чтобы самим перейти из обороны в правовое поле. Они — слепые враги индивидов, и их вражда выражается прежде всего в разнообразной и непрерывной фальсификации, <превращающей> индивида в «частного человека». (См. S. 74.)

98

Если сегодня кто-нибудь еще читает книгу, которая высоко ценится в образованных кругах, то это уже называется «живой духовной жизнью», — как будто дело заключается в «чтении» и пользовании книгами. Это последний остаток превращенного в большевизм либерализма и его культурной возни (Kulturmaché).

99

Война, хоть она и удобный случай и форма проявления всевозможного героизма, ужасна. *Но еще ужаснее*, когда без кровавых жертв и внешнего разрушения народ, не видящий своих корней, лишенный истории, с величайшим историографическим шумом рвется навстречу всем своим ораторам и газетным писакам, когда бездумность считается разумом, а разум охраняет свою сущность в безусловной расчетливости.

100

Ключевая ошибка: будто народ с помощью «пространств» создает себе «жизненное» простран-

ство, — при чем он забывает и утрачивает решение о «жизни» и разве что пользуется «стандартом» как масштабом. Здесь властвует незнание, которому остается недоступной сущность осмысления: знание, что лишь осмысление раскрывает миры и землю, собирая Таковое в простоту решения об отношении к Бытию.

74

101

Еще существуют «острова», но отсутствуют люди, способные объ-ездить море, из которого выступают эти острова. (Da-sein из Бытия.) «Острова» это единственные <носители> исторического предопределения, которому вверено основание сущности истории как исхода встречи и спора, — эта история есть *история Бытия*. Принадлежность к ней обеспечивается обнищанием <и погружением> в *бедность*, чье владение остается, чтобы бытийствовать в виде собственности освоения-сбывания. Только историографическая история (метафизическая история) коснеет в прелюдии. При этом расчленение сил «историографической» действительности намечает распределение ролей, чьи тайные пути постепенно становятся все более явными: роль национализмов в их различных извращениях состоит в подхлестывании империализма. Роль социализма — расширение империализма. Подхлестывание переходит в побуждение к деспотическому.

Расширение идет в сторону не знающего исключений выравнивания по нижнему уровню. Выманный *таким путем* империализм (в смысле деспотического пролетариата) сам не является прочным «идеалом» и «целью», — это подвижная форма, которая еще не выдала свои последние фигуры. Это уполномочивание «империализма», однако,

75

означает подведение новоевропейского человечества к абсолютной махинации; а последняя пользуется неотразимыми приманками: она передает существу-исполнителю махинации сознание, в котором используется «империализм» махинации (здесь в основном смысле планово-организующего расчета), тогда как в действительности, т. е. в сущности здесь — как истории еще сокрытого — уже решено о предании империализма в безусловное рабство махинации. В этом широком и просторном преддверии истории Бытия *ничего не происходит*, — ибо все вытесняется в <область> отсутствия решения и втискивается в пустыню слепоты относительно решения, однако должно (из-за указанного приманивания) постоянно и «целиком» организовывать максимально возможную предприимчивость всех людей.

76 В рамках этого преддверия истории Бытия мы приближаемся к *западноевропейской революции*. Но революция в этой безусловной форме не ведет в новое в смысле другого начала, — она приносит «конец», который оторвался от своего прежнего начала, — тот «конец», который по неведению подразумевается во всяких пересудах о «последнем конце». Однако эта революция не есть просто «Количественное» распространение большевизма на Германию и Запад, — но как конец — нечто единственное и особенное. Завершение абсолютной махинации как замена по видимости еще «личной» и личностной диктатуры на деспотию ничтожества (*des Niemand*), — чистого уполномочивания процессов безграничного планирования и расчета — выворачивание «действительного» — «дел» — мероприятий и их проведение как сущего и уполномочивания сущего подобной сущности как ныне полностью забытого бытия; в этой «истории» создается лишь власть *Ничто*, неприступная в своей крайней фор-

ме (всякий так называемый нигилизм в прежнем — в том числе ницшеанском — смысле есть для этого лишь временная, ограниченная прелюдия). Благодаря этой «истории» сущность истории подходит к краю первого выбора между *Ничто и Бытием* — империалистически-воинственный и гумано-пацифистский образы мышления только связаны друг с другом как предлог для по-разному преподносимых «историографических» — творящих «историю» «убеждений», в областях которых уже невозможен никакой выбор, поскольку они представляют собой лишь ответвления «метафизики».

77

Вследствие этого обоими может воспользоваться «международное еврейство», одним как средством для другого провозглашать и осуществлять — эта махинационная уловка «истории» впутывает равным образом всех участников в свои сети; в кругу махинации имеются «смехотворные государства», но также и смехотворная культурная возня. В надвигающейся западноевропейской революции первые новоевропейские революции (английская, американская, французская и их последствия) только возвращаются к своей сущности; «Запад» в конце концов и решительнее всего охвачен ими; настолько, что еще полагает, будто победил их.

Кто в этой борьбе будет стоять за «мировое господство» и добьется его, столь же безразлично, как и судьба тех, кто больше всего пострадает; ибо Все стоят еще и падают на уровне метафизики и остаются исключены Другим.

Ницше в преодолении метафизики есть последнее и подлинное опасное место, поскольку его мышление выглядит как подобное преодоление, но в дей-

ствительности становится лишь переворачиванием метафизики, а тем самым — ее коварнейшим укреплением. Поэтому и ницшевское понятие нигилизма остается половинчатым и все попытки избежать его еще больше втягиваются в половинчатость и нерешаемость. (См. S. 80.)

103

79 *Россия* — не Азия и не азиатская страна, но и к Европе ее не отнесешь. Что же это такое? И, конечно, большевизм не является русскостью — причем тут возникает смутная опасность, что обновленное и радикальное укрепление большевизма (т. е. авторитарного государственного капитализма, ничего общего не имеющего с социализмом чувств), обусловившее относительную деспотию технической и промышленной интеллигенции, надолго замедлит пробуждение русскости и только приведет к разграблению выдаваемой за западную и используемой страны — во всем и важном <большевизм> мыслит неисторично и рассчитывает только «историографически». «Запад» (а немцы не меньше) уже вовсе не находится в пределах Исторического осмысления, которое было бы достаточно сильным и творческим для высвобождения сущности русскости. Предварительным условием является то, что мы забудем многое — возможно, Все, что сейчас владеет «жизнью». Вероятно, этому забвению поспособствует необычайное разрушение нововременной Европы.

104

Там, где сама «организация» «организуется» как средство принуждения, масса вступает во власть и закрепляет пролетаризацию как цель. «Вожди»

отличаются тем, что они способны быть чистейшими «функционерами», — т.е. самыми зависимыми исполнителями организации напора масс. Они должны предъявлять высочайшие требования своему организационному штабу («партии»); это единственный способ удержаться у власти (ибо власть заключается только в превосходстве ее самой — и никогда в приспособлении <к кому-либо>). Насколько важен для организации «расчет» в смысле представляюще-производящего «сознания», явствует из того, что всякое руководство заключается в формировании определенного уровня *сознания* в массах.

Лишь до тех пор, пока решимость к восстанию и крайнему применению насилия пронизывает все мероприятия «революции», она пребывает в состоянии «эволюции», которая ведóмыми может восприниматься как окончание революции, но в действительности является ее крайним обострением.

80

105

Замена «идеала» «типом человека» есть лишь перемещение метафизического наброска от сущности и всеобщности на непонятого автора наброска. Это перемещение является не преодолением метафизики, а коварнейшим втискиванием ее сущности в безысторичность, — пока сам человек представляет себя «типом», он отрицает всякую возможность бытийствования Бытия и коснеет в простом разворачивании возможных в его сфере отпечатков возможных свойств и достижений. Таким образом метафизика вытесняется в слепоту и в непродуманность как таковую. (См. S. 78.) Человек понимает себя как «*творящего*»; пока в нем пребывает его сущность, он подпал под власть махинации.

106

81 Неподлинное молчание — от растерянности и незнания — тут же перерастает в безудержную болтовню. Подлинное молчание — основанное на осознанном владении решениями, — подготавливает существенное высказывание. Настоящий молчун полагается на простую тишину. Она же является пространственно-временным зазором, который сам бытийствует (*erwest wird*) исходя из сущности истины.

То, что сущность истины относится к самому Бытию и *каким образом*, — к знанию об этом можно прийти, сделав шаг в другое начало философии. Важность Бытия для мышления (*Denkwürdigkeit des Seyns*) никогда не реализуется путем «мышления» в метафизическом смысле.

Истина — просветный промежуток исхода встречи и спора, бытийствующий как о-своеение-сбывание.

107

(См. S. 89.) Только *приходящие* боги — боги в приходе — способны по-новому исполнить сущность божественности: то, что само Бытие требует как свободное пространство предельных решений относительно возможного бытийствования истины. Приходящие боги воздвигают свою божественность на предварительных подступах к подходу (*eines Zu-kommens*) к человеку, который лишь теперь должен принять решение о Бытии. Приходящие боги учреждают глубочайшую историю и являются предвестниками последнего Бога. Вот почему только пробившаяся обманном путем (*sich durchmogelnde*) позиция-во-власти, защищающая прошлое, например, церковного Бога христианских куриальных церквей, не имеет *сущностной* силы, пусть и обращения к нему

еще долго будут давать многим утешение и поддержку. Но решение касается *не утешения* данных конкретных людей в их якобы еще неприкосновенной «жизненной деятельности», которую прежние общественные формы и организации обеспечивали лишь для вида. Вопрос не в том, удастся ли человеку этой эпохи еще найти выход в утешение и успокоение, — ибо все это остается — не говоря о лишь мнимой серьезности мнимого осмысления, — всегда расчетом с *безопасностью* человека; «Бог», который здесь привлечен в качестве «Спасителя», *понижен* до роли помощника в беде — к божественности Бога никогда не относятся всерьез, а на первом плане всегда стоит предприятие по «спасению души». Перед решением стоит сущность самой истины, — то, что Бытие становится пространственно-временным зазором для сущностного обретения богов и для зрелости человека к основанию истины Бытия. (И поэтому основным вопросом моего мышления никогда не является вопрос — что такое человек? — но всегда вопрос об истине *Бытия* как Бытия истины.) *Приход* и основание для его просвета расширяющей колеи и осмысление как встреча этого прихода, мышление Бытия как о-своения-сбывания — есть единственное, простое, чья скрепа готовится располагать мышлением другого начала. Первый шаг этой подготовки есть «преодоление» метафизики — вход в нее как в первый просвет сущности истории. *Требование* Бытия — есть осуществленное самим Бытием основание истины его сущности.

82

83

Поочередно подсовывать себе ответственности за <исторические> происшествия — напрасный труд, если ответственность в результате передачи вся-

ких расчетов и действий уполномочиванию власти утратила всякий смысл. Тогда становится безразличным, кто нес пресловутую ответственность, поскольку Все То в его составе подвергается отказу и отрицанию, перед чем еще ответственность как таковая могла бы быть необходимой и возможной. Вот и «история» не может взять на себя для этого роль «форума», поскольку то поочередное подсовывание себе ответственности уже вступило на уровень подготовки полной безысторичности, т. е. отсутствия решения в главном.

109

«Реальная политика» как тотальная проституция.

110

84

Христианство представляет собой предельное очеловечение человека и обезбоживание его Бога. Здесь слышен только жалобный плач расчета на спасение души, и все божественное приписано к этому заведению по спасению души. Но как только возобладает анти-христианское <начало>, которое христианством (только в обратном смысле) безусловно одобряется и преувеличивается сверх всякой меры, тогда очеловечение человека вместе с обезбоживанием Бога придет к исчерпанию всех возможностей. Бегство богов тогда предрешено, особенно теперь, когда против антихристианства в очередной раз и при этом все радикальнее и пустопорожнее (с помощью радио и моторизации и т. п.) на мнимую оборону выступили церкви; тогда возникает ситуация, в которой важные решения не только выглядят странными, но вообще полностью забыты с их возможностью и согласно простому пред-

ставлению. Однако церковная вера сохраняет — уже в силу хранящейся в ней традиции — способность утешения и взгляда на будущее, да и вообще <роль> прибежища, — она остается тогда исходя из прошлого все еще владением в отличие от Ничто, которое стало настолько ничтожным, что в своей сущности уже больше никогда не может быть опознано.

111

У эпохи завершения Нового времени остаются две возможности: либо насильственной и мгновенной кончины (выглядающей как «катастрофа», но слишком низменной в своей уже решенной несущности, чтобы мочь *быть* таковой), либо вырождения нынешнего состояния абсолютной махинации в бесконечное. Всякий раз неизбежным остается *прохождение* мимо возможности некоей истории, которая содержит в себе решение об истине Бытия. На первом плане остаются такие <исторические> происшествия, как войны и революции, причем тогда, когда их масштабы достигают гигантских размеров. Проблема этих происшествий для общественности становится все более поверхностной, ужас все более страшным, а боль — все более одинокой. Возможно, здесь начинается путь в другое; пожалуй, только возможно, — ибо прежде в самом дальнем осмыслении, выходящем за пределы кончины и отсутствия конца (Verendung und Endlosigkeit), следует подумать о другом начале. Кончина и отсутствие конца внутри их махинационной ограды и областей планирования могут предложить перспективы, которые выглядят как «прорыв», как омоложение и обновляют все возможности прошлого «героизма». И все же — впутывание в прошлое становится у подобных «молодых народов» только еще коварнее,

поскольку они ломают за собой все ступени, по которым можно было бы еще сделать шаг в понимании оставленности бытием.

86

112

Общее у «большевизма» с русскостью только то, что русский социализм привел в действие первую, но еще нескладную и не вполне овладевшую своей сущностью форму большевизма и при этом осуществил решающие «мероприятия» в метафизическом смысле, которые затем — прежде всего в форме борьбы с большевизмом — усилились и укрепились; но этот процесс приведет к тому, чтобы беспощадно и без сомнений реализовать сущностное завершение большевизма в его абсолютной форме. Выстрел в затылок есть лишь грубый и поверхностный и бессильный признак «террора». Террор сосредотачивает свою главную власть в незаметных и неосознаваемых вещах, так что постоянная, в ее использовании неопределенная возможность абсолютной угрозы всему и каждому висит над сущим.

113

87

Назойливая ругань недовольных, а также мания всезнаек к поучениям, двигают только передним и поверхностным планом сегодняшней истории, чья историчность остается для них закрытой. Наш «народ», когда эпоха абсолютной махинации навязывает ему в качестве его единственной цели «жизненные интересы», сохранение и повышение «жизненных стандартов» для поощрения культурного прогресса, нуждается для достижения этой «цели» в соответствующих возможностях расширения, доступности материалов, транспорта и управления

хозяйством и вообще формирования ценностей. Однако преследование этих интересов и их обеспечение неизбежно отражаются на широте и высоте интересов, до тех пор пока притязания непременно становятся абсолютными и беспредельными. Осуществление этих самих по себе безудержных, а потому рассматриваемых как «естественные» интересов включает полемику с прежними властителями «мирового господства». Борьба за него не может не разгореться, не потому что прежние властители, скажем, обладают «слишком многим», а другие — «слишком малым», но потому, что вид и форма их владения и использования отстали от того способа, при котором только абсолютная власть может сохраниться полноценно как власть. Это есть деспотия махинационного метафизически (а не морально-демократически) понимаемого социализма. То, что борьба перерастает в войну, которая сама в своих формах осуществления и средствах должна удовлетворять абсолютности махинации, коренится не в насилии и страсти отдельных лиц к показному величию и наживе, но является следствием процесса, благодаря которому уже все «интересы» безусловно просчитаны и нацелены на планирование жизни и организацию. Но сам этот процесс приведет к раскрытию только подлинную сокровенную и давно решенную историю Нового времени: оставленность бытием сущего и забытое господство истины как правильность. Но оба суть о-своение-сбывание Бытия, которое само отказывается еще от своей сущности как о-своения-сбывания и тем самым от основания начальной истории и терпит лишь историографию, создающую себе в технике некую современность. Никакая вражда со «временем» и никакое прославление его успехов не поможет <продвинуться> хоть на шаг в на-

правлении решений, — а только осмысление Бытия — как оно бытийствует, принимает ли оно человека в свое отношение, т.е. выбрасывает его в необходимость изменения, которое затрагивает первое освещение встречи самого приходящего Бога. (См. S. 81.)

114

Война не является, вопреки Клаузевицу, продолжением политики иными средствами¹³; если понимать под «войной» «тотальную войну», т.е. войну, вызванную разнузданной махинацией сущего как такового, то она становится *превращением* «политики» и *раскрытием* того, что сама «политика» была лишь исполнением, уже не владеющим самим собой, контролируемых метафизических решений. Подобная война не продолжает уже имеющееся, но принуждает его к выполнению сущностных решений, над которыми оно само не властно. Вот почему в такой войне уже нет «победителей» и «побежденных»; все делается рабами истории Бытия, для которой они с самого начала слишком мелки и потому были вынуждены участвовать в войне. «Тотальная война» втискивает «политику», — чем она «реальнее», тем неизбежнее — в форму простого исполнения требований и притеснения со стороны оставленного бытием сущего, которое обеспечивает себе (единственно только через организацию и при-

13. [Carl von Clausewitz: Vom Kriege. Hinterlassenes Werk. Hrsg. von Karl Linnebach mit einer Einführung von Alfred Schlieffen. 14. vermehrte Auflage. B. Behrs Verlag Friedrich Feddersen: Berlin und Leipzig 1933, 19: «Krieg ist die bloße Fortsetzung der Politik mit anderen Mitteln.»] — «Война есть продолжение политики, только иными средствами» — Клаузевиц К. О войне / пер. А. К. Рачинского. М.: Госвоениздат, 1934. С. 27. — Прим. пер.

тонку к абсолютной планируемости путем расчета) постоянное превосходство демонстрации голый силы. То, что подобная война уже не знает больше «победителей» и «побежденных», связано не с тем, что обе стороны одинаково сильны, а потому несут более или менее равный ущерб, но основано на том, *что оба противника должны всякий раз оставаться в рамках существенно нерешенного* — то есть прежде всего не знать ничего, кроме своих «интересов», и рассчитывать только их — сама война *не допустит*, чтобы они, один или другой, вообще поставили бы под сомнение эти «интересы» как таковые в их возможном «целевом» характере.

Но война может путем подавления обоих в горизонте в любом случае не достижимых и, вероятно, разрушенных возможностей <достижения> этих интересов привести на *порог* осмысления — никогда оно само не может возникнуть, поскольку нуждается в своем глубинном основании. Борьба как война *не является* «отцом» всех «вещей», если это имя подразумевает все, что не есть и в высшем смысле этого слова не есть *ничто*. Она никогда не является создателем и господином *Бытия*, но всегда только *сущего* — Бытие не знает порождения и не терпит господства. Бытие «есть» несравненно и безотнositельно — поскольку оно есть о-своение-сбывание в бездну.

90

Как спокойна мнимая «борьба» на почве «истины», никогда не выпрошенной и выдаваемой за «вечную»! Борьба здесь только «занятие», заполнение дней с постоянно по-новому устроенными возможностями для удовлетворения честолюбия и тщеславия. Если масштаб для «борьбы» есть сила и полно-

мочия на «решение», чего тогда хочет та «борьба» на службе у властных, государственных и церковно-политических «идей»? Но для большинства это хорошо, что сохраняются подобные занятия для «борьбы».

116

Лишь единицы и скрытые в их «времена» способны хоть раз призвать Бога и дожидаться самого приходящего. В зависимости от отдаленности и недоступности возникает вид привычного и имеющегося у многих, складывается та печать, которую они налагают на сохранение бытийствующей истории.

91

117

В сущности всех «мероприятий» и «организаций», возникающих из планирующего расчета, через который заранее регулируется сущность «действительного» и действенного в целом, заложено, что они никогда больше не могут быть сделаны обратимыми, более того, еще усилятся вплоть до абсолютного. Учреждения, порожденные тотальной войной, заранее определяют структуру мирного состояния, причем столь полно, что в принципе состояние мира становится вообще невозможным; например, необходимая для войны «народная служба связи»¹⁴ превращается в «естественное» мирное «учреждение». То, что относится к сущности власти: неудержимое превосходение себя самой вплоть

14. [См. Reinhard Heydrich: Der Volksmeldedienst. Die Mobilmachung gegen Verrat und Denunziation. In: Der Schulungsbrief. Das zentrale Monatsblatt der NSDAP. 6. Jahrgang. 1939, S. 338-339.]

до растворения в безусловном процессе осуществления власти, — справедливо для каждого инструмента и всякой формы сохранения власти. Вот почему также каждое обращенное назад «мышление» может лишь с трудом и редко формировать представление о величине власти, которая сделала для себя планирующий расчет первым и безусловным способом исполнения. Эту величину во всяком случае воспринимают «относительно» как *гигантскую*, не учитывая, что гигантское состоит не в необычном расширении какой-либо суммы и суммирования, а прежде всего в абсолютно надежной и всегда существующей возможности безмерного. (См. S. 15 сл.)

118

92

Всякое начало внезапно; тем более долгим и скрытым остается переход вплоть до обрыва, <тот переход>, которому чужда внезапность.

119

Будущая философия не только вопрошает другое (истину Бытия из Бытия истины, вместо сущности сущего в ее осознанности и переживаемости), она вопрошает одновременно и неизбежно по-другому (путем вы-малчиваемого превращения (Einverwandlung) человеческой сущности в настоячивость в Dasein, вместо «систематического» пересчета категорий сущности в совокупное представление). Но указанное превращение само есть еще и лишь осуществимо в о-своении-сбытии (Er-eignung) через о-своение-событие (Er-eignis) — порождено вынужденной Бытием нуждой <из-за> безнуждоты (entspringt der vom Seyn benötigten Not der Notlosigkeit). Ее словесное оформление, если

93

уж оно встречается, другое. Ее высказывание должно — как о-своенное-сбывшееся — всецело возвращаться в *горные кряжи Бытия*; всякое поучительное, постоянное желание соответствовать строю представления дурно, ибо маскирует именно сущностное бегство человека (это неоснование и незнание истины Бытия), которое само вызвано оставленностью бытием сущего. *Горные кряжи Бытия* — выступающе-укрывающие расселины (*die ragend-bergende Zerklüftung*), дающие просвет для выхода о-своению-сбыванию, должны собирать в себе небо и землю. Мышление Бытия — это не внезапно задуманное восхождение на горы, но указанное происхождение из них, которое может быть постоянным лишь в их сущностном пространстве, где мышление «только» мыслит, а горная цепь «только» «есть», не производя чего-нибудь и не «действуя» и не приписывая себе «подвигов». Мышление — настойчиво в *Da-sein* — *обретает* (*ersteht*) истину Бытия.

120

Едва ли можно сказать, какой рок распространяется разрушительнее: абсолютное восхождение в махинации через беззастенчивые хлопоты или мнимая защита махинации ослабляющим проникновением в любую попытку подготовки ее краха. Возможно, эта половинчатость христианской культурной суеты (*Kulturmasche*), которая всюду лезет и все приспособливает к себе, более роковая, поскольку она метафизически осуществляет базовую форму лицемерия и «морально» может убеждать в «наличии» чистой совести, даруя многим покой и уверенность. Вот почему не должно удивлять, когда еще и Бытийно-историческим мышлением, находящимся за пределами метафизического, а потому

и христианского представления, злоупотребляют, используя в качестве дополнительной тяги в христианско-церковной апологетике.

121

94

В любой войне враждующие стороны борются каждая за свое «самоутверждение» и в этом тем больше солидаризируются, чем могут и должны друзья. Но раскол состоит в том, *что* и *как* каждый использует и определяет в качестве своей «самости». «Причина» войны кроется в предъявлении целей в эпоху завершенной бесцельности. Что будет *тогда*, когда каждый из врагов по сути *не* будет знать цели своей войны и когда при таком незнании одновременно каждому известно, что в подобной войне никогда больше нет победителей и побежденных, поскольку она все сущее окончательно обрушит в оставленность бытием, каковую причину сущностного отсутствия решения якобы «знающие», однако, не могут знать; ибо подобное знание должно было бы окончательно разрушить их собственное состояние — даже без военной суеты (Kriegsmache); отсюда бессознательная защита от любого намека на угасание такого знания.

Процесс войны состоит не в «операциях» и не во «взрывах» бомб и уничтожении эскадрилий, — но лишь в бесшумном и непостижимом, прикрываемом со всех сторон прессой и радишумихой подавлении всякой попытки сущностного, выпрашивающего историю в целом осмысления. Однако принуждение к отсутствию осмысления не «делается» «стараниями» отдельных властителей и торговцев, но они сами в силу *своей* сущности являются в первую очередь принужденными, у которых больше нет свободы. Поэтому все «моральные» «диф-

95

фамации» представляют собой ребячливое (нигде не приближающееся к сущности истории и не доросшее до нее) поведение и в соответствии с этим могут использоваться лишь как «средство ведения войны». Принуждение к отсутствию осмысления и к требуемым им мероприятиям *должно* поэтому все, что не прямо исходит из «самоутверждения» и явно и осязаемо используется, уничтожить и парализовать в качестве нанесения ущерба нации и ее обороноспособности. Принуждение принуждает таким образом одновременно к позиции, для которой всякое осмысление может также представлять лишь как нанесение ущерба, каковое, возможно, помогает утверждающему себя народу вступить в начало сущностной истории, в которой «война» и «борьба» отрицаются не в пользу, например, вялого и пустого «пацифизма», но переведены в без-донные области более высоких решений и результатов, откуда для народа исходит настрой для его будущего.

96

То, что мы причинили чехам и полякам, Англия и Франция хотят обратить на пользу немцам; вот только Франция хотела бы сохранить свою безысторичность в разрушенной Германии, а Англия свою безысторичность — в гигантском гешефте; тогда как *будущему* немцу предназначено терпеливо дожидаться другой истории, — ибо его мышление пребывает в переходе к осмыслению.

122

Никто не вправе возлагать надежды на какого-либо мыслителя, если только человек не надеется передать предопределение неизвестной дружбы тем Грядущим, которые переживают все современное, поскольку им был дарован знак-намек самого подходящего. Базовый настрой грядущих есть вели-

ко-душие к ушедшим и долготерпение к самым проходящим. «Интересы», уверения в благополучии, успехи и прогрессы никак не способны подействовать на них.

123

Представление о людях, которые должны быть основателями, как о «гениях», как о «великом» давно приобрело свой новоевропейский отпечаток. Самым настоящим образом заявляет о себе мнение, будто великие «опережают» свое «время» и то, что они «создали», будет понято и использовано лишь позднее, чтобы затем его обогнали новые гении. Здесь дело идет о гоночной трассе и расчете.

Все сущностное, однако, нельзя обогнать; и не потому, что впереди ничего нет, но потому что масштаб обгона сюда вовсе не может быть приложен. Однако единственность сущностного менее всего родственна той «вечности», которую вся человеческая суэта (*Menschenmache*), — и <тем более,> чем она мельче и чем больше от нее шума, — сулит себе как цель и притязание.

97

124

Невидимое опустошение будет в этой второй мировой войне бóльшим (и более значительным), чем видимые разрушения.

125

Мое осмысление *русскости* начинается в 1908 и 1909 годах попыткой тогдашнего старшеклассника гимназии понять русское <начало>. С той поры это желание развивалось своим путем и не опреде-

лялось ни возникновением большевизма, ни политическим «развитием» отношений между Россией и Германией после января 1939 года. Политико-тактические, т. е. историографически-технические отношения между Россией и Германией, т. е. их «партиями», управляющими этими государствами, так или иначе покажут «историографически» свои последствия, — но эти отношения никогда не станут возможной причиной и пространством для Бытийно-исторического *спора* (*Auseinandersetzung*) между *немецкостью* и *русскостью*. Этот спор может возникнуть лишь из преодоления историографии в результате <установления> господства истории Бытия. (См. выше S. 70 сл., 86, 87.)

126

98

Самым без-божным является пресловутое «религиозное»; обращение к «религиозному», введенное литераторами в «литературу» и практикуемое ими.

127

Безнадежность растет вместе со страстным желанием найти в утешении осуществление и наполнение «жизни», а это желание питается мнением, будто «жизнь» — проведена ли она «в посюстороннем» или «потустороннем» мире — есть единственная и высшая форма бытия, которой мог бы обладать человек.

128

Бытийно-исторический конец Нового времени. — Метафизическим признаком этого конца является сущностное историческое развитие «коммунизма» в эпо-

ху законченной бессмысленности. (См. выше S. 88 сл.) «Коммунизм» состоит с точки зрения мышления не в том, что каждый должен столько же <, сколько другие,> съедать, зарабатывать, работать и развлекаться, а в том, что все должны пребывать в равном подчинении у абсолютной власти немногих безымянных <правителей> и отсутствие решения (прекращение всякого возможного формирования решения и всякого принятия его на себя) становится усредненным воздухом, которым все дышат. Это общее, каждого обобщающее до «всех», существует, как бы его и не было; то, что промышленность, как и банки, национализируются, что крупное землевладение ликвидируется, монастыри упраздняются, что любое знание искажается в «интеллигентность», а она находит себе применение и тем самым «реальность» только в виде специализации «спецов», что формирование прессой и радио «общественного мнения» так называемого народа нацелено только на сохранение мнимой структуры, которую в принципе никто не принимает всерьез, кроме власть имущих, да и последние лишь как средство — одно из прочих — сохранения власти, — все это может из горизонта собственности и манер бывшей буржуазии выглядеть подлинной утратой и разрушением. Но эта национализация «с включением» в государство мало значит, пока государство является лишь подчиненным инструментом партии, а сама партия — инструментом немногих. К их сущности относится то, что они остаются безымянными, и только часто упоминаемые (Сталин и прочие) терпят лишь как предводители. (См. S. 102.) Деспотизм немногих поэтому коренится не в личной жажде власти отдельных «субъектов», но последние в свою очередь, сами того не ведая, лишь используются как носители и «наместники» абсо-

100 лютного уполномочивания чистой власти с единственной целью — включить эту власть в их собственные организации и обеспечить ей престиж истинно действительного. Тот, кто говорит здесь о «материализме», лишь подтверждает, насколько это представление все еще остается привязанным к фрагментам, заброшенным какими-то научными школами для «народа» в его среде. Этот «материализм» в высшем смысле *«духовен»* и настолько категоричен, что за ним следует признать завершение западноевропейской метафизической духовности.

Это было хорошо известно такому человеку, как Ленин. А потому опасность коммунизма заключается не в экономических и общественных последствиях, а, напротив, в том, что его *духовная* сущность, его сущность как духа не будет познана и борьба будет перенесена на тот уровень, который полностью обеспечит ему <коммунизму> власть и неотразимость. Историческая сила коммунизма и его подлинной сущности как олигархической советской власти есть простейший и важнейший контраргумент против якобы ницшевских учений, <распространяемых> эксплуататорами Ницше, о «бессилии» «духа». Вот почему «борьба» христианских церквей, например, против большевизма ни к чему не может привести, ведь они не способны познать его духовность, — так как сами служат тому «духовному» <началу>, которое христианству по сути и окончательно запрещает когда-либо противопоставить этому «мировому врагу большевизму» принципиально искоряющее, абсолютно от него сущностно отличное место решающих вопрошаний. Прежде всего только в мнимых боях и завершающей согласием извращающей «борьбе» должно пробудиться знание того, что та голая власть в ее абсолютном уполномочивании в свою очередь еще

101

указывает назад на другое как на свой исток и сущностную опору. Это *махинация*, под каковым словом следует мыслить сущностное решение в западноевропейской истории Бытия. Это *мышление* сближается с «действительностью» происшествий эпохи бесконечно больше (причем не как бездеятельное глаzenie), чем всякий мелкобуржуазный вид «участия».

Вводящим в заблуждение желанием было бы, однако, стремление когда-либо увидеть это мышление превращенным во всеобщее, используемое каждым <человеком> представление и мнение. Против этого необходимо одно: знание о неизбежном, сущностно различном многообразии, в котором должно протекать историческое преодоление коммунизма. Серьезнейшим препятствием для этого знания остается неназванное и плохо обдуманное ожидание возврата докоммунистических, буржуазных условий. Это оглупляющее ожидание подпитывается вводящей в заблуждение точкой зрения, согласно которой «публичное» предстает в качестве единственной действительности. И это при том, что оно является хотя и неизбежной и никогда не минуемой, но все же пустой тенью истории, которая одна бытийствует как история Бытия.

<Словосочетание> «лишь немногие» подразумевает совсем не ничтожное число в отличие от бесчисленных многих, не обладающих властью, а означает, напротив, собственный способ сосредоточения всякого уполномочивания власти в чистую беспощадность безусловного процесса как его исток; лишь немногие поручаются за неограниченность и надежность незаметнейшей демонстрации силы. Этот процесс определен метафизически, его подстегивает и разжигает лишь неузнаваемая оставленность бытием всего сущего. Лишь благодаря таким немногим безусловно и не-

урезанно обеспечено согласие на то, что «благотворительность», участие в прогрессе культуры, упразднение классовых и профессиональных различий, уравнивание <в правах> правителей и «управляемых» являются только отговорками для «народа», перед которыми он стоит как зачарованный, не выглядывая за их рамки и не обращая внимания на то, что единственно *есть*, — власть немногих. Еще раз: дело не в том, что эти немногие являются властью имущими, но в том, что только их «решимость» повсюду поддерживает неприкосновенный приоритет полновластности организаций по отношению ко всякой попытке самостоятельного понимания и осуществления воли индивидов и групп.

103

Не бегство в «духовное» от сущностного содержания политической действительности, а продуцирование политического в основу его неограниченной властной сущности (*Machtwesen*) достигает областей, исходя из которых «дух» как господствующая форма метафизики вместе с ней сам становится преодолимым, и только там, где прежде «дух» был действителен как противоположность (*Gegenbild*) и прообраз, укрепляется авторитет мнения об укоренении духовного в «телесном», его понятность и возможная значимость как мировоззренческого символа веры. Однако «коммунизм» не есть ни простая государственная форма, ни один из видов политического мировоззрения, но *метафизическая* структура, в которой пребывает новоевропейское человечество, пока не начался последний период завершения Нового времени.

Привыкнув проводить эту «жизнь» в кругу признанных занятий (благотворительность и поощрение культуры) под защитой веры в спасение («вечное блаженство»), человек сегодня, когда упо-

мянутые гарантии постепенно предстают как давно обветшавшие и голословные, всецело впадает в колебания и растерянность, позволяющую ему разве что искать «цели», которые превзошли бы прежние и в результате этого как раз и должны вместе с ним обрушиться в *однотипность*; ибо когда кроме заботы о деловитости и удовольствиях телесной жизни ничего больше не остается, как абсолютное расширение этой «цели» на всю удовлетворенную и здоровую, индустриализированную и технизированную, творящую культуру человеческую массу, которая непрерывно заявляет о росте этих жизненных интересов, когда даже европейские народы, желая либо подтвердить <право на> уже давно приобретенную собственность, либо стремясь только к гарантированному достижению удовлетворения этих интересов, *не* способны уклониться от войны, — тогда вынуждение к неизбежно напрашивающейся в системе интересов, соответствующей и направленной на абсолютность массовой войне подтверждает, что новоевропейский человек повсюду еще находится в рамках прошлого, т. е. метафизически предопределенного сущего. Беспомощная впутанность в сущее не способна познать ближайшее, <закрывающееся в том,> что здесь историю в ее сути определяет бегство от Бытия. Она <история> приводит к состоянию, которое наряду с полнотой обеспечения всей жизни и круга ее интересов все же позволяет непостижимо разрастаться неопределенности того или иного решения. Угроза человеческому бытию, исходящая из того, что и составляет абсолютное овладение надежным управлением всеми защитными и оборонительными мероприятиями, угроза, которая как таковая неосязасемо предчувствуется и одновременно вновь отвергается как иллюзия, содержит возве-

щение о Том, что новоевропейский, приведший к концу метафизику и рассчитывающий человек никогда не в состоянии познать. Непознаваемым для него является То не потому, что оно слишком далеко отстоит от привычных ему областей, но потому что оно ему столь *близко*, что человек, одержимый безопасностью, должен это ближайшее к его сокровенной сущности постоянно преодолевать. Но это ближайшее близко не к «телу» и не к «душе» и не к «духу» человека, более того, не соотносится ни с чем из названного; но скорее всего это *близко* к сокровенной сущностной основе человека: к настойчивости в истине Бытия, в силу которой человек впадает в неуверенность в гарантированном, мечется туда-сюда в смене и упадке целей и при этом вполне может познать ничтожное (знак-нарек Ничто).

Однако Ничто не есть «ничтожность» — но лишь простейшая и труднее всего выдерживаемая сущностная форма Бытия, — Бытие прежде всего обнаруживает в редкие времена своей сокровенной истории сущностную сердцевину человека и передает (*übereignet*) ее отношению к Бытию, а это отношение является не каким-то представлением и вообще каким-либо способом «переживания», но до поры еще непроисшедшим основанием истины Бытия. Эта сущностная сердцевина человека нигде и никогда сама по себе (*an sich*) не существует, но «становится» лишь в событии о-своения-сбытия человека в *Dasein* и возникает только из него. Человек не может «делать» эту историю и никогда не может в нее вторгнуться; он способен только, будучи сам захвачен ее сущностью, подготовить время, так как его настигает (о-посредует (*er-mittelt*) в сердцевину) самое приходящее приходящее из дали ближайшего. Пока человек остается вне

этой подготовки, он колеблется туда-сюда в конце длинного тупика между загороженными выходами. Он забыл, что надо повернуть назад, однако назад не в прошлое, а в начало, от господства которого вот-вот уклонится западноевропейское человечество. Начало манит в своей задержке самое далекое будущее. Оберегание его (начала) сущности позволяет мышлению достичь преобладания своего вопрошания в высматривании самого приходящего. Начало есть тайна истории; ибо начало приводит себя во внезапный просвет обрыва Бытия к Ничто, каковое приведение себя относится к бытийствованию самого Бытия.

Если «коммунизм» является метафизической структурой народов в последнем отрезке завершения Нового времени, то причина в том, что он уже в начале Нового времени должен был вложить свою сущность, пусть еще в скрытом виде, во власть. В политическом плане это происходит в новоевропейской истории английского государства. Оно — если говорить о сущности и отвлечься от соответствующих времени правительственных и общественных и религиозных форм, — является *тем же самым*, что и государство объединенных советских республик — с тем различием, что там гигантское зрелище мнимого внимания к нравственности и народному образованию делает всякое усиление насилия безобидным и само собой разумеющимся, тогда как здесь новоевропейское «сознание» беспощаднее, хотя и не без ссылок на народное благо, разоблачает само себя в отношении собственного института власти. Буржуазно-христианская форма английского «большевизма» является самой опасной. Если не уничтожить ее, Новое время продолжит свое существование. Окончательное уничтожение, однако, может принять только

108

форму сущностного самоуничтожения, которое больше всего поощряется в результате возвышения собственной мнимой сущности до роли спасителя морали. В какой исторический момент начнется самоуничтожение «коммунизма» в форме зримого процесса и конца, безразлично по отношению к уже принятому Бытийно-историческому решению, которое делает самоуничтожение неизбежным. Первая форма самоуничтожения состоит в том, что «коммунизм» теснит к началу военных осложнений в неудержимость их полного высвобождения (*Machtloslassungen*). (См. выше S. 88 «Война не является ...» до S. 89.)

Ленин первым увидел пользу в поддержке мировых войн как сознательной тактике, поощрял и применял ее. Его ликование по поводу начала мировой войны в 1914 году не знало границ; чем больше подобные мировые войны превращаются в новоевропейские, тем безоговорочнее требуют они объединения всех воюющих держав в господство немногих. Но это означает, что вообще ничего из того, что имеет какое-то отношение к бытию народов, более не может быть исключено из процесса становления элементом воюющей державы. И вот именно познанная впервые Лениным в качестве «тотальной мобилизации», так называемая организация сущего в направлении безграничного ужесточения и развертывания власти до всеохватности осуществляется с помощью мировых войн. Она возносит «коммунизм» на высшую ступень его махинационной сущности. Эта высшая «высота» есть единственно подходящее место, чтобы обрушиться в подготовленное самим коммунизмом Ничто оставленности бытием и запустить долгий <процесс> завершения его <коммунизма> издыхания. Все народы Западной Европы — в соот-

ветствии с их историческим сущностным предопределением — втянуты в этот процесс, либо ускоряя его или тормозя, либо работая над его прикрытием или разоблачением, либо для видимости борясь с ним или пытаясь остаться за пределами его безграничного поля влияния. 109

Но между тем уже началась другая история Бытия; ибо если сущее в принципе (здесь и сейчас <сущее> махинации) приближается к концу, то должно быть и начало Бытия, пусть его осмысляют и выдумывают разве что редкие и будущие <деятели> в неизвестном знании. Это начинание начала есть его достойнейшее и богатейшее завещание собственной сущности, <передающее> его истории основания его истины в возникающее сущее. Что означает возникновение чудовищного угара махинационного опустошения и вызванных им «подвигов» по сравнению с приходом последнего Бога и предоставленного ему тихого достоинства ожидания? А Бог — как быть с Ним? Вопросы Бытие — и в его тишине как изначальной сущности слова ответит Бог. Вы можете исходить все сущее, но нигде не обнаружится след Бога. Как же ты станешь тогда вопрошающим, который вопрошает Бытие? Лишь через глас тишины, который настроит твое существо на настойчивость в Da-sein и вызовет настроенного до прислушивания к приходу. Ибо лишь приход способен изначально исполнить сущность божества. Боги, приходя, вымеряют дно глубочайшей истории и являются предвестниками последнего Бога, чье последнее <есть> его приход. Он не принесет ничего, кроме самого себя; но и тогда лишь как самого приходящего из всего приходящего (als den Kommendsten des Kommenden). Последний Бог не дарует утешений (см. S. 98). Расчет на спасение души принуждает к тому лишенному 110

Dasein «переживанию», от которого Бог столь далек, что даже не отворачивается от его сфер и творений. Однако вопрошенное Бытие, из которого последний Бог отвечает своему времени, настраивается на уверенность (Zuversicht) в даровании тишайшего отношения к земле того мира, который распространяется на места истории встречи человека и последнего Бога. Уверенность не привязана к наличному и не основана на каком-либо сущем. Она проистекает из Бытия и осуществляется как всегда изначальная и никогда не снижающаяся до привыкания, все более открытая веселость долготерпения к стражничеству при подготовке к событию. Эта веселость достаточно сильна, чтобы испуг перед оставленностью бытием сущего принять в сущность уверенности. В своем долготерпении (Langmut) она воздвигает великодушие (Großmut) против незримого опустошения сущности Бытия, опустошения, которое уже превзошло все начинающееся разрушение сущего.

111

Возможно, человек, однако, на долгие времена еще не созрел до боли этого великодушного долготерпения уверенности в Бытии. Но та уверенность сохраняет в себе суть радости. Метафизика и все подвластные ей формы церковной веры и мировоззрений, затерявшиеся в сущем, достигают всегда только «удовольствия» от него и через него, а в высшем случае — «душевного» и «духовного» удовольствия. Радость — это не удовольствие. Источник радости в начале истории Бытия. Она полагает конец метафизики и тем самым Нового времени в перейденное перехода (in das Übergangene des Überganges). Взаимонастроенные великодушие и долготерпение уверенности в Бытии говорят шире То, что должно быть названо в слове «забота». Обычное «пережива-

ние» и мнение будут и впредь слышать в этом слове лишь указание на омрачение и тоску; это свидетельствует о том, сколь исключительно они мыслят исходя из противоположности, которую воспринимают как «удовольствие».

И вот так неспособность познать сущность «заботы» рождается из ужесточения уже ставшей обыденной метафизики и ее последнего триумфа — «коммунизма» как человеческого осуществителя махинации. Ее «господство» есть конец первого начала истории Бытия. Внезапный обрыв, ведущий к этому концу, есть другое начало этой истории. В первом начале Бытие бытийствует как возрастание (φύσις); в другом начале Бытие бытийствует как событие. Возрастание, махинация, событие *суть* история Бытия, в том, что они высвобождают *сущность* истории из первоначальной сокрытости через поворот к историографии <, высвобождают ее> в То, что Грядущие предмыслят об истине бытия как об основании просвета исхода.

112

129

Народ может иметь свое «время», когда слишком поздно для *перехода*, поскольку у него отсутствует сущностная *высота*, с которой он еще должен был бы рухнуть. И если еще остается медленное привыкание к незаметному снижению скрытой меры и незаметная привычка к уплощению (Verflachen) притязаний, то разрушение «этого» бытия в ходе будущего и все внешнее опустошение может еще считаться только пустым зрелищем слишком поздно наступившего последствия. Но даже в этом случае для знающих имеется тут знак, что готовится единственный момент исто-

113

рии, тот, в котором человеку еще раз предстоит выдержать встречу с неким богом. Но чем существеннее решения, тем тише становится область, на которую они распространяются. И для занятых осмыслением <людей> Все состоит в том, что они найдут <путь> в эту тишь и выберутся из всякого избытка шума, и даже в кажущемся лишь пустым и ничтожным они предчувствуют и обдумывают близь самого далекого Бога. Мы ведем, что готовы к этому времени, и ошибаемся в самом близком, которое оно вновь предлагает нам на каждом малом изгибе своего пути, *и это никогда не есть оно само.*

130

«Героизм» — тщеславные пляски перед необходимым как публично неизбежным. Пусть <это> вне Бытия, пусть шумно и пышно — *будущим <людям> принадлежит страсть к нищете великой тиши.*

131

Признаком того, что некая философия *есть* философия, остается только всякий раз ей самой из ее мышления при-мысленное место, в котором либо
114 «да» цепляется к вопрошанию, либо «нет» отталкивается от уже установленного. Все прочее, что вокруг нее утверждается, есть болтовня.

132

Единственные не нуждаются во Многих и Других и в их союзах, <только> чтобы не быть просто отдельными индивидами.

133

«Добро» это не «приятность» и не «счастье», не полезное и не польза, не должностующее и не просто ценность, но связанная с Dasein настойчивость в свободе, исходящей из принадлежности к Бытию. Но поскольку Бытие становится для будущих <людей> наиболее достойным вопрошания, свобода есть нищета тишины вытерпеливания, которое никогда не соберет свою истину из подтверждений.

134

В то время, когда незримое опустошение является более решающим, чем видимые разрушения, даже пути ежедневных размышлений должны направляться в сторону невидимого. В этой области происходит встреча немногих Невидимых и единственно Действенных, основавших человека в Da-sein. Это, во-первых, индивиды, которые сегодня пребывают в непосредственной боевой схватке и не опираются ни на что наличествующее, в том числе на общность и товарищество. Они должны заранее предугадывать (vorausahnen) на свой лад нечто другое, ради которого готовы пойти на жертву и которое они все же не могут высказать и создают сначала некую жертву. Сколько там таких людей, никто не знает. Но совершенно ясно, что Такие имеются. А другие — это женщины, которые из первоначальной любви подготовили умолчанные пространства для благородного и в силу этой любви неразрушимы. Кто они, ускользает от всякого общественного мнения. А третьих мы можем, пожалуй, видеть в Тех, кто в далеко вперед забегающем поэтическом творчестве и мышлении принадлежит к дру-

гой истории. Где они пребывают и существуют ли они, остается столь сокрытым, что даже это вопрошание о них не становится живым или уж тем более ходовым. Эти три типа невидимых и единственно действенных подготавливают «поэтическое», в основе которого единственно вымеряется (*ergründet*) история человека. К этим трем типам относится дар Бытия, <состоящий в том,> что они берут на себя изначальные решения и вправе каждый раз на свой лад их оберегать.

116 Широта сердца должна найти опору в жесткой напористости повседневной деятельности — и в близости уверенности в Бытии. Трудность для собственно настойчивых в Бытии заключается не в <том, чтобы> «*опасно жить*»¹⁵, ведь опасность все еще содержит однозначное и известное по своей четко очерченной области. Трудно, а значит подлинно жить, означает жить *переходным образом* (*übergänglich leben*), обрести себя на мосту той широты сердца, отказавшись от мелких вспоможений и утешений. Публичное этого времени весьма ординарно и традиционно, а потому его можно повсюду встретить историографически. Но его сокровенное уникально, столь же уникально, как начало нашей западноевропейской истории.

135

Война, которую теперь называют «странной», чтобы уже за день привыкнуть к ней и тем самым за-

15. [Friedrich Nietzsche: Die fröhliche Wissenschaft. Werke. Bd. V. Kröner Verlag: Stuttgart 1921, S. 215.] — Ницше Ф. Веселая наука / Пер. К. А. Свасьяна // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 628. — *Прим. пер.*

щититься от всякого ее существенного знака-намёка, есть только интермедия и противоположность процесса, о котором знают лишь немногие, — и чье знание есть настойчивость в истине Бытия. Эти знающие являются единственно действующими в будущем, в публичности они не нуждаются.

136

Сегодня для духовного, действующего человека есть только две возможности: либо стоять вонне на командном мостике тральщика либо развернуть корабль предельного вопрошания навстречу буре Бытия. 117

137

Теология. До какой-либо «бедной души» дьяволу дела нет. Дьявол заключает пакт лишь с Теми, о которых он с уверенностью знает, что они дьявольской породы. Подобно тому как Бог в своих жесточайших ударах сохраняет свою божественность, так и его соперник дьявол в своих безобиднейших делишках остается дьявольским. А что если дьявол «пробуждением раскаяния и сожаления» <у человека> по поводу прежних, совершенных им поступков, достигает максимума в своей дьявольщине?

138

Лекция. Один жадно пытается извлечь какую-нибудь пользу, чтобы освежить свою «науку»; другой ловит успокоение, чтобы унять свою трепещущую «душу»; третьему нужны неожиданности, чтобы внести какое-то развлечение в скуку <своей

жизни>; — и никто из них не предвидит ни пути, ни движения; и никто не решается сделать шаг. Но путешественники путешествуют и *существуют*.

139

Лето. — Когда в высоченные ели там, у «Хеммерле»,¹⁶ вслед за последним ударом топора лесоруба между пока еще стоящими <деревьями> проламывается <срубленное> и в падении с глухим ударом вновь встречается с гулкой землей.

140

Начатые письма — порой оказываются свидетельством законченного воспоминания, которое властно пронизывает все сферы Da-sein.

Дополнение

К № 104

ничто не может *стать* *формо-основанным* (Gestalt-gegründet) — поскольку нет *свободы по отношению к себе самому* — для основания
 никакого *превосходства*
 никакой *настоящей воли*

но только *жестокость*
 использовать средства
 кто ссылается на успехи,
 которые не им достигнуты

подчиняться закону *самой собственной сущности* — и его развитию —
 вместо этого *проскакивать мимо себя!*

16. Местность, где расположена «хижина» философа. — Прим. пер.

никакой открытости вопрошания
не уступать поля боя!
лишь *о боевых делах* разглагольствовать!

Подлинный противник в борьбе вовсе не познан — <причем и> теперь в характернейшем самопревозношении!

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

- Dasein 10, 51 сл., 53, 64, 114 сл.
Англия 107
антропоморфизм 3, 14, 33
бедность, нищета 57, 113, 114
без-дна 8
бессмысленность 22, 38
благо 114
боги 57, 63, 81 сл., 90, 109 сл.
большевизм 43, 65, 98 слл.
будущее 69 сл., 81 сл.
Бытие 5, 6 слл., 14, 30, 31, 35 сл., 41 сл., 57, 63, 67, 69, 74 слл., 90, 92 сл., 105
Бытие и время 13 сл., 67
величие, величина 96
власть; сила 79, 91, 98 слл.
война 88, 94, 97
вопрошание 26, 28
Гёльдерлин 25 сл., 27, 50 сл.
Гибель 112 сл.
гигантское 42 сл., 51, 55 сл., 65, 91
горы (Бытия) 92 сл.
«дух» 98 слл.
достоинство 35
«жизнь» 19, 98
забота 111
знание 44, 51

индивид 72 сл., 74, 90, 114

«интерес» 66 сл.

интерпретация, истолкование, трактовка 19

истина 8, 81, 90

исток 69

историография 17, 26, 32, 56 сл.

история а, 1 сл., 9 сл., 25, 26, 29, 31 сл., 34 сл., 36, 54, 56 сл., 65 сл., 74 слл., 81 слл., 101

Кант 58 сл.

коммунизм 98 слл.

культура 73

махинация 3, 28, 36 слл., 41 слл., 50, 51, 55, 66 сл., 68, 75, 101

мгновение 4 сл., 60 слл., 62, 67

метафизика 2, 32, 36 слл., 59, 70

мышление 8 сл., 24 сл.

народ 63, 73

настроение, настрой 8 сл., 10 сл.

наука 58 сл.

начало 34, 35, 64, 92, 106

нигилизм 67 сл., 76

Ницше 19, 22, 78

Новое время (42 слл.), 84 сл., 86 слл., 98 слл.

одиночество 24

опасность 15, 43

организация 79 сл., 91

осмысление 49, 54, 68 слл.

основа, основание 6 слл.

память, воспоминание 9, 32

переход а, b, 12 сл., 21 сл., 30, 65

поэзия, поэтическое творчество 8 сл., 23, 40, 53 сл.

промысел 117

просвет 20 сл., 82

прошое, прошлость 34, 63

ранг 34

решение; выбор 51 слл.

- рок, судьба 93
русскость 97
свобода 64
слово 5 сл., 7, 18 сл., 30
«социализм» 70 слл. (см. 42 слл.), 86, 87
теология 117
техника 17, 39, 69
тишина 80 сл.
традиция; передача 32
утешение 98
философия 29, 30, 31, 59, 72, 81, 92 сл., 98, 113 сл.
ход, движение 44
христианство 83 сл., 93
ценность 23, 39
шум 20

Размышления XIV

Незначащими вещами
 Расстроен, словно от снега
 Колокол, в который
 Звонят,
 Сзывая на ужин.
 Гёльдерлин. набросок к стихотворению
 «Колумб» (IV2, S. 395)¹.

Здесь становится очевидным, что такое *поэзия-поэтическое творчество* (Dichtung), которому уже не нужно быть «искусством», т. е. τέχνη, т. е. «созданием нового» (ποίησις). К счастью, подобное поэтическое творчество теперь абсолютно недоступно для стихоплетов, искусенных во всех искусствах и подражающих всему чему угодно. Но почему подобное поэтическое творчество должно существовать бок о бок с не знающей меры культурной возней (Kultur-mache)? Чтобы оно благодаря последней укрывалось и тем самым предохранялось от изнашивания Всего до Всего (von Allem zu Allem) по воле разнузданных институтов власти.

1. [Hölderlin: Sämtliche Werke. Bd. 4. Gedichte. S. 395.] — Хайдеггер М. набросок к стихотворению «Колумб». Пер. Г. Ноткина // Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина. СПб.: Академический проект, 2003. С. 7. — Прим. пер.

Мы повсеместно остаемся лишь в прологе начала.

а

Сущее никогда не заменит Бытие; сущее может иногда переходить в Бытие. Мыслитель делает набросок «лишь» того, что ему подбросили. Сам набросок должен быть заброшенным. А бросающим является Бытие. Бросок есть о-своение-сбывание (Er-eignis). (См. S. 62.)

Тяготы это то, что невозможно сбросить с себя, но их необходимо переносить в эпоху, которая изначально решает вопрос об их весе.

Будучи два с половиной тысячелетия отягощены бременем мышления, — <мы должны> мыслить в открытость.

Нужда означает пребывать, обладая знанием, в сущности истины, если мы должны быть решительными в чем-то истинном.

- б Создать вещь, которая может ждать, поскольку ей не нужно «воздействовать», чтобы быть. Не обманывать себя «необходимостями» путем призыва воздействовать на свое «время» и прийти к нему на помощь. Эта клиническая точка зрения (Spital-gesichtspunkt) чужда историческому осмыслению.

Даже в самом удаленном уголке не должна таиться неясность в том (как недопустима и маскировка того), что теперь нет никого, кто мог бы хоть что-то понять о Бытийно-историческом мышлении, — просто одиночество.

В принципиально различных, более того, даже уже не сравнимых по различности областях Бытия *одновременно* быть-здесь (da-sein) и всецело предоставлять неосведомленным еще и право на их неосведомленность — Da-sein как «забота» (προμηθεῖσθαι).

Но забота как забота об огне как свете и просвете (φῶς — φῦσις) — забота Бытия — (Бытие и время). Но забота является более изначальной, чем φῦσις, ибо надо вместе с этим основывать просвет. Невозможность «априори». Оно как предшествующее есть видимость начала.

Лишь за пределами ненависти и любви начинается область, которую определяет сам *πόλεμος*² в его ранговых возможностях и на основе которой борьба вновь обретает для себя свою меру. 1

Возможно, через два столетия пробудятся первые немцы, которые долго хранимое примут как Приходящее к ним. Этих Первых и Немногих должны подготовить мы, переходящие. *Есть* ли бóльшая близь к Бытию, чем *это* устремленное вовне и вдаль мышление? Пред-мысле в начало.

«Героический реализм»³ есть бегство в «реальное» от осмысления реальности.

Величие есть основание чего-то начального или же, поскольку оно также имеет свою несущность (*Unwesen*), крайнее ужесточение отжившего (*Abgelaufenes*).

История есть только там, где всякий раз изначально принимается решение о сущности истины.

Решение исходит от самого Бытия. 2

Нам нужно нечто Существенно Другое и «большее», чем «героизм», чтоб выдержать то, чего требует закон Бытия.

Уже хоженные *ходы* мышления больше не должны превратно истолковываться как «произведения» (*Werke*), а быть следами, сохраняющими сокровище

2. Война, борьба (*греч.*) — Прим. пер.

3. [Ernst Jünger: Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Hanseatische Verlagsanstalt: Hamburg 1932, S. 34.] Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли/Пер. А. В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000. С. 90. — Прим. пер.

этих следов. Но это требует простейшего такта; ибо где найти места молчания и когда <придет> настойчивость в тишине, если даже это с шумом выбирается в алчную пустоту публичности, которая Все без разбора подмешивает к быстро потребляемой словесной мешанине? Прежде все существенное должно сделаться тяжким и неузнаваемым.

3 Все еще продолжается безнадежная суэта вокруг улучшения и «обновления» «университета». А между тем, согласно наблюдениям, растет «незаинтересованность» учащихся в наличии «философского факультета» и в нем самом. Не замечают, что наблюдатели, которые констатируют уменьшение числа учебных часов, уже только «смотрят» глазами составителей учебного плана, а потому из уменьшения этого числа заключают о «незаинтересованности»; хотя все обстоит противоположным образом: голод по осмыслению жгучий, — но ничего не делается, чтобы утолить его. «Желание» хотя бы возможности духовного вопрошания еще живо, но отсутствует всякое предложение совершить упорядоченный ход мысли, который только и мог бы привести в область вопрошания. Уже настолько помешались на организации и планировании «учебного процесса» и привыкли к этому, что полагают, будто можно ликвидировать «незаинтересованность» (мнимую), введя определенное число обязательных часов. То, что философский факультет Берлинского университета, — уже давно превратившегося в пустую самодовольную структуру, — устремляется навстречу таким глупым предложениям, гораздо убедительнее, чем незаинтересованность студентов, подтверждает обвал университета.

А кроме того — все эти «важные» дела давно уже в прошлом.

В годы возможного решения (1933) люди только негодовали, стояли в сторонке да клеветали <на государство>; вскоре появилась нужда в людях, они почувствовали это, успокоились и начали глотать всё, — ведь «наука» снова считалась важной, — и теперь люди строят из себя пророков и спасителей, — <от того, в чем> сами виноваты. И никогда никто ни о чем не подозревал, как и будет впредь. Люди не видят Неудержимых процессов, — в которых Сущностное принимает облик Исключительно Могущественного. Хотели бы повернуть вспять Неудержимое с помощью мелких «фокусов», но дальше требований не идут; только поэтому «профессоры» еще пользуются правами и уважением; они помогают ускорить то, что якобы пытаются остановить.

4

Нынешняя мировая война — крайнее ниспровержение всего сущего в безусловность махинации.

Там, где разыгрывается борьба за обладание властью в атмосфере абсолютного полномочия власти, «побеждает» лишь тот властитель, который знает, что он может хотеть, но не раскрывает это знание общественности. Хотеть он может только чистого господства власти, — не ведая, какова ее сущность.

В «героические» времена, которые ничего не ведают о своем собственном происхождении, «мир» (Frieden) считается слабостью, поскольку героизм ошибается в сущности господства и не понимает, что «мир», который является чем-то другим, чем простое прекращение войны, нуждается для своего основания и сохранения в более высоких силах, чем хитроумие разбушевавшихся властей.

5

Один англичанин (Томас Бокль) утверждает: «Паровоз сделал больше для объединения людей, чем все философы, поэты и пророки с начала мира»⁴. Если мы заимствуем из этого странного изречения слово «паровоз» для обозначения машинно-технического транспортного средства, то нам придется сначала спросить, к какому именно единству привело это бесспорное «объединение». Не *то* ли это единство, которое стало базовым условием для возможности острейшей распри и вражды? Чем была бы новоевропейская современная война без этого «единства»? Нужно быть англичанином, чтобы дерзать говорить об «объединении» и так мало догадываться о сущности мыслителей и поэтов.

- 6 *Англия* принесла парламентскую — основанную на партийной системе — демократию и машинное производство, — *Россия* есть только предпрешенное сущностное следствие, поскольку она прежде всего всерьез относится к сущности коммунизма и понимает его как «Советскую власть + электрификацию». То, что обе страны превращаются в непримиримейших врагов, неизбежно: ведь обе они стремятся к одному и тому же. *А между тем?* Либо мы будем из-за неосознанной нерешительности (которая хотела бы быть вариантом обеих держав *одновременно*) перемолоты в Ничто, либо сможем стать единственным началом Западной Европы, при условии, что мы знаем решение.

Россия на протяжении столетий существовала в рамках феодальной деспотии и не смогла даже шесть месяцев выдержать «демократический»

4. [Источник не известен.]

мир правительства Керенского⁵, а затем получила деспотизм в виде большевизма. Что это означает?

Храбрость: вписаться в слитность (*Fuge*) сущностного и в этом приспособлении *знать* самого себя в своей сущности, т.е. в принадлежности к Бытию. Ухарство — это и не храбрость, и не фанатизм. Но какими должны быть храбрецы, если *знание* о сущности отказывает, а то и вовсе оказывается опороченным?

7

Гёльдерлин родился в 1770 г., а *Ленин* в 1870 г. Во время здраво-творческого жизненного периода Гёльдерлина делались решающие технические открытия и изобретения <в области> новоевропейской техники (1774–1806).

Сегодня, т.е. для прихода Приходящих, важно лишь то, что представляет собой нечто исключительное и что знает, что ведется борьба за то, останется ли человечество рабом опустошения или оно в основанной по-другому истории станет отзвуком Божьего гласа. Все прочие военные цели суть барахтанье вокруг мнимостей, которые затем — также за одну ночь — обратятся в свою противоположность, подтверждая таким образом свою ничтожность. Все, кто строят будущее, должны справиться с двумя делами: пребывать посреди гигантской махинации <, связанной с> полной мобилизацией, и одновременно нести в себе страсть к великой тишине. Поскольку и то и другое как бы исключают друг друга, их *единство* и есть то, что требуется.

8

5. [Александр Федорович Керенский правил Россией с июля по октябрь 1917 г.]

«Университеты» объявлены теперь «жизненно важными предприятиями»; эта констатация неизбежна сегодня; но это утверждение вместе с тем является истолкованием их сущности, равносильным смертному приговору в отношении этого учреждения. Им отказано в определяющей и поддерживающей силе «духа»; но как можно отказывать в том, что никогда не было собственностью, а если и было, то на короткие периоды; и всё же те моменты в 1800–1820 гг. являются уникальными; а втискивать уникальное в обычное нельзя. Итак, указанный смертный приговор является противоположностью свидетельства о рождении для новоевропейского исправления Нового времени.

Перелом выглядит по историографическим меркам — в соответствии с происшествиями и мероприятиями, — как существенная перемена; по историческим меркам переломы — это, как правило, соединившееся из многих случайностей дальнейшее развитие в направлении, в котором находится и движется эпоха. Переломы не содержат решений, но стирают нерешенное в пользу отсутствия потребности в решении, предстающего как решительность.

- 9 *Долг* — как привязка себя к необходимости некоей базовой позиции в отношении всякого поведения — только и является местом, где достигнута свобода. Свобода рождается из *свободо-волия* (*Freiwilligkeit*), которое бросается (*sich loswirft*) в изначальное основание сущности человечества; это основание есть знание о бездне. Всюду, где еще существует привязанность к сообществу, спасение в <религиозной> вере (*Gläubigkeit*), отсылка к учениям и где применяются законы, могут соответственно вырасти

обязанности, но никак не изначальный долг. Кант проник в эту область, а то, что он при этом все же говорит о законе разума, как-то отсылает к эпохе Просвещения, но указывает, — ведь «разум» мыслится по сути вполне метафизически, — на более сущностную область, в которую Кант не мог проникнуть, поскольку для него историчность разума оставалась сокрытой. Свободо-волие, прежде всего желающее иметь в основе свободу, есть знак изначальности человечества. Отсутствие свободо-волия проявляется в первую очередь в не-способности к осмыслению, усыхании страсти к вопрошанию; и если даже молодежь поражена подобной сухостью и избегает всякого мышления, то не поможет никакой «характер» и никакая «физическая сила».

Глупое упрямство голого насилия становится орудием внутреннего разрушения.

10

Сейчас распространяется новый «род» «литературы»: подражания <книге> Ницше «Так говорил Заратустра», состоящие из словоизвержений, мешанины из Гёльдерлина, Георге и Рильке, бессвязная чепуха, пусть и выдуманная с добрыми намерениями, чепуха, которая стремится быть прославлением «жизни» и «войны» и всего, что однажды было названо великим и ценилось как таковое; коварнейшая форма духовного опустошения, где нет и следа простого и длительного осмысления, где все болтается между бессвязными воплями и где Каждому предлагается слово, чтобы напыщенно и властно призывать богов с видом всезнающих, будучи только беспочвенным сном слепого опьянения, притворяющегося знанием. Есть еще достаточное число несведущих, которые подобную бессвязную чепуху находят красивой и «поучительной»; и все же это только

- 11 оборотная сторона барахтанья в безмыслии и расчете. Вот и эта форма опустошения должна сперва увязнуть в собственном болоте, пока не начнется долгое осмысление, которое не уважает в себе ничего, кроме деятельного сохранения тишины.

Лишь тот, у кого есть мужество и знание, чтобы, мысля, выйти за рамки последних трех столетий, может соучаствовать сегодня в мышлении и пуститься в «философию». Ибо как еще метафизика, которая более двух тысячелетий служила опорой западноевропейской истории и дополнит ее первое завершение, должна прийти к преодолению, если не через забегающее далеко вперед высвобождение из *своего* вопрошания? И как можно осуществить это высвобождение, если только само Бытие не присвоит себе давно предугадывавших, чтобы через их род когда-нибудь сломить подорванное господство сущего и действительного, так чтобы этому господству не противопоставлялась некая власть, но только основывалась — на своей собственной основе — тишина пребывания в выпрашивании сущности истины?

- 12 Упреку в разрушающем «культуру» влиянии национал-социалистического мировоззрения можно сейчас противопоставить, согласно прессе, ясное свидетельство из речи фюрера от 30 июня 1940 г., в которой «поэты и мыслители» также признаются «рабочими». «Кроме того, поэту и мыслителю не нужно столько же пищи, сколько рабочему, занятому на самых тяжелых работах (Schwerstarbeiter)». (Оживление в публике)⁶.

6. [Max Domarus: Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Bd. II. Untergang. Erster Halbband. Süddeutscher Verlag:

Ницше противопоставляет «сверхчеловека» «последнему человеку», не замечая, что сверхчеловек — это только сверх-последний — Самый последний «человек», т. е. «завершение» субъективности *animal rationale*: утверждение «животного» человек. Ницше знал это, но не понимал метафизического решения. Господство в сущностном смысле — которое больше не нуждается во власти: может еще указать непривыкшему на истину; это лишь там, где <есть> принадлежность к Бытию: душевная глупина (*Innigkeit*).

Храбрость не ведает ни ухарства, ни «героизма».

Основная трудность заключается в том, чтобы преодолеть эстетически-оптическое истолкование греческого наброска сущего, после того как оно утверждалось столетиями и благодаря новоевропейскому, объективирующему представлению постоянно навязывается и закрепляется. Даже если сущность *ἰδέα* и *εἶδος* понимается как «вы-глядеть» (*Aus-sehen*) — «показывать себя» (*Sichzeigen*), всегда вкрадывается еще ложное толкование, будто речь идет об «образе»; то, что есть «взгляд» (*Anblick*) и «воззрение» (*Ansicht*) и что поэтому предлагает, понимается как единственное, без осознания того, что в <способе> «вы-глядеть» (*Aus-sehen*) постоянство (постоянное присутствие) *выставляется в открытость*; но это выставление себя есть одновременно и в сущности *возвращение-в-себя в бытийствование*, — и все это в первую очередь есть *ὄψια* — *φύσις*. Проявление — не только знак, но само появление. *φύσις* есть изначально сокрытое и в исто-

рии первого начала все больше и больше даже искаженное «событие».

Сущность *τέχνη* и в целом сущность новоевропейской «техники» мы понимаем лишь исходя из *φύσις*; если понять означает здесь — проникнуть в сущностную основу, из которой преодолевается «понятое», поскольку оно должно быть преодолено.

- 14 «Время» сущностного мышления никогда не может быть рассчитано по тому, что происходит явно и заявляет о себе как потребность. Поддаться ему часто означает прийти слишком рано и приравнять страстное желание непосредственной поддержки (*Halt*) к решимости вопрошания, которое лишь в выпрошенном создает себе основу для опоры. Вот почему бывают времена, когда высшим является молчание. Поймет ли кто, и *кто* подобное поймет, нельзя установить; и это вообще не имеет значения.

Куда ведет перевод метафизики воли к власти в мелкобуржуазное в рамках действительности этой метафизики?

Бессилие мышления по отношению к действительному кажется безграничным, а это действительное в своей действительности является лишь следствием разнузданной власти, которая в течение столетий посылала в бой мышление в виде рассчитывающего планирования и теперь близится к концу, а всякому размышлению позволяет колебаться туда-сюда в лишенном основы различении «теории» и «практики».

- 15 Наступит момент, когда человечеству будет недовольство сущностной силы, чтобы по-настоящему

взойти на вершину метафизики (например, немецкого идеализма) и в ее свободном пространстве скрепить сущее; люди соскальзывают — если только не находятся уже внизу, — в βάθος⁷ опыта и возвышают «позитивизм» до сияющей, а потому единственной истины. А затем провозглашается «крах» метафизики. Этот «крах» с тех пор вошел во все историографии философии и относится к запасу выражений современных и близких к жизни газетных писак. Кто потерпел здесь крах? Где обрушилась метафизика Гегеля? Происходит ли это вообще? Если те, кто вольготно чувствуют себя в болотах и низинах «биологизма» и фактов, не обладают ни силой, ни желанием когда-либо взойти на гору метафизики, вдруг возвещают как «факт», что гора будто бы обрушилась и поэтому уже не существует, поскольку *они* не могут подняться *наверх*, то что тогда можно сказать об этой «исторической фактологической писанине»? Имеет ли смысл защищать метафизику от ее противников, т. е. спускаться к ним, вместо того, чтобы оставаться *наверху* и на вершине и *только* с нее *преодолевать* метафизику; но преодоление не утешается воображаемым крахом того, что надо преодолеть, а трудится над тем, чтобы метафизика вначале развивалась в своей глубинной сущностной силе, и борьба с ней, т. е. *противоречие* ей (см. История Бытия⁸) предохраняет от того, чтобы стать умным «опровержением».

16

Знающий — мыслящий истину Бытия — в эту эпоху может познакомиться с новым зрелищем, состо-

7. Глубина (греч.) — Прим. пер.

8. [Martin Heidegger: Die Geschichte des Seyns. 1. Die Geschichte des Seyns. 2. Κοινόν. Aus der Geschichte des Seyns. GA 69. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2/2012, S. 11–16.]

ящим в том, что человек продвигается к тотальной мобилизации, чтобы сражаться в высшей на его взгляд борьбе; сражение ради высшего и абсолютного *порабощения властью* — (махинация); это называется борьбой «ради нового лика земли»⁹. А все рабы, как без конца объяснял родоначальник этой метафизики (Ницше), нуждаются в *морали*, в которой они чувствуют себя одобренными. Единственным прибежищем для планетарного героизма является «человек на луне»¹⁰. В самом деле это мышление «на луне» у себя дома; оно само больше не знает, о чем оно думает и что вообще оно мыслит. «Луна» — которая весь свой «свет» лишь *скрывала* и даже не могла этого знать.

- 17 Два сущностно различных вида «гибели» сейчас не только возможны, но и необходимы: гибель в смысле неспевания за «эпохой» завершения Нового времени; отставание в результате неучастия в махинации; и гибель как исчезновение в сокрытости Другого начала; эта гибель также несет все черты первой и все же является прежде и всегда другой — ни в коем случае не «героической» и «трагической»; но лишь тишейшей и простейшей <гибелью> из-за принадлежности к бытию посреди оставленности бытием сущего, успокоившегося

9. [Ernst Jünger: Der Kampf als inneres Erlebnis. E. S. Mittler & Sohn: Berlin 1922, S. 48: «Wir haben das neue Gesicht der Erde gemeißelt, mögen es auch noch wenige erkennen».] «Мы вычеканили новое лицо земли, пусть даже лишь немногие могут это узнать» (Юнгер Э. Борьба как внутреннее переживание. См.: <https://www.rulit.me/books/borba-kak-vnutrennee-perezhivanie-read-390411-19.html>) — *Прим. пер.*

10. [Ernst Jünger: Sizilischer Brief an den Mann im Mond. In: Ders.: Blätter und Steine. Hanseatische Verlagsanstalt: Hamburg 1934, S. 107–121.]

лишь в махинации; вовсе не отягощенной тоской о прошлом (Rückgefühle) и печалью, но привязанной к знанию, которое не может обосновать свою истину, поскольку для оставленности бытием любовью вопрос об истине есть лишь вопрос о власти. Властительство есть крайнее порабощение сущим.

Романтика закоснелости (Versumpfung) всех еще сохранившихся остатков метафизического мышления проявляется в растущем «гердерстве» — увлечении Гердером (Herderei). Половинчатые суждения Гердера даже по сравнению с Лейбницем и Кантом создают впечатление «глубины»; Гердер как бы подтверждает наше собственное ощущение растерянности и нежелания решающего осмысления, и потому его рассуждениям приписывают «истину». Однако догадки Гердера лишь тогда обладают исторической силой, когда в них встречается некое знание, которое¹¹

18

Куда вреднее всех неудовлетворительных доказательств и подтверждений оказывается позиция, которая настаивает на доказательности там, где требуется иного рода вопрошание и истина; ибо подобные притязания означают исключение себя из сферы сущностного; ошибочные доказательства являются только недостатками, которые можно устранить, а если этого не делать, все же никогда не выносить решения или препятствовать <им>.

Вероятно, потребуется много времени, чтобы понять, что «организм» и «органическое» представляют собой механистически-технический «триумф» Нового времени над продуктами естественного роста (das Gewachsene) и «природой».

¹¹. [Здесь текст прерывается.]

19

Самоуничтожение человечества состоит не в том, что оно себя устраняет, а в том, что оно всякий раз выращивает поколения, в которых ему *подтверждается* его величие, при том что этот ослепляющий блеск (*Blendung*) не дает разоблачить себя как ослепление (*Verblendung*). Сущность *субъективности* гонит и мчится к этому самоустроению в абсолютной оставленности бытием. (См. О сущности *φύσις*, S. 10¹².) Оправдывать себя подходящим самоутверждением есть глубиннейшее бытийствование *субъективности*. Вот почему она должна быть потрясена до основания — т.е. метафизика как таковая должны быть преодолена.

Почему всякое существенное мыслительное мышление дает себя «диалектически» уравнивать и благодаря этому якобы усилить и заострить? Потому что этот вид разрушения неизбежно должен обостриться как опасность там, где как раз основание и начало господствуют наиболее изначально. В эпоху, которая видит в любом языке лишь средство общения и организации, а все мышление представляет как «расчет», нападение диалектики и «диалектического» опустошения на каждый росток и зародыш происходит скорее всего беспрепятственно, да и с полным правом. Сущностная незащитность против этого разрушения, поскольку всякая защита уже должна попасть в область плоского и отказаться от подлинного; спускаясь вниз, никогда не достигнешь вершины, а тем более не удержишь ее в смысле тихого преодоления.

12. [Martin Heidegger: Vom Wesen und Begriff der *Φύσις*. Aristoteles. Physik B, I. In: Ders.: Wegmarken. GA 9. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 2/1996, S. 241.]

Если человечество больше не способно изначально в истине Бытия выпрашивать его и, вопрошая, основывать и выдерживать нужду этой предельной странности как Никогда-Недоверяемого, то <вопрос об> отходе от «философии» решен; из этого отхода прежде всего возникает как отдача (rückstoßend) фальшивая претензия к мыслителям, будто они должны быть разгадчиками всех загадок и даже спасителями; поскольку они не способны ни на то, ни на другое, становится явной их ненужность и ничтожность, и остается только один шаг, чтобы больше не ощущать ни малейшего препятствия, чтобы одобрить полное высмеивание становящимся народом: «объявление» философии «бахвальством».

20

Полуварвары хуже «естественного» варварства.

«Будущее» немецкого университета — в технических высших школах на востоке, а значит, стало бессмысленным говорить еще о каком-то немецком университете. А технические вузы востока возникнут как производственные коллективы в китайщине расово-технической организации и не будут иметь ни будущего, ни прошлого.

21

Часто делается важный шаг в мышлении, но он еще всецело облачен в форму преодоленного. Нужно и то и другое; прежняя наружность и чуждость совершенно иного; но и то и другое в единстве одного и того же.

Являются ли *время и пространство* лишь пассивными средами, в которых вещи неудержимо разлетаются, или время-пространство не является ни пространством, ни временем, ни их смесью,

<но> глубоким (gründige) просветом, лишь в котором всякая истина обретает свою прочность?

22 Быть победителем — означает не только выйти из борьбы более сильным <, чем противник>; ибо при этом победитель может стать как раз побежденным, сосредоточившись исключительно на целях и методах противника, и в будущем использует их с большей силой. Быть победителем означает: ставить в борьбе подлинную и высшую цель.

Чтобы когда-либо стать способным помыслить единственное и одно и то же (das Einzige und Selbe), — а это и составляет сущность философии, — мыслитель должен по-другому, чем все остальные, которые мыслят *то же самое* (dasselbe), идти своим странным путем. И это не только другие «формулировки» для одного и того же, ибо что это за слово: «формулировать»; как будто то, что должно быть помыслено, Бытие, — это вещь, которая наличествует и только ожидает, чтобы преодеться в (современную) словесную оболочку. Различия «формулировок» имеются лишь для бездумных.

Дальше всего от истины истории оттеснены историографы.

Насколько уже *ушло* то, что сейчас вовсю обсуждается в пустом пространстве с использованием выражений «новый порядок», «конструктивная картина мира». Ушло потому, что здесь подается только дополнение к завершению Нового времени. Но затертой ссылки на «новую эпоху» достаточно, чтобы доказать, что мыслят только *историографически*, т. е. путем расчета, и доходят разве что до перестановок и переделки власти.

Спасители «культуры», которые, будучи недовольными в ожидании скорого возвращения прежнего (*их* прежнего), ищут прибежища, могут еще в меньшей степени соучаствовать в мышлении сущностного, чем Те, кто благодаря «своей» своевременности (*Zeitgemäßheit*) подтверждают свое отупление, измеряя «время» по тому, что для них является современным (*gegenwärtig*), т. е. полезно и доступно.

23

Если в кинотеатрах «вводятся в бой» «еженедельные выпуски кинохроники» «Вохеншау», как же тогда назвать «введение в бой» пехотного отделения <под прикрытием> заградительного огня? Неужественные могут негодовать на изнашивание этого слова. Но им неизвестно, что перед потреблением, на котором настаивает абсолютное уполномочивание власти, и то и другое — «Вохеншау» и пехотное отделение — равно безразличны, а значит равно «важны».

Власть в ее абсолютной гигантскости есть только малость перед Бытием, ибо она должна поступить на службу оставленности бытием сущего и помогать добиваться Того, ради чего ее способность остается скрытой (*vorenthalten*).

Власть отказалась бы от своей собственной сущности, если бы захотела позаботиться еще и о «логике», т. е. о том представлении вещей, которое еще стремится удержаться за пределами сферы власти и ищет опору в привычном. Однако это может стать средством власти, чтобы пользоваться этой «логикой», возмущаясь, например, «до глубины души» (т. е. в принципе вовсе не возмущаясь) тем, что невоенные объекты подвергаются бомбардировкам. Это возмущение высказывается на одном ды-

24

хании с постоянными заклинаниями, что война, мол, это тотальная война, а это как раз подразумевает, что военные и гражданские объекты (например, «ведомство продовольствия») равным образом используются в *военных целях* и потому подвергаются вражеским атакам. Возмущение по поводу вражеских атак на «гражданские» объекты также представляет собой *военное средство* абсолютной власти. Но то, что «народ» эту «логику» власти не понимает и остается глупым, есть также условие существования абсолютной власти. Тот, кто удивляется «глупости», не знает, что происходит и не может не происходить в неограниченной сфере абсолютной власти.

25

В эпоху абсолютного машинного хозяйства для овладения им должна быть осуществлена столь же абсолютная принадлежность к власти (*Verschreibung an die Macht*) и ее сущности. Там, где решимость принадлежать к власти безгранична, результатом должны стать гигантские «успехи». Механизм действия доходит до душевного состояния «введенного в бой», так что «внутреннее» становится столь же безразлично, как и внешнее, и оба они организуются для четкого осуществления механических приемов. При том рушится любая область, из которой можно было бы взять еще и другие масштабы оценки. Механизированный успех устанавливает механически (как говорят, «логически» и «неизбежно») тот *вид* успеха, который вообще имеет право на значимость. В эпоху абсолютной сделанности повсюду необходим «специалист», — чем более он слеп ко всему прочему и чем теснее зажат в своем углу, тем надежнее и быстрее его можно использовать и перемещать. Ему не полагается действовать; а действие лишь там берет исток, где все

специалисты в соответствии с расчетом известны и доступны для использования властями; это подчинение доступных специалистов нельзя было бы осуществить, если заранее не было бы запрещено всякое сомнение и не была бы готова та воля, которой в каждый момент обеспечивалось бы беспощадное уполномочивание власти. Безусловному обслуживанию гигантской машины власти непременно предшествует полное запустение всего, что еще могло бы претендовать на ту или иную истину. «Культура» и «дух», «нравственность» и «позиция» — все это лишь экономические средства для <существования> абсолютности власти.

26

Если отталкиваться от привычных христианских, нехристианских и прочих моральных точек зрения, безграничное уполномочивание абсолютной власти выглядит как «демонизм» (*Dämonie*). Но «демоническое» бывает только там, где хотят сохранить остатки чего-то связанного с Богом, которые усилиями власти давно угасли в своих возможностях. Даже «гигантское» не является признаком власти, если воспринимать его только в «количественном» отношении, а не понимать как абсолютность властных полномочий. Там, где достигается подобное знание, власть разоблачает себя в своих абсолютных полномочиях как чистая, не властная над собой и никогда не знающая себя оставленность бытием сущего. Но эта оставленность бытием есть только пустое место в истории бытия, момент, в котором ничтожное, лишенное истины Ничто предстает как Все и как высшее. Этот Бытийно-исторический процесс абсолютного уполномочивания сделанности на бытие оставленного бытием сущего тщетно пытаются сдержатъ с помощью глупых возмущений моральных проповедников и христиан; ибо «мораль» и само христианство, а не только

27

их весьма преданные приверженцы, уже влились в этот процесс. Будет ли и каким образом неограниченное уполномочивание власти историографически подтверждаемо влиять и приобретать значимость, не является решающим; ибо и там, где оно терпит неудачу, превосходящая власть заимствует средства и образ действий подчиненной <власти>, т. е. вновь возрастает и неторопливо следует за институтом власти в абсолютность вместе с учреждениями и оценками.

Непревзойденно смехотворны, однако, те, кто для этого Бытийно-исторического процесса извлекает из музея древних представлений образ гениальных личностей, которые на месте Боженьки и его противоположности (an der Stelle und Gegenstelle zum lieben Gott) все это самостоятельно «делают» и «думают», и «планируют». Здесь нет представления ни о каком-то Боге, ни о дьяволе, ни некоем полубоге. Абсолютная власть одновременно создает и властителей, несравнимых по своей сущности с любыми людьми, обладающими иным опытом, которые все еще не находятся в сфере абсолютной власти. Служение институту власти (Machtwesen) позволяет также беспрепятственно и неограниченно принимать на службу Все и благодаря этому осуществлять преобразование Каждого во властный характер. Так возникает своеобразное превосходство решившегося на власть.

Немудреная трапеза в весенний полдень у отдыхающего плуга в тени побеленного терна.

Ни один исследователь не понимает, что такое мыслитель, да и поэт не нуждается в подобном понятии. Для исследователя философия предстает только как *petitio principii*; в ней он видит предвос-

хищение того, что, по его мнению, следует доказать. Исследователю не хватает доказательств, которые *его* «убеждают». Философия ненаучна. И это суждение содержит в себе больше истины о сущности философии, чем исследователь мог бы заподозрить. Но оно содержит одновременно еще более основательную неистину <относительно того>, что философии недостает «науки». Аналогично исследователю судят о философии все представители «научных мировоззрений».

Величайшее — поскольку подлинное — историческое поражение заключается в том, что народ покоряется большим масштабам и уже существующим претензиям противника и усваивает его учения и принципы (в подтексте или в других формулировках). В этом заключается далеко идущий отказ стать началом основания единственно важных сущностей. «Политика власти» — английская; «культурная политика» — французская; «авторитарное тотальное государство» — русско-итальянское; «империализм» — новоевропейский.

29

Мы не вправе оплакивать уникальное, но должны постоянно идти ему навстречу — как единственному.

Когда язык какого-либо народа опрощается до простого словарного запаса и у каждого «в конечном счете» ежедневно случается небывалое «переживание»...

Между тем иезуиты решающим образом распро- щались также и с *Гёльдерлином*, лицемерно преклоняясь перед его «искусством слова»; ибо настало

30

время; заметили, что отсюда могли бы угрожать решения; отсюда <и возникло> ключевое выражение «прощание с Гёльдерлином» при одновременном указании на «Новалиса». Последний удобнее с христианско-европейской точки зрения. Иезуиты заботятся только о противопоставлении нигилизма и христианского культурного производства.

Быть достаточно сильным, не зная многого, относится к базовым условиям мыслительного мышления.

Во времена, когда «история» становится исключительным объектом сделанного (*Gemächtes*), громче всего говорят о «происходящем» (*Geschehen*). История (*Geschichte*) при этом является историографией, а историография — техникой. Все становится однозначным; ибо утратило свою сущностную основу, из которой мог бы еще <возникнуть> некий источник. И опять-таки: поскольку все однозначно *сделано* и доступно расчету, то и «символическое» также должно быть сделано. Но Все Сделанное в сущем держится махинацией Бытия.

- 31 Если отвращение к мышлению достигнет того же уровня, что и неспособность к нему, то неудавшиеся профессора медицины и неважные учителя народных школ «сделают» «системы» «мировоззрения», которые люди будут потом считать «философией».

Почему любая победа в сущем над сущим непременно приносит опустошение Бытия?

Чушь, исходящая, вероятно, из круга Георге и бездумно объединяющая Гёльдерлина с Ницше, при-

водит в конечном счете к тому, что Гёльдерлин провозглашается «швабским Ницше». Хуже скандала быть не может.

Полное опустошение сущего в целом исходя из целого (из оставленности бытием) в насильственном напоре образа крепкого «здоровья», *φύσις* первого начала истории Бытия и «природа» в завершении метафизики: «Период, когда замшелый маскарад и моральная принаряженность аффектов вызывают отвращение: *голая природа*, когда *количественные признаки силы как решающие* попросту признаются (как *определяющие ранг*), когда снова господствует *большой стиль* как следствие *великой страсти*»¹³ (Воля к власти, №1024). «Природа» сейчас подвергается «дрессировке», т. е. ее силы сознательно *накапливаются*; накопление и обогащение как высшее предчувствие будущего — абсолютная субъективность (см. «Воля к власти», S. 398).

32

Должно ли наиподлиннейшее, т. е. будущее, быть высказано? Да. Но это выговаривание не является уже сообщением и, возможно, никогда не является со-общением, поскольку то, что должно быть высказано (*Zu-sagende*) (Бытие), не может быть принято к сведению, но должно о-своить человека в *Da-sein*. Но тогда возникает нужда, чтобы указующее слово было услышано. Да. Если оно полностью нашло истину своего говорения, причем из пред-

13. [Friedrich Nietzsche: Der Wille zur Macht. Drittes und Viertes Buch. Werke. Bd. XVI. Kröner Verlag: Leipzig 1911, S. 375.] — Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей, незавершенный трактат Фридриха Ницше в реконструкции Элизабет Фёрстер Ницше и Петера Гаста / Пер. с нем. Е. Соловьева (кн. III, гл. 1). М.: Культурная революция, 2005. С. 540. Перевод немного изменен. — *Прим. пер.*

шествующих высказываний, а также нашло выход из формы «изречений» в мыслительную сущность.

33 Социализм есть переход (Durchgang), как и национализм; первый — <переход к> организации власти и права распоряжаться всем во всех отношениях и способах; второй — как организация власти (Machthaltung) для ее развития к абсолютному господству на Земле. Время народов прошло; они уже готовятся отказаться от националистического начала как цели и предаться народному (das Volkhafte) как средству для завоевания господства на Земле. Наряду с уверенностью в этом овладении возрастает достоинство вопрошания человечества в сравнении с той ступенью, на которой подобная достоинство вопрошания как ничтожное ложное мнение легко может быть оспорена — вплоть до момента, когда неограниченное освобождение сущего для всякого использования и перестройки заявит о себе как оставленность Бытием и все сущее начнет содрогаться в невидимой грозе Бытия. Лишь тогда наступает момент решения <относительно того>, сможет ли человеческое существо дозреть до единственного предназначения или засохнет при видимости процветания.

Без оглядки и осторожности к собственным попыткам еще и еще раз предлагать себя истине Бытия.

34 Можно ли устранить никчемность (Unwesen) «сознания» <, утверждая>, что «сознанием» воспитывается бессознательное, плоть? Такой подход переводит сознательное начало лишь <в ранг> простого расчета и пресекает возможность знания — как настойчивость в <овладении> истиной Бытия.

Служение в виде следования (Nachlaufen), сопри-
сутствия в создании институтов сущего.

Служение из одиночества путем выхода из сущего в основывание истины Бытия.

Только не намекать, а тем более не предсказывать, а говорить лишь тогда, когда слово Бытия созрело в его изначальности.

Несущность лишь гигантского относится к сущности «тотальности»: сущностная несущность есть «большой стиль», метафизически необходимый в окончательном завершении метафизики, в рамках которой только и возможно нечто подобное стилю.

Некогда (десятилетия назад) «отдельные индивиды» («эстеты») ссылались на высказывание Ницше против «презирающих тело»¹⁴, чтобы метафизически оправдать произвольное прожигание жизни. Нынче такое же оправдание в метафизике Ницше ищут «сообщества» (якобы «политически» обученные), чтобы заставить уважать свои мелкобуржуазные представления о жизни «народа господ» (Herrenvolk), жизни, полной наслаждений и основанной на рабовладении.

35

Эпоха, вынуждающая забираться на «мраморные утесы», еще не *свободна* для сущностного *вопроса*; и молодежь, которая обретает свое «ощущение жизни» исключительно «на мраморных утесах»¹⁵, еще не *созрела* для мышления.

14. [Friedrich Nietzsche: Also sprach Zarathustra. Werke. Bd. VI. C. G. Naumann Verlag: Leipzig 1904, S. 46–48.] — Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. Ю.М. Антоновского // Ницше Ф. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 24, 25. — *Прим. пер.*

15. [Ernst Jünger: Auf den Marmorklippen. Hanseatische Verlagsanstalt: Hamburg 1939.] — Юнгер Э. На мраморных утесах / Пер. Е. Воропаева. М.: Ад Маргинем, 2009. — *Прим. пер.*

Редко мыслитель, зная, находит то, что он знает неосознанно. Это То, к чему относится доступное его познанию (*Wißbares*); бытийствующая истина Бытия.

То, чем является «наука» в новоевропейском смысле, нужно прояснять не на примере «классической филологии» и даже математики, а на примере исследовательской деятельности, которая, скажем, в настоящее время создает основы для «снабжения армии».

Эпоха величайшей «близости к жизни» как эпоха завершенной оставленности бытием.

- 36 *Воля к власти и длительная прочность* как принцип современной техники. Важен не максимально длительный, пусть и неопределенный срок <жизни> (*Dauer*) возводимого или вводимого в строй, но хоть и краткая, однако при этом вполне допускающая использование, а главное, вполне предсказуемая и вычисляемая — в ее сроке <сохранения> прочности — продолжительность, — не длительная прочность, а поддающийся расчету срок ее <сохранения>; последний придает надежность, отвечающую высочайшим требованиям; соответственно все организовано с учетом замены и заменяемости <деталей, элементов>.

Борьба с «интеллектуализмом» прежде всего порождается желанием собственно «осознать» интеллект и его роль и рассчитать <возможность> «практического использования». «Интеллектуализм» — это еще и недостаток «интеллекта», он не обязательно «интеллектуален»; мышление — это еще не «*рассчитывание*» (*Rechnen*). Лишь когда

«инстинкты» делаются предметом расчета и воспитания, когда они не только господствуют, но когда о них говорят и учат, интеллектуализм достигает своей полноты. В таком случае «интеллектуалы» и «либералы», с которыми ведется борьба, совершенно несправедливо жалуются на упадок «культуры»; они слепы по отношению к тому, что свершается метафизически. Сама по себе метафизика воли к власти требует — в плане управления массами и преобразования их в нечто типическое — беспощадной организации *систематического оглуления*. Оно осуществляется посредством того, что всякому становятся доступны «культурные объекты». Почему лишь «денежные мешки» должны входить в число невежд, которые «переживают» вагнеровский «Парсифаль» [sic]¹⁶ и полагают, что они «переживали» мир? Почему также и «рабочие» с «крестьянами» не должны участвовать в этом «пережитом», т. е. включаться в процесс оглуления? Они обязаны участвовать. И знание этой не только «политической», но и метафизической необходимости гораздо важнее и выше, чем всякая спесивая образованность «интеллектуала» отжившего стиля, которая повсюду не поспевает за тем, что происходит и что несет в себе подлинные решения. Но дела продвинулись так далеко, что уже излишне заниматься «реакцией», которая даже больше не находится в «акции», но лишь порой — и все же скрытым образом — выставляет на показ свою «пассивность».

Я не «имею» никакой «философии», я всегда пытаюсь только мыслить о чем-то сущностном, что опосредованно называется историей Бытия.

37

16. В оригинале Parsival вместо правильного Parsifal. — Прим. пер.

- 38 Многие должно быть записано и обсуждено лишь ради опосредованного. Ибо для непосредственного нахождения собственного (Eigentum) редко находятся немногие <избранные>. Вот почему, как правило, разговоры сводятся только к обсуждению, в них почти нет откликов на какое-нибудь слово, которое встречается лишь иногда.

Что такое «образование» (согласно метафизическому понятию)? Запечатление позиции и поведения человека, в силу которых он получает в целом сведения о сущем, чтобы таким образом благодаря этой связи с бытием быть самим собой.

- Является ли война сущностным потрясением западноевропейского человечества? Эта Вторая мировая война столь же мало является таковым, что и Первая, с которой она непосредственно связана. Но Вторая мировая война принесет новый порядок на «земле», т.е. это технически-организованное человеческое пространство. Новым является «порядок», поскольку он возводит заранее установленную, но всякий раз еще смешанную с неразвитостью махинацию бытия в абсолютную, сознательную (wissentliche) организацию и в исповедание и в принцип. Человечество как animal rationale лишь теперь становится абсолютным в своей рациональности и животности, и предшествующая сущность закрепляется в состоянии завершенности.
- 39 Это, конечно, есть единственный в своем роде процесс, и всякое намерение видеть здесь лишь упадок и простое расширение предшествующего остается привязанным к узким и туманным областям, оно не в состоянии соучаствовать в деятельности, т.е. быть историческим. Новый порядок есть решительная победа «власти» как сущности бытия, а тем

самым начало развития этой сущности в окончательное завершение: махинацию.

Сейчас они говорят уже и «о» настроениях и делают их предметом «антропологических» рассуждений. Это простейший путь, чтобы уклониться от настройки голоса (*um sich dem Stimmen der Stimme zu entziehen*). Именно это окончательно загоняет в «антропологию» и загораживает всякую тропу, которая могла бы привести к какой-то догадке о том, что вопрошается под названием «Бытие и время».

Педагогическая деятельность в «университете» — неважно, насколько он разложился или нет, — действует как всасывание (*Sog*), затягивающее в область, в которой якобы содержится некое «знание» и где все же только укрепляется простое невежество. Поэтому необходимо постоянное и по сути безрезультатное возвращение оттуда в сущностное.

Тонуший «мир» становится явным в результате наводнения потоками его *сточных вод*, которые — как мировое море — организованы и приведены к «непосредственному созерцанию». «XX век» напоминает американизированный юмористический журнал, коему только недостает «остатка» «духа», благодаря которому он мог бы высмеивать самого себя. Господа делают вид, будто знают, что «происходит»; но они не представляют, что творится с ними. Иначе они пришли бы в ужас из-за того, что «этот мир», шествуя американским путем, превратился в некий «иллюстрированный журнал» (*Magazin*) и что этот журнал является «немецким». Но, возможно, сейчас это «немецкий» и «европейский» и «стиль» одного из «трех

полушарий», из которых «евразийское» и «восточно-азиатское» лишь по названию отличаются еще от «четвертого» и «первого», «американского». Омраченные души говорят тут об «антихристе»; если он явится, он будет только безобидным мальчиком по сравнению с тем, что «происходит» и что уже обрели его исполнители.

41 Сейчас постоянно пустословят о «ситуации» («положении бытия» (Seinslage)) человека, избегая прежде всего задуматься о бытии. Забвение бытия абсолютной махинацией не больше чем забвение бытия христианством, оно только отказалось от лживости двойной бухгалтерии, которая подчиняется разуму, а разум одновременно повинуется вере. То, что христианская вера и превратившееся в мировоззрение завершение метафизики выступают как исключительные противники, только свидетельствует об ослеплении, поразившем обе стороны. Но поэтому обе они могут, в зависимости от потребности, сближаться.

Метафизика.

Все должно пройти через полное опустошение, которому предшествует уничтожение в острейшей форме мнимого сохранения «культуры». Лишь таким способом можно потрясти двухтысячелетнюю структуру метафизики и обрушить ее. Однако уничтожение и опустошение сами еще обладают организационной формой (Einrichtungsform) метафизики («идеи» и «ценности»).

От национал-социализма к *рационал-социализму*, т.е. к абсолютной просчитанности и расчету совместного бытия человечеств (Menschentümer) самих по себе и друг с другом.

Эта рациональность нуждается в высшей духовности. Сущность западноевропейского духа как *τέχνη*.

42

После появления пишущей, счетной, вычислительной, бухгалтерской машины создание *мыслящей машины* есть лишь вопрос «времени». Ведь мышление уже превратилось в вычисление. И почему это «мышление» не должно располагать специальной машиной? С человека снимается все больше нагрузок, даже мышление (и уже давно — осмысление). Следствием этого процесса является то, что человек все меньше умеет заниматься собой — а потому все больше должен окружать себя разными аппаратами.

Сегодня встречаются «поэты», т.е. писатели, напоминающие акционеров и членов наблюдательного совета акционерного общества. Вероятно, речь и здесь идет только об «акциях» и о том, что они «хорошо продаются». Эти «господа» не имеют никакого отношения к пресловутому «призванию немецкого народа». — Не станешь «Рильке» благодаря тому, что *тоже* поселился в замке Мюзот¹⁷. Как хорошо, что в таком обществе *не* встретишь Ханса Гримма¹⁸.

Если неосведомленность современников о том, что «есть», перешагнула границу неудержимого, индивиду непозволительно уноситься вместе <с ней>, поскольку существует опасность, что его «всерьез» воспримут Такие, которые вовсе не желают знать, что «есть», а нуждаются в какой-ли-

43

17. [Rainer Maria Rilke: Briefe aus Muzot 1921 bis 1926. Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke und Carl Sieber. Insel-Verlag: Leipzig 1935.]

18. [Ханс Гримм (1875–1959), писатель национально-консервативного направления.]

бо новинке. А поскольку все «новое» правит всюду, для писателей остается лишь одна лазейка: возвести в принцип любопытство даже в крайней форме наигранной «авантюристичности» и водить читателей по кругу. Так возникает «героическая литература».

Утверждение, что в ухватках авантюриста заложена готовность к Приходящему, можно назвать фальшивомонетничеством. Это равнодушная (ибо по сути беспомощная) страсть к колдовству, какому бы то ни было. Люди всеми способами бегут скуки, без вопроса и без силы к вопросу о том, чем она является и почему возникает. — (Она есть попутчица махинации.)

- 44 Медленно, но все же удастся обеспечить исчезновение имени «Хайдеггер» из публичной сферы и окружить славной забывчивостью попытки, носящие имя их инициатора. Также едва ли возможно узнать в пределах какого-то «обозримого» времени, когда наступит пора «выйти из забвения». Возможно, в 2327 году? Или это также является заблуждением, питаемым историографией и ее расчетами? Возможно, это так. — *Но Бытие есть.*

Университет (наука). — В учреждении, пребывающем в состоянии полного разложения, «живы» два устремления, которые на первый взгляд резко противостоят друг другу и все же по-своему выражают одно и то же (неосведомленность в Сущностном знании).

Одни еще пытаются спасти «старую» науку путем нагромождения учености и профессиональной деятельности и профессиональных вопросов (мнимые «проблемы», которыми питается «полемика» и «специальная литература»).

Другие занимаются плановой наукой, «направленной» исключительно на ближайшие потребности.

В обоих случаях отсутствие осмысления равно велико; в обоих случаях одинаково неуклюже одно препятствие наслаивается на другое, что делает невозможным вопрошание.

Соперничество обеих «позиций» настолько смехотворно, что его даже нельзя назвать забавным, оно могло бы дать повод для изумления, — ведь оба враждующих брата вершат одно и то же. То, что до подобного понимания *не* доходят, ясно показывает, какой степени достигло отсутствие осмысления; — но и является знаком того, что *здесь* никоим образом уже нет возможности хотя бы <что-то> исправить или даже улучшить. Но и это излишне, ибо в рамках планируемого и совокупного планирования и планирования вообще существует вполне на своем месте «наука планирования»; те, кто ею занимаются, по праву кажутся себе оригинальными и «указывающими путь в будущее» и «предъявляют» бесчисленные «целеполагания», демонстрируя рабство в <своем> невежестве; ибо рабство заключается не в стремлении к «политическим» и «народно-националистическим» целям, а в том, что оно проталкивает эти целеполагания из неведения в знание, чтобы увильнуть от всякого осмысления. Однако это осмысление относится не к «науке», а к знанию.

45

Занимаясь «духовной традицией»¹⁹, мы обретаем сейчас «четвертый гуманизм», а там и «пятый»,

46

19. «Духовная традиция» (Geistige Überlieferung) — название, утвердившееся за группой философов и классических филологов (Э.Грасси, В.Ф.Отто, К.Райнхардт), издававших «Ежегодник за духовную традицию» (Jahrbuch für geistige Überlieferung): вышло два номера, в 1940 и 1942 гг.; тре-

причем гуманизм всякий раз становится слабее и сомнительнее. Четвертый держится на молодом Ницше вагнеровского периода и еще не продвинулся до того, <чтобы понять,> что подлинный Ницше отвергает Древнюю Грецию в пользу Древнего Рима и воли к власти, т. е. «техники». Люди еще настолько «духовны», что на «технику» все еще смотрят «романтически» как на голую «чертовщину» и романтику. Куда историографически относят *начало Нового времени*, не существенно, — особенно если в это начало ложным образом помещают мысли и вопросы, которые вообще уже возникли из *сущностного* преодоления Нового времени через преодоление западноевропейской метафизики.

Одновременность. Русский министр иностранных дел Молотов²⁰ прибывает в Берлин, и зримым становится новейшее Новое время немцев. Гёльдерлиновский гимн «этого» святого «Как в праздник на поля свои взглянуть...»²¹ истолкован, и сокровенная история скрывает другое свое начало.

тий, под слегка измененным названием (Beiträge zur geistigen Überlieferung) — в 1947 г. Кроме того, Грасси издавал две книжные серии: «Источники духовной традиции» и «Тексты за духовную традицию» (соответственно Quellender... и Schriften für die geistige Überlieferung). Ориентируясь на Ницше и Георг, группа выступала альтернативой «третьему гуманизму» (В. Йегер, Ю. Штенцель). Среди последователей двух этих направлений различия впоследствии стерлись. — *Прим. науч. ред.*

20. [Вячеслав М. Молотов (1890–1986), с 1939 по 1949 г. занимал пост народного комиссара иностранных дел СССР. 12/13 ноября 1940 г. Молотов прибыл в Берлин для переговоров с Гитлером.]

21. [Martin Heidegger: Hölderlins Hymne // *Wie wenn am Feiertage...* Max Niemeyer Verlag: Halle an der Saale o.J. <без года>] «Как в праздник на поля свои взглянуть...» / Пер. В. Б. Миккушевича // Гёльдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма. М.: Художественная литература, 1968. С. 153–155. — *Прим. пер.*

Обе <буквы> М: прежде в этот день писали в газетах, которые еще сохраняли кое-что из прежнего «календаря», об обычаях и развлечениях в день св. Мартина. Сегодня «пресса» сообщает в этот день о прибытии в Берлин Молотова.

47

Как всегда, мнимые победители пребывают «в страхе» из-за страха за славу их «героизма».

Обязательное принуждение к официальной службе (к преподаванию философской премудрости) — и нужда говорения из сокрытого времени-пространства мышления.

Существуют внешние сферы, в которых порой нужно говорить предельно остро и негативно. Но их границы никогда не приближаются к сфере сущностного говорения.

Ради одного только вопрошания отказаться от гармоничного представления (*die runde Gestaltung*), которое теперь лишь закрепляет видимость того, будто «истинное» можно непосредственно представить и предложить. Вместе с упадком искусства к конечному периоду завершения метафизики в упадок приходит и «стиль». Нам еще только предстоит найти верный путь в бес-стильном.

48

Пока это происходит, процветает культурное производство и тем самым, вопреки своему знанию, предоставляет сущностному возможность собраться.

«Гёльдерлин и Ницше» (см. выше S. 31). Существует необходимость называть имена одного и другого вместе, поскольку <хотя?> они отделены друг от друга бездной времен. Ницше — это имя для за-

вершения метафизики. Гёльдерлин после 1800 г. находится за пределами метафизики и создает нечто другое, — об этом у Ницше нигде не найти упоминания. Оба имени относятся к принципиально различным решениям. Однако считается иначе — что они имели в виду одно и то же, причем это то же самое остается также совершенно неопределенным и может быть привязано к греческому миру.

При этом легко забывают, что подлинный Ницше мыслит чисто *в римском духе* и в своей собственной метафизике так и не постигает греческого начала западноевропейского мышления.

- 49 *Родина, родной край* в долине верховья Дуная осенью (сентябрь, октябрь), прекраснее всего воспета у Гёльдерлина, в «Истре». «Он живет роскошно. Стволы над ним колышат / Свою листву... И потому сюда / К ручьям спустился он, и выше / По берегу...»²². Это край между Гутенштайном и Бойроном у подножья замка Вильденштайн. — (см. Размышления X, S. 22).

Сюда — назад к этому скрытому началу стремится сердце. Хорошо и то, что вообще-то край восточнее шварцвальдского водораздела отделен от крикливого «алеманства», духовно бесплодного, чванящегося тем, что ему не принадлежит. Сейчас для меня также стала ясной чуждость этих шумных парней, неспособных догадаться, кто такой Гёльдерлин и кем были Гегель и Шеллинг. Пусть они сейчас всю заполняют своим шумом пустоту

22. [Hölderlin: Sämtliche Werke. Bd. 4. Gedichte. A.a.O., S. 220 f.] — Гёльдерлин Ф. Истр / Пер. Вячеслава Куприянова. См. <https://poezia.ru/works/63050>. — Прим. пер.

между Шварцвальдом и Вогезами и думают, будто это полнота. Но вернется ли в очередной раз, тихо вырастая, осмысление?

Пфальццы, полугессенцы и четвертьфранки — вот вам «алеманны», причем «алеманны» чванливые, шумные и хитрые.

Все бесчисленные, а к тому же еще и раздробленные институты «культурных премий» могли бы наконец объединиться в «сообщество заговорщиков» (eine «*verschworene Gemeinschaft*») и придумать задание для получения приза. Примерно такое: кто сегодня среди немцев *хуже всех* говорит «по-немецки»?

50

Вопрос должен непременно содержать иностранное слово, соответствующее предмету вопроса; ведь в немецком языке нет такого слова, которое могло бы правильно выразить испорченность речи.

Но найти ответ будет весьма трудно для соискателей, если учесть, что прежде всего рискнут лишь те соискатели, кто уверенно может претендовать на получение премии. Может быть, поэтому на этот вопрос вообще нельзя ответить. Кроме того, сам вопрос также еще недостаточно четкий, поскольку в отношении сущности языка и правильного языка, возможно, господствует скрытый раскол. Ответ будет одним, если язык понимается на основе *слова*, и другим, если язык считается средством общения и аппаратом для вдалбливания <тех или иных> мнений.

Если дело доходит до крайности, оправдывают себя противоположности; например, тот, у кого нет «культуры» и никогда ее не было, организует «конференции по культуре»; если крестьянин превратился в промышленного рабочего в продо-

51

вольственной индустрии, пишут толстенные книги о крестьянстве; если из науки исчезло всякое знание и она превратилась в технику, она считается «близкой к жизни»; если искусство в своей сущности сделалось невозможным, празднуют день немецкого искусства²³. — То, что во всем этом царит какая-то твердая и простая закономерность, показывает, как поверхностно думал бы человек, если бы захотел здесь выступить лишь в роли возмущенного, поскольку опоздавшего обывателя, и на манер эмигрантов начал бы причитать по поводу упадка «культуры». Здесь законом становится нечто существенное, и узкие круги озабоченных состоянием образования не понимают того, какое решение следует принять; ибо первым делом нужно *признать неизбежность* этих процессов без дешевой уценки и понять, что здесь впервые творится история большого стиля. Вот почему к совпадению противоположностей относится и такой момент: там, где возраст мира клонится к концу, кажется, что правы мнимые хранители прежнего с их жалобами. Однако на деле их предвидения еще дальше от истины, чем догадки настоящих деятелей нового.

Подлинным ужасом, которого следует ожидать в эпоху завершения Нового времени, т. е. эпоху открытия и завоевания и управления землей, является гигантская посредственность во Всем. В результате защищают все что угодно, но также все что угодно используется лишь как средство власти. «Культура» (сама уже порождение Нового времени) и «варварство» оказываются равноценными, их различие стирается, одно заменяется другим. Исходя

23. [В период с 1937 по 1944 г. проводился восемь раз в Доме немецкого искусства в Мюнхене.]

из этого соответственно пересчитывается все прошлое и «устанавливаются» «цели» «будущего». Вот почему тот страх остается неразрывно связанным с детским, опасющимся эпохи «варварства». До этого, конечно, дело не дойдет. Столь же маловероятно, что расцветет «культура сама по себе». Гигантское <засилье> абсолютной посредственности во Всем станет подлинным бастионом; стоящим на пути любого решения в отношении чего-то важного. Оно повернет путь в сторону предчувствия изначального. Все, что появляется и движется, также уже просчитано и упорядочено. *Абсолютно всеведущая, все просчитывающая, все рассчитывающая посредственность во Всем как мера высшего.*

Всякий след <, ведущий> к необычному, а значит изначальному, стерт. Вот почему знание начала, а также ведение и представление невозможно. Всякое время восхода и первоначального блуждания упущено (*verschüttet*). Единственной в своей сущности и бесспорно новой является абсолютная махинация, которая приукрашивает себя то одним предыдущим, то другим. (См. S. 55.)

53

Неизбежные ложные толкования, все существенное из которых остается загроможденным. Но даже они еще могут, если потребуется, уточнить в определенных границах сообщение, не становясь расхожими, предлагают помощь; больше всего помогают *зловредные* ложные толкования; они, однако, редки и отличаются от просто раздраженных и недоброжелательных. Зловредность требует для себя яркой и далеко идущей «перспективы» ненависти. Но ненависть не является лишь зажатой (*verhemmt*) любовью, не только непреодолимой впутанностью в ненавидимое и зависимость от него, но в себе

без-основной; «психологически» и «морально» и «метафизически» совершенно не постижимой.

- 54 Ложные толкования подобного происхождения приносят пользу, поскольку они все же указывают на доселе неизвестное. Но простые похвалы всегда являются ненужной и пустой дерзостью.

Что делает теперь Эрнст Юнгер, когда битвы, требовавшие огромных материальных затрат (*Materi-alschlacht*), в новой войне уже не актуальны, причем «стихийное»²⁴ разоблачает себя как организация посредственности? А теперь обнаруживается хрупкость его «мышления», как и пустота всех тех, кто важничал до сих пор, с их «переживаниями» и литературными обработками. Сейчас остается только — тайно или явно — вместе с приверженцами обратиться в лоно католической церкви; возможно, там еще сохранились кое-какие люди, до сих пор не попавшие в поле зрения его зорких глаз.

Высшая ступень упорядочивания достигается тогда, когда порядок делается безусловным препятствием для любого роста. Для этого требуется также подчинить планированию рост и наследование.

- 55 Настоящая близь к сущностному — не нападение и овладение, а самообладание предчувствия (*Ansich-halten der Ahnung*). Предчувствие — это единственное знание; ибо оно пребывает в открытом <пространстве> прихода сокровенных решений в Бытии.

24. [Jünger: *Der Arbeiter*. A.a.O., S. 46 ff.] — «Стихийное напирает на него...» Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / Пер. А. В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000. С. 71. — *Прим. пер.*

«Труд», «общее благо», «культура» и «разум» являются «идеалами» *Французской революции*. Если эти идеалы осуществляются «без исключений» для «миллионных масс», когда рушатся все барьеры и упраздняются различия, *эта* революция действительно свершается. Это новейшее «явление» в Новом времени, ибо оно его Первое, а потому и Последнее.

Исторический ход завершения Нового времени и его растянувшаяся продолжительность будет отличаться равномерным, все более незаметным превращением всех различий в однообразие посредственности и понятности всякого устремления и планирования. Сюда относятся стремительно и внезапно возникающие чрезвычайные происшествия, требующие перенапряжения всех сил, но при этом внезапно вновь погружающиеся в растущее забвение. (См. S. 52.)

Посредственность — не господство массы, но отсутствие основы и закона. Разрушение исходит не от массы, но оттого, что массе не хватает основы, поскольку основа есть отношение к Бытию. Никакая организация не в состоянии дать основу массе.

56

«Духовные» сегодня стремятся только назад и мечтают о спасительном примирении (*Ausgleich*), утешаются прошлым и придают себе значимость бывшими «заслугами». Предчувствия первоначальных решений у них вообще не зарождаются.

Поэзия — не порхание в мечтах, но и не изображение действительного. Поэзия, в сущности, это набросок бытия, а для этого потребно прежде всего знание сущего, которое должно уступить бытию. Суть

поэзии не «искусство», а вытерпливание дали, присущей Бытию.

- 57 Народу причитается столько, насколько он *есть*. Ладно. Но кто говорит, что он *«есть»*? Кто дает меру Бытия? Кто способен дать ее, нужно ли, чтобы ему что-то «причиталось»? Но может ли народ или человек дать меру самого Бытия? Он может воспрепятствовать установлению меры Бытия и утратить возможность меры, полагая, что сам в состоянии разобраться, является ли он «народом господ» (Herrenvolk) и насколько. Метафизически это мнение обосновывается лишь в метафизике воли к власти, которая в «сверхчеловеке» полагает субъективность абсолютно и исключительно в сделанное (unbedingt und rein in das Machten verlegt). Пока эта метафизика принимается без отговорок и маскировок и «социализм» допускается лишь как одно из средств принуждения среди прочих, то самоопределение как «народа господ» предоставляет себе «право» в смысле «справедливости», которую прежде допускал как возможную только господин. Но за это все покидается Бытием и пересчитывается в *ценности*. Решения о принадлежности к Бытию здесь не принимаются, поскольку они даже не могут быть «поставлены».

Политическое единообразие будущих противников прежде всего проливает свет на суровость предстоящей борьбы.

- 58 Ненависть итальянцев к грекам и намерение их уничтожить проистекают из непризнаваемого знания, что *греческий мир*, — к которому сегодняшние <греки>, однако, едва ли еще имеют какое-то отно-

шение, — а не римский мир, является фундаментом истории Западной Европы; если под историей понимать нечто другое, чем череду грабительских и завоевательных походов. Здесь пробивается нечто такое, что нацелено на оправдание бесосновности эпохи тем, что ей (эпохе) разрушают всякую возможность первоначальной памяти. Это, однако, означает исключение из важных решений, в которых протекает сущностная история: начало эпохи безысторичности. В такое время еще планируемые события могут быть заранее объявлены «историографическими». «Историографический» означает тогда примерно следующее: для техники «важен» только что осуществленный замысел. «Историографическое» становится тем, что собственно вычисляется. Жалкое состояние ревностных усилий «историографов» всех мастей легко можно измерить исходя из этого.

Когда мелкие людишки важничают, занимаясь «опровержением», они невольно выдают то, от чего они сделались зависимыми, откуда выучились сущностному, так что больше не могут никакими уловками маскировки скрыть перед знающими свою болезнь. Там, где тщеславие и стремление важничать выглядывает на всех углах и площадках, уместно поэтому возмутиться тщеславием и честолюбием и хвалить превосходство тех, кто допускает все, поскольку они не способны ни на какое решение и буквально все ценят и пробуют. Там же, где еще публичная и всеобщая неосведомленность во всем существенном доходит до этого, подобная гонка обретает наилучшие охотничьи угодья; издательское дело достаточно непорядочно, чтобы предоставлять всему этому прибежище. Тогда это называют расцветом литературы.

«Быть» в то время, когда сущее мчится, обгоняя Бытие.

60 Историография «объясняет», она «устанавливает» взаимосвязи и объединяет все, обеспечивая *какую-то* понятность. Историческое осмысление познает, что все историческое (каждое решение о сущности истины) чуждо другому и в основе истории правит странность, поскольку всякий раз происходит одно и то же, причем в той же самой первоначальности. Историческое осмысление легко поддается видимости того, что оно приводит чуждое к необходимости существенного для него (осмысления) и таким образом все истолковывает исходя из себя. В действительности же в этом должна всегда проявляться как раз первоначальная несравнимость одного и того же с самим собой и неисчерпаемость возвращающегося к себе начала.

Мыслящее мышление, исходящее из сущности Бытия, не вправе стремиться сделать *себя* понятным, но должно не-насиловать путем простого говорения сказанного в неслышанное вынудить «понимающих» стать вопрошающими. Здесь вопрошание является не сомнением и простой жаждой знаний, но началом отношения к Дальним и Приходящим. Говорение получает свою простоту от первоначального.

61 Вершина развития техники достигается не в совершенном устройстве машины и мотора, а тогда, когда «миф» и то, что так называют, делается объектом вычисления, а трагическое оказывается во власти драматургического расчета. Лишь тогда основа истории, сказание Бытия, повсюду разруша-

ется историографией, а трагедия становится «объектом» планирования.

Нужно ли быть слепцами, чтобы нас всегда окружала ночь? Но тот, кто никогда не видел свет, никогда не видел и ночи; и как мог бы увидеть свет тот, кто не открывает глаза в ночь. О чем говорит то, что сияние может быть сумрачным? Светлое и темное не существуют без просвета.

Помещение под рубрику «экзистенцфилософии» — удачная маскировка. Хотя произведенное тем самым полное лжетолкование и историографизация может при свете дня стать надоедливой и побуждать к попытке «исправления». Но все же подаренная таким образом маска всегда заслуживает большой благодарности.

Упомянуть «Бога» и при том говорить в смысле, присущем метафизике (и религии), и все же ничего не думать о самом говорящем, чтобы ничего от него не перепрыгнуло в процессе забрасывания вперед (Vorwurf), которое прежде всего должно находить лишь промежуток бытия и осуществляться им.

62

То, что, как ты считаешь, «имеется» «перед» тобой, всякий раз оказывается позади тебя — и ты сам будешь вместе с ним еще и заброшен. (См. выше S. a).

Все перевешивает вот что: быть призванным обращением <к тебе> Бытия.

Гёльдерлин: если гимны, не опубликованные поэтом, мы будем воспринимать как «наследие», то неверно истолкуем уже всё, даже если мы еще не начали заниматься этими произведениями.

Мы воспринимаем их как оставшееся, незавершенное; тогда сочтут, что знают, исходя из ставшего известным, чем должно было стать «незаконченное»; так мы избавимся от подлинной задачи понять это якобы незаконченное именно как подлинно решенное, другое начало в другом законе, как раз принуждающее всех отказаться от известного. «Наследие» раскрывается тогда как далеко *опережающее* прошлое, которое нас сегодняшних и следующих сегодняшних *еще дальше оставит за собой*.

«Наследие» есть название, вводящее в заблуждение, оно переворачивает подлинное отношение ко времени (*Zeitverhältnis*) и препятствует нам самим распознать в якобы незавершенном То, что скрывает в себе приходящее, из которого мы исключены, пока мы, усердные и якобы преуспевшие, лишь с сожалением и самоуверенно воспринимаем имеющееся как повод для ложного расчета того, что (по нашему — вовсе не достаточному — мнению) могло и должно было бы получиться. Здесь также литературно-историографические названия (т. е. привычные мнения) являют свою ложную сущность и препятствуют подготовке подлинных решений. — Для ницшевского «наследия» имеет значение соответствие (*das Entsprechende*), и только оно — это также предваряется в мышлении, — но в смысле завершения и конца. Здесь нет начала решения. «Лекции» Гегеля еще не приведены в надлежащую взаимосвязь, где отношение к <другим> произведениям *опять-таки* иное. Гегель справился с «Феноменологией», т. е. с «Системой науки», и утвердился в безусловном Абсолютного Знания.

Зачастую находят выход только в детском мире сказок и игр и стремятся его выявить или же оплакать как исчезнувший и толкуют здесь все избы-

точно, понапрасну соотнося с биологическими и эволюционными <концепциями>. Более позднее и давнее время воспринимают как Утраченное детство, не учитывая того, что недостаток надо искать в чем-то ином: в том, что мы соответственно <своей> зрелости не находим <подход> к соразмерному *ей* и переросшему *ее* поэтическому творчеству и образу мышления. На пути бегства в детство складывают оружие перед необходимостью поэтического творчества и мышления, которые, как все это (детство в том числе), непозволительно объяснять и истолковывать в соответствии с возрастом, а следует понимать в происхождении из самого Бытия.

Хорошо известно, что в каждую эпоху различные «поколения» начинают конфликтовать и по-разному понимают «время», т. е. прошедшее, будущее и настоящее, и ведут себя в нем. «Старшим» сегодня не хватает у «молодежи» «знания». Но отсутствие знаний есть уже следствие неспособности к «мышлению», а мышление странно (*befremdlich*), поскольку оно — не просто пустой инструмент — нуждается в связи с бытием и только на его основе осуществимо в форме осмысления. Неспособность к «мышлению» (не просто отсутствие «логической» выучки) проистекает из нарушения настроения. Настроение замыкается перед голосом Бытия; но так как оно (настроение) никогда не может признать себя побежденным, оно находит выход в огрублении сердца, чему дается некое оправдание путем указания на необходимость «четкости» и «несгибаемости». Огрубление распространяет внутреннюю пустоту, которая постоянно должна заполняться звуком своенравного и всезнающего самоутверждения, каковое является лишь зачинателем власти и движется вослед ее засилию. Отсюда и жажда

66 постоянного превосхождения друг друга, а вместе с тем унижения и понижения (прижиматься к тому наверх при одновременном ударе вниз с ожиданием и расчетом тут же оказаться сверху и иметь возможность все больше ударять и прижиматься и меньше, (*якобы*) меньше нагибаться). В действительности эта огрубляющая и выхолащивающая самоуверенность все сильнее попадает в рабство тому, что она, из-за своей неспособности к осмыслению, никогда не может предвидеть, — власти и ее махинации как сущности бытия. Человек ощущает себя всемогущим и сведущим и превосходящим во всем сущем и полагает, что может овладеть Всем, и *служит* только некоему бытию (раскрепощению могущества), которое спряталось в видимости Ничто и держит бессильных над самим собой в постоянно нарастающем заблуждении. Овладение этой видимостью также относится к махинации власти.

67 Как получается, что в подлинном мышлении, которое ведь <является> истиной Бытия, от него происходит, в ее сущности пытается найти основу, существенные шаги часто во всем бывают подготовлены и все же не совершаются? Кроется ли причина этого в сущности человека, в том, что он никогда не может быть перемещен в *Da-sein*, так чтобы он стал им самим, что он скорее всегда, самое большее, может стать настойчивым в *Da-sein*, да и то лишь редко? Между тем его обременяет оглядка на сущее и на прежнее истолкование Бытия. Существенным шагом для нас будет серьезное отношение к знанию того, что философия — одного возраста и одной истории с началом и историей и завершением метафизики. «Философия» существует со времен Платона, и она подходит к своему концу в метафизике Ницше. «Философия» тогда неизбежно за-

меняется «мировоззрением»; эта замена означает <следующее>: философия завершается в не-сущности метафизики, в качестве которой (не-сущности) «мировоззрение» с начала завершения метафизики развивается в абсолютное (со времени *немецкого идеализма*).

«Мировоззрение» потому является правомерной заменой «философии» и одновременно видом и способом «управления» «философией», что она как «метафизика» продолжает существовать, будучи школьной и научной дисциплиной. Философия тем самым становится «схоластикой» «мировоззрения»; «схоластикой» в двояком смысле: 1) она поставляет понятийный инструмент для мировоззрения; 2) она остается в положении *служанки*, открыто или скрыто подчиняясь «истине» мировоззрения и отказываясь от начала изначально-го или даже первоначального вопрошания. Этот процесс относится к завершению метафизики. Его не понимают, усматривая в нем лишь «упадок»; ибо таким образом сравнивают сегодняшнюю «философию» лишь с тем состоянием, в котором она якобы была «свободна» и «расцвела», а в действительности, однако, лишь бесцельно слонялась в том или ином историзме (кантианство, гегельянство, «философия жизни», картезианство (феноменология)). — С метафизикой и ее завершением философия приходит к своему концу. И начало мышления больше не может быть началом философии. Возможно, напротив, это начало может еще долго в форме «философии» делаться неузнаваемым и доступным лжетолкованию. Вот почему мнимое тождество расколото бездной: ругань в адрес «философии» на основе веры в «мировоззрение» — и преодоление «философии» из начала более первоначального мышления в эпоху завер-

шения метафизики. Существенный шаг, исходящий из «философии», — при всей привязанности к видимости простого изменения прежнего философствования — нуждается прежде всего в знании о подлинной принадлежности к границе, указанной истиной Бытия. Этот шаг должен *оставаться* в прологе первоначального говорения.

- 69 Мои «истолкования» без труда можно подавать искаженно как «историографические»; они везде — сплошь и рядом в «лекциях» — делались с намерением высказать несказанное, что выглядит так, будто истолкованное приписывается мыслителям как некое мнение. Во всяком случае истолкование есть сверхинтерпретация (*Überdeutung*), ибо оно переступает границы того, что «тут написано» («*dasteht*»). К тому же здесь присоединяется другая опасность, что при этом «собственное» вопрошание, о «своеобразии» которого и даже «новизне» тут речи нет, все же теряет часть своего своеобразия и *тем самым* создается впечатление, будто оно совершилось уже в мышлении метафизиков. Здесь, однако, необходимо *строго различать*, поскольку дело идет о сообщении необходимого в будущем мышления, исходящего из своего собственного начала; не для того, чтобы спасти некую «оригинальность», а напротив, чтобы познать первоначальность другого начала в истории Бытия, после того как история метафизики познается более сущностно, отказ от нее становится неизбежным. Но соразмерную манеру изложения трудно подыскать, поскольку здесь не может идти речи об «опровержении» или даже о подсчете «ошибок», которые впоследствии будут «исправлены». Творить «лучшую философию» — в этом состоит честолюбие ученых-философов.

Беспомощная, якобы «описывающая» болтовня о «технике» продолжается бесконечно. Братья «Юнгеры» постоянно используют эту тему как повод, чтобы то и дело подтверждать свою всем известную неосведомленность литераторов. И туда, где благодаря Ницше факт новоевропейской техники видится отчетливее (в «Рабочем»²⁵), больше не собираются возвращаться, хотя и там остаются лишь увертки. «Техники» не найти в «техническом», она бытийствует как последний и крайний метод истины сущести в смысле махинации.

70

В ходе детской возни вокруг «немецкой» философии не замечают, что они только идут по стопам «французского», т.е. пропагандистского «националистического» мышления и отдают на произвол судьбы Все Немецкое, осмысление и риск сущностного. И если даже эта возня впала в историзм и при этом откапывалось и суммировалось «немецкое» в прежней философии. Как будто господа откуда-то узнали, что такое «немецкое»; или хотят только найти в ходе этих «поисков»? Не «немецкое», к примеру, важно в «немецком идеализме», но то, что он мыслит сущностное, не то, что немцы достигли этого, но то, что достигнутое является обязывающим для сущности истории бытия и принуждает к еще более решающему вопрошанию. Однако с этими бесплодными поисками немецкого можно без труда принимать вид своевременного и якобы близкого народу, а кроме того, такими занятиями можно восполнять собственную пустоту и неспособность мыслить. Все это находится в рабстве, через которое оставленность бытием сущего вводит своих рабов в среду мнимых господ.

71

25. [Ebd.]

Своевременность есть бессодержательность и тогда, когда она чванится как Единственно Возможное, ибо (для «актуальной» деятельности) единственно высвобожденное, а потому необходимое, а значит обязательное и потому даже «свободное». Сколько мнимой деловитости (Scheinmacherei) заложено в этом поклонении кумиру своевременности? И в какой мере «несвоевременное» есть только запоздалый раб своевременности?

- 72 «Рост» в историческом смысле есть возврат в начало истины Бытия как вос-становление (Auf-stand) из начала. Весь «рост» подобной сущности есть невольное самосокрытие, изначальное знание тишины.

«Экзистенцфилософия», которую Ясперс обосновал и разработал вполне самостоятельно, находит свою сердцевину в прояснении экзистенции, а свой краугольный камень — в метафизике, фасадом же служит (научное) ориентирование в мире. «Экзистенцфилософия» — это некая метафизика субъективности, — но в противовес Ницше и немецкому идеализму является возвратом к Канту, <хотя и> не во всех частях учения. В «экзистенцфилософии», так же, как и во всей «метафизике», вопрос о бытии не обретает ранга вопроса; он остается вообще неизвестным и непонятым, поскольку вопрос о бытии означает выпрашивание истины Бытия.

Молчание может создавать ложное впечатление, что некто желает *Что-то сказать*.

Но молчание может также быть лишь редко понимаемым знаком того, что сущностное должно замалчиваться. Тогда должно было бы существовать вы-малчивание; разумеется, но только в истории уже сказанного.

В отчаяннейшую, ибо самую скрытную и потому ко́сную зависимость *от* своего «времени» попадает тот, кто ставил своей целью несвоевременность. Для него постоянное поглядывание на «время» возводится в принцип.

73

На что нацелена всякая организация? На безусловную, сплошную, по возможности быструю, всегда сменяемую, абсолютно управляемую замену Каждого Другим и Другого Каждым. Здесь-то сущность массы (которая не состоит в необозримом нагромождении), т.е. массовость, становится безусловным «органом» абсолютной махинации. Вот почему «организация» является подлинно «органической».

«Христианская философия». — Тот, кто употребил лишь название или даже мнимое понятие «христианская философия», в дальнейшем избавился от бремени доказательства, которое можно было бы на него возложить, чтобы вначале он еще доказал, что сделал это необдуманно. Ведь он не представляет себе «христианское», не говоря уже о том, что осуществляет его как веру в божье сыновство Христа, каковая вера требует согласия с тем, что Библия есть *<единственный>* источник истины. Возможно, он полагает, что христианство (Christentum) есть христианская религия (Christlichkeit), отождествляя его с партийной ответственностью (Parteinahme) за козни куриальной политической власти папского Рима. Он понимает целостность сущности «христианской религии» лишь наполовину, т.е. вообще не понимает. А «философию» он воспринимает как историографическую игру с общими понятиями, собирание и уравнивание взглядов на «мир» для удовлетво-

74

рения душевных потребностей. Вот и философию он принимает лишь «наполовину», как некий инструмент для украшения своей мнимой «веры». «Христианская философия» является, таким образом, сочетанием двух «половинчатостей». И может возникнуть соблазн подсчитать, что две «половинчатости» в сумме должны были бы дать целое. Но эта арифметика идет по ложному пути, не замечая, что это вычисленное целое может быть лишь целой — т. е. полной (vollständig) половинчатостью, в которой половинчатости не устраняются, но настолько усиливаются, что целое доказывает полную ничтожность представления о некоей «христианской философии». — Однако лишь редко понимают невозможность этого понятия в его определенности, поскольку всерьез ни к «христианскому», ни к «философии» никогда не относятся, вместо этого допускают более безобидные понятия, а потому считают себя укрепленными в этом мнении, так что оно «фактически» существует», — т. е. постоянно возвещается людьми, которые находят в этом свой хорошо просчитанный интерес. Видимо, поначалу многим трудно полностью постичь, что по характеру (Wesensart) «национал-социалистическая философия» ничем не отличается от «христианской философии». Поэтому всякий ясно политически мыслящий человек вполне логично отклонит всякую «философию» в рамках «мировоззрения»; самое большее, она может иметь чисто технически-схоластическое значение.

75

Тот, кто выходит на улицу, например, публикует какой-либо текст, неизбежно оказывается среди зевак. Но зевачи задают масштаб для манеры на кого-либо «смотреть», если это можно назвать «смотрением». Приходится мириться с тем, что ротозейство

встречается повсюду. Пытаться здесь распространять некое поучение было бы глупо. Но молчание будет тогда опять-таки трактоваться в смысле, принятом у любопытных: как недовольство или сомнение. Кто усомнится в возможности, что слово стало необходимым лишь для того, чтобы в результате возникло молчание?

Мое отношение к Кьеркегору. Я никогда не высказывался по этому поводу, поскольку подобное было бы возможно лишь в ходе полемики с Кьеркегором как «христианским мыслителем», однако это понятие толкуется в духе Нового времени и ни в коем случае недопустимо смешивать его с «христианской философией». Говорят, что Хайдеггер <что-то> заимствовал у Кьеркегора, но, отбросив христианскую веру, ложно истолковал в атеистическом духе. С помощью этого кем-то высказанного мнения предполагают, а лучше сказать, — бездумно утверждают, будто вопрошание в «Бытии и времени» такое же, как у Кьеркегора, вот только с отбрасыванием христианского. В действительности вопрос, который вообще впервые ставится в «Бытии и времени», абсолютно чужд всякой метафизике и всецело Кьеркегору. Но почему появляется «Кьеркегор» и почему заимствуется его словоупотребление и «экзистенция» <становится> «экзистентной» («Existenz» «existenziell»)? — Потому что здесь налицо попытка сущностно осмыслить субъективность в рамках западноевропейской, причем новоевропейской, метафизики исходя из *самобытия* человека.

Но для Кьеркегора цель — христианское спасение, для «Бытия и времени» совершенно другой вопрос, не являющийся ни христианским, ни антихристианским, — более того, лежащий вне хри-

- 77 стианства, вне теологии и вне метафизики вообще. Но именно поэтому вынуждаемое вопросом о бытии осмысление самобытия человека становится первой необходимостью, но так, что уже в постановке этого вопроса (исходя из вопроса о бытии и только из него) отвергнута всякая субъективность и человек понимается как Da-sein. (См. примечания в «Бытии и времени», S. 235.) «Философски», в смысле задаваемого здесь вопроса о бытии, можно как раз больше усвоить из назидательных текстов, поскольку здесь экзистентное самобытие входит в знание, а не гегелевская метафизика. Но самобытие Кьеркегора тут же прочитывается в «Бытии и времени» более изначально, — т.е. экзистенциально (existenzial) исходя из точки зрения экзистенциальной (existenzial) аналитики, — т.е. подготовки истины бытия на основе знания о Dasein.

- Пусть считается, что Ясперс секуляризирует Кьеркегора, поскольку он действительно — с помощью кантовской систематики — заимствует базовую установку Кьеркегора (см. тройное членение — ориентация в мире, прояснение экзистенции и метафизика), то есть теологически утверждает трансцендентность, — но делает это не в духе христианской веры. Обо всем этом в «Бытии и времени» ни слова; это клеймят как «атеистическое», — не спрашивая о том, не выносятся ли вообще метафизика в целом и тем самым совокупная теология при постановке более изначального вопроса о бытии за пределы сущностной области решений? Так ли обстоит дело?
- 78

Некто Больнов, автор многочисленных работ, который даже причисляет себя к моим «ученикам» и «это» поэтому должен знать, опубликовал сейчас

текст о сущности настроений²⁶. Писать и высказываться можно обо всем; почему бы не «о» настроенных. «Психиатры» и другие люди, возможно, увлекают из этого некоторую пользу. И они получают ее в изобилии.

И все же — какое отношение это имеет к «Бытию и времени», какое отношение имеет эта писанина к философии, а значит к тому, что сейчас в этом сокрытом моменте мировой истории необходимо решить? Вовсе никакого.

Но Больнов полагает, что имеет. Да, — он «взрывает» и «потрясает» подход и философию «Бытия и времени»; попутно он опять-таки только «дополняет» и пересказывает просмотренные «страницы» и смягчает односторонности. А как поступает обыватель перед лицом этого двусмысленного потрясения и «взрывания»? Он принимает как должное <мнение>, что «Бытие и время» будто бы представляет собой «философскую антропологию»²⁷. В этом воображаемом построении он обнаруживает теперь, причем в доступной для каждого форме, грубые односторонности и ошибки; чем все дело и заканчивается. О том, что здесь вопрошается о чем-то совершенно ином, что (это было бы самым малым из того, на что стоило бы обратить внимание) всякая антропология отвергается, и даже категорически (см. Бытие и время, § IV и книгу о Канте, § 36–38), обыватель, как кажется, ничего не знает или не желает ничего знать. Во всяком случае он имеет бесспорную заслугу в том, что распространил в среде учеников, а затем и вообще, грубейшее жетолкование «Бытия и времени». Пусть ему вы-

79

26. [Otto Friedrich Bollnow: Das Wesen der Stimmungen. Vittorio Klostermann Verlag: Frankfurt am Main 1941.]

27. [Ebd., S. 7 ff.]

падут «высокие» и «счастливые» настроения. Возможно, но лишь совсем отдаленно «возможно», им однажды овладеет весьма подавленное настроение в связи с его «счастливыми настроениями».

Такие явления, как эта писанина, уже стали правилом, имеют свои корни в давно решенной оторванности сегодняшних взглядов от всякого сущностного мышления. Люди спасаются в занятиях философией (*Philosophiebetrieb*), которые старшее поколение часто приводит «молодой смене» в качестве примера. Прежде этому автору в рецензии на работу «О сущности основания» (*D.L.Z.*²⁸) удалось большее. Но сказанное там, видимо, было мыслями какого-то другого человека.

80

Не следовало бы чересчур громогласно возмущаться по поводу психоанализа еврея «Фрейда», если и пока *вообще* нельзя по-другому «мыслить» обо Всем и Каждом только таким образом, что Все как «выражение» «жизни» прежде всего «сводится» к «инстинктам» и «угасанию инстинкта». Этот образ «мышления», который вообще не допускает никакого «бытия», есть чистейшей воды нигилизм.

Чтобы действительно чего-то *не* понимать, мы должны ведь уже кое-что действительно постичь. (См. S. 82.)

Кто сам себя истолковывает, опускается ниже своего уровня. Это суждение справедливо, если придерживаться понятия «истолкования» (*Auslegung*), которое является определяющим на самом нижнем уровне понимания. В соответствии с этим «истол-

28. [См. Otto Friedrich Bollnow: M. Heidegger: Vom Wesen des Grundes. Halle 1929. In: Deutsche Literaturzeitung 51 (1930), Sp. 1879–1887.]

кование» означает: объясняться с непонятливыми <людьми> (Unverständige), теми, кто вслепую и своенравно упорствует в каких-то «воззрениях», неведомо как ставших им известными. «Объясняться» с *этими* непонятливыми людьми в самом деле означает отказ от некоего существенного знания. Но составляет ли *это* объяснение сущность истолкования и самоистолкования? Истолкование есть набросок на еще сокрытое и определяющее. Самоистолкование в подлинном смысле означает непосредственный выход *за пределы* своего уровня и преодоление самого себя. Но толковать себя самого может лишь тот, чьи высказывания скрывают настолько существенное, что из этого проистекает необходимость преодолевающего наброска. Самоистолкование немедленно утрачивает всякий вид самоотражения и занятий самим собой. Это в действительности перемещение в определяющее, которому мы только и принадлежим.

81

Отказываться от *этого* самоистолкования означает тогда: настаивать на своем «уровне». Но тот, кто лишь настаивает на этом уровне, вместо того чтобы постоянно поднимать его, уже начал падать *со* своим уровнем; ему для этого вовсе не нужны другие, с которыми он объясняется или от которых держится подальше.

Надо сказать, что Эрнст Юнгер, которому принадлежит приведенное суждение²⁹, в дурном смысле «истолковал сам себя» в книге «На мраморных скалах», он опустился ниже уровня своего произведения «Рабочий», т.е. не удержал метафизические решения, которых он там, вероятно, не понял и не установил, не говоря уже о том, чтобы повы-

29. [Ernst Jünger: Epigrammatischer Anhang. In: Ders.: Blätter und Steine. A.a.O., S. 226.]

сать их значение. Но вместо этого он теперь «объяснился» с полухристианами и мнимыми защитниками прежнего «образования».

- 82 Что если некая эпоха вбрасывается в избыток расчетливости и рассчитывания всего и даже еще «включает в калькуляцию» этот избыток рефлексированности и причисляет себе сверхнапряженнейшую «рефлексированность» как «инстинкт», иными словами как не-«интеллектуальное» господство изначальных порывов и <методов> обеспечения (Regungen und Sicherungen) «жизни»?

Непонятливость и непонимание —
вопрошание и непонимание.

Непонятливость есть недомыслие как неспособность к сущностному мышлению. Подобная неспособность есть одновременно «не-можествование» и «не-хотение» (Nicht-können und Nicht-mögen).

Вопрошание есть непонимание из страсти Предчувствующего Знания, которое способно удержаться в отношении к сущностному, даже если оно вынужденно пребывает в заблуждении.

Непонимание и непонимание³⁰ поэтому не одно и то же. (См. S. 80.)

Всякое создание какого-либо «текста» должно основываться на <определенном> истолковании; но последнее все же предполагает <наличие> текста; разумеется, — но не так, чтобы оно было на нем основано; напротив, текст немедленно погружается в истолкованность и истолковываемость и в этом открытом <пространстве> удерживается в подвижном состоянии.

30. Так в оригинале. — Прим. пер.

Мы, потомки, — оцениваемые исходя из того малого, чем мы располагаем, — обязаны всегда очень многое примысливать к работе некоторых индивидов, чтобы нечто весьма простое сделалось ясным. И если мы постигнем его, тогда можно также легко и охотно отказаться от многого примысленного. А истолкования можно тогда снова вычеркнуть (см. S. 86) и отбросить как односторонние.

83

Лишь заблудившиеся эпохи, которые единодушно оценивают истину чего-то истинного по числу тех, кто его одобряет, могут полагать, что слово не есть слово, если нет тех, кто достаточно силен, чтобы услышать его голос.

«Гимны» — под этим словом понимают бессмысленные шумные потоки слов, которые беспрепятственно катятся в давно решенном обесценивании слова и должны имитировать настроение и порождать пустой дурман.

Непубличное — это не «приватное», а область решения для настойчивости в истине Бытия.

Ныне оплакиваемая «утрата образования» не опасна. Но опасностью, которую уже не назовешь только угрозой, является процесс разрушения, возникающего в результате нехватки и отсутствия всякой дисциплины в <сфере> «духовного». Уже утрачено понимание того, что в мышлении и говорении первым требованием остается предельная строгость. Сколько еще «культурных достижений» способны возродить эту «дисциплину». Они могут разве что искоренить знание об этом в его последней вспышке.

84

«Крестьянин», шедший когда-то по полю, — и рабочий пищевой промышленности, который сегодня пользуется радио и смотрит кино, имеет дело с «тракторами» и своим «мотоциклом». Борьба против «урбанизации» бессмысленна, если сельская местность уже стала «более городской», чем город.

Если безвкусица и мерзость публичных «чествований» уже не поддаются измерению, то истолкование действительного исходя из эффективности одержало верх. Человек тогда оказывается лишь тем, что он совершает. Но это справедливо для машины и только для нее. И даже при таком чванстве (*Aufblähung*) он все же совершает только то, что он *есть*. А он есть, пока принадлежит бытию. А бытие? (См. S. 86.)

«Гёльдерлин и Вайнхебер»³¹ — «поэт» Вайнхебер³² (допустим, что он поэт); но это сопоставление остается столь же безвкусным и наивным, как и сопоставление «Канта и Хайдеггера»; этим замечанием я не собираюсь, скажем, одобрять отождествление «Вайнхебера» и «Хайдеггера», ведь мы и в других случаях правильно поступаем, что предоставляем <возможность> упражняться с «именами» газетам.

Там и тогда, где и когда язык всецело отдан на произвол истощения и в «болтовне» всякое слово утратило какой бы то ни было вес, беспрепятственное изнурение слова предстает как «естественное» от-

31. [Adolf Beck: Josef Weinheber in seinem Verhältnis zu Hölderlin. In: De Weegschal 6 (1939/40), I., S. 1–6; II., ebd., S. 17–22; III., ebd., S. 65 f.]

32. [Йозеф Вайнхебер (Josef Weinheber) (1892–1945), австрийский поэт, национал-социалист.]

ношение к языку. Всякое говорение на основе опыта сущности того, что должно быть сказано (Zu-sagen), всякая законность и строгость, всякая редкость и достоинство слов неизбежно должны быть заклеены на общепринятом фоне «естественного» трепана — и писанины — как «манерное».

В «режиме» языкового опустошения, всякое конструирование считается «неестественным» и «неорганичным». Здесь, кроме того, становится зримой последовательность, в высшей степени присущая всему зловредному.

86

Избыток примысливания в области сущностного истолкования никогда не бывает избыточным, поскольку мы всегда отстаем от полноты простоты. (См. S. 83.)

Если человек совершает лишь то, что он «есть», и при этом достигает великих успехов, не «есть» ли он великий? Разумеется, — по мерке величия достигнутого, а не по величию бытия. Великие достижения могут как раз стать доказательством ничтожности бытия. Возможно, человек и должен быть весьма ничтожным, совершенно чуждым своей сущности (сохранению истины Бытия), чтобы осуществлять «гигантские достижения» и исходя из них использовать базовую меру для всего; а именно «еще небывалые масштабы».

Времена, лишённые истины, чувствуют себя, как кажется, «прекраснее всего». Правда, это верно лишь на взгляд свиней, но все же это некая «точка зрения», если уж человеческие расы соглашались с ней.

- 87 Все *не* первоначальное, а значит метафизические вопросы, мышление, расчеты и учения и «вера», обязательно нуждается в некоей перетолковываемой по своим меркам «истории» (прошлом). Путем этого перетолковывания начало сдвигается и становится недейственным; оно лишается возможности требовать решений. Всякая историография, которая обеспечивает подобное *переписывание* «истории», гонится страхом перед первоначальным, и в этом гоне возникает опыт и истолкование его как подлинного продвижения вперед. «Прогресс» во всех его возможных облачениях есть «идол», с помощью которого неведомый страх перед началом полностью прикрывается и прикрытое начало заменяется более важными целями.

Если что-либо является «чуть ли не революционным», оно может считаться абсолютно безобидным.

В будущем следует отважиться на непонятное, *всякая* уступка в отношении понятности есть уже разрушение.

К счастью, есть еще и другие немцы кроме Гердера, Шопенгауэра и Вагнера, поваров в пыхтящей паром народной кухне <для бедняков>.

- 88 Когда шум «героической» пьянки (*Trunkenboldigkeit*) станет мерой решимости, тогда Все Сущностное во всей своей простоте предстанет в виде «банального» и будет отвергнуто, прежде чем над этим задумаются.

Хотя Приходящее никогда не может быть увидено прежними глазами, <его> приход должен быть всякий раз замечен. А если этого не происходит,

как хотелось бы сущее представлять Бытие? И так, важно прежде всего не старание не кичиться сущим, но требуется только Одно — стать другим взглядом, бес-чувственным «глазом»: *сущностно мыслить* и отказаться от «доказательств». Но в этом отказе прежде всего и начинается осуществление изобилия (die Erfüllung des Reichtums).

Настает время, когда лишь редко кто может знать о начале западноевропейской истории в мышлении греков, а в этом начале решалась сущность истины. Вот почему вместо того, чтобы жаловаться на возврат к «гуманистическому образованию», мы должны приветствовать сокрытие греческого мира как некоего предания.

Мы не вправе уходить от знания, что первоначальный греческий мир остается отделенным от римского целой пропастью. Что и один и другой лишь в поздний период своего развития под-держивали нечто вроде «гуманизма», причем опять-таки в совершенно разных формах. Важным в кульминационные моменты их истории всегда было решение о сущем в целом — и вновь различными способами.

89

«Анализ ситуации» — что выдают за «философию» — и литературоподобная «критика эпохи» суть крайнее впадение в своевременность; но оно имеет видимость того, будто благодаря этому скрытому порабощению тенденциями времени совершается «прорыв» (пошлее не придумаешь) к «бытию». Адепты, возвращенные современными литераторами калибра Эрнста Юнгера, завершают потом «духовное» смятение, заботясь о том, чтобы ничто не ускользнуло от злословия и «описывания», при постоянном уверении, что, разумеется,

будучи «теологом-авантюристом»³³, находишься только вблизи бытия, как его назначенный дворецкий, чувствуешь себя как дома и все знаешь.

- 90 Но тогда уже не нужна «превосходная степень», хотя из массы преувеличений, как правило, используют ее, забывая о бесчисленном множестве сборных краж, которые из каждого предложения еще глазят на посвященных. Обладая таким количеством подобранного материала, почему бы не изобразить щедрого добряка, который лишь распределяет то, что ему никогда не принадлежало. Теперь открывают у Юнгера даже какую-то «метафизику», — как мне кажется, довольно поздно; ибо эта метафизика, а именно метафизика ницшевской воли к власти, существовала еще тогда, когда не было никакой «битвы, требовавшей огромных материальных затрат», в которой Эрнст Юнгер лишь «узнал» то, что уже знал благодаря Ницше. Если литератор героизирует литератора, то ему не нужны доказательства того, что возвещаемая близь к бытию является надувательством.

Главное и основное в дарении — не отдача, а невозмутимость при очевидной неблагодарности, когда принимают подарок, чтобы его отвергнуть.

- 91 Англичане три столетия назад отказались от всякого сущностного начала. То, чего у них больше нет, у немцев в ближайшие столетия еще не будет. Из этого пустого промежутка возникает война, которая *не* является сущностной борьбой, поскольку ведется ради Ничто ничтожного. Эта война возни-

33. [Gerhard Nebel: Versuch über Ernst Jünger. In: Ders.: Feuer und Wasser. Hanseatische Verlagsanstalt: Hamburg 1939, S. 224.]

кает из оставленности бытием дошедшего до конца новоевропейского человека. Всякая цель, которая дается ему, не достигает сущностного. Однако американцы принимают состояние ничтожности за обещание их будущего, поскольку они всё изничтожают якобы ради «счастья» Всех. В американизме нигилизм достигает своей вершины.

Если уж называть мышление «абстрактным», в отличие от воззрения, которое отвлекается от всего чувственно созерцаемого, то надо также знать, что существует *выдумывание* (Phantasie) *понятий*, превосходящее поэтическую силу воображения поэтов.

Расширение и подготовка и за ними опошление — вот непреодолимые враги сущностного и мыслимых с этой точки зрения «великих».

Самое раннее примерно в 2300 г., может быть, снова будет история. Тогда американизм истощится из-за пресыщения своей пустотой. Вплоть до этого времени человек будет совершать неожиданные продвижения вперед в Ничто, не познав это пространство своей гонки, а значит не сумеет преодолеть его. Память о бывшем и скрыто бытийствующем становится все мрачнее и запутаннее, т.е. вовне «упрощается» до нескольких понятных фраз и мнений. «Историографический балкон» становится «символом» завершенной безысторичности. Вследствие этого некое мнимое богатство входит в историю длительного колебания Нового времени, так что в этом конечном состоянии цивилизованного варварства Одни борются за цивилизацию, а Другие — за варварство с одинаковым желанием подсчета. Так достигает-

ся соразмерная пустоте пустыня, которая непременно распространяет вокруг себя видимость полноты, в действительности небывалой.

- 93 Чистая случайность, которая мимоходом даруется самому мыслителю, хотя он не вправе ничего иметь для себя, есть познание того, как в его говорении несказанное становится явным и все его говорение пронизано скрытыми связями. Эта случайность передается в принадлежность к Бытию.

Немецкая кровь проливается понапрасну, если не отважиться — исходя из сокровенного духа Западной Европы ради сохраняемого духа Европы — на духовное решение западноевропейской истории и не завоевать его в ходе борьбы и долгого осмысления.

Учителя, уклоняющиеся от усилий подлинного мышления и длительного осмысления, не должны удивляться, когда «иллюстрированный журнал» и «кино», сплошные таблицы и кривые становятся предпочтительными педагогическими средствами, а опустошение духа принимается за сам дух.

- 94 «*Культура*»: любой взгляд на «культуру», любое рассуждение, нацеленное на выяснение проявившейся сейчас культурно-«политической» сущности «культуры», легко подвергается опасности ложной критики, которая поспешно разоблачает то, чем должна быть «культура», как «производство», а то, что из выросших истоков должно возникнуть в свободном решении, уподобляет «ансамбле»-подобной суете. Возникает опасность истолкования «культуры» как простого фасада политически-машинной техники. От этой угрозы мы теперь окончательно избавились. Самоистолкование «культуры»

устранило всякую опасность. Рейхсляйтер Бальдур фон Ширах в «программной речи» в Вене только что назвал себя самого «фюрером производства Венского культурного ансамбля»³⁴.

Подлинный вопрос «где мы пребываем?», который должен подразумевать вопрос «кто мы?», служит не «анализу ситуации», как если бы нужно было на предварительно рассчитанной дороге условиться о месте, — действительный вопрос есть возрождение самого времени-пространства из первоизначального опыта истины Бытия.

Простым оплакиванием сегодняшних частично неизбежных явлений в процессе изменений в школе и «образовании», когда современное положение сравнивается с «прежними» временами, ничего не достигнешь. Разве что ради ближайших целей и из-за слепой суеты теперь еще на службу берется «дух». Но борьба ведется не за него и не за «культуру».

95

Легенда о том, что *Ницше* снова открыл «доплатоновскую философию», когда-нибудь всплывет во всей ее «легендарности»; ибо он оставил, пожалуй, *самое поверхностное* истолкование этих мыслителей, т. е. их *идей*, по причине величайшего неведения о том, что сущностному мышлению сохранено как то, о чем нужно мыслить*.

34. [Baldur von Schirach: Das Wiener Kulturprogramm. Rede im Wiener Burgtheater am 6. April 1941. Franz Eher Nachfolge: München 1941.]

* Ницше — последний мыслитель, который принес себя в жертву «платонизму»; ибо, перевернув платонизм, он полностью впутался в него и позволил перевернутому и переворачиваемому окончательно превратиться в одинаковость голого осуществления власти. — *Прим. Хайдеггера.*

Не всякий, кто «мыслит», т.е. представляет понятийно, и, конечно, не всякий, кто «занимается» «мыслителями» (которые говорят существенное и редкое о бытии), есть мыслитель.

- 96 В эпоху абсолютных «войн» исчезает последний остаток знания о сущности *борьбы*: то, что она не уничтожает как противостояние, а спасает противника, предоставляя ему более высокую возможность его сущности, чтобы борющийся таким образом создал возможность сущностного превосходения сущности и тем самым — готовности к истине Бытия.

Попытки научиться истолкованию и имитировать его уже в самом начале оказываются ошибочными, поскольку предполагают, будто для истолкования существует некая схема. В действительности важным шагом любой интерпретации является признание того, что всякое нуждающееся в истолковании заранее требует *своей* интерпретации, отодвигая в сторону все привнесенное вместе с его техническими приемами. Канта следует «по-другому» интерпретировать, чем Платона, а его — иначе, чем Гераклита, — ибо набросок забрасывает и самого истолкователя в раскрывающуюся область уникального говорения. Всякая «историография» как наука связана с «техническими приемами»; она ничем при этом не сдерживается, поскольку всякий раз «обнаруживается» «нечто».

Гнуснее всего «корпоративная корректность».

- 97 Триада «идеалов»: вера, послушание и борьба — характеризуют базовое устройство ордена иезуитов. Эти три требования, однако, закреплены в пред-

варительно упроченной действительности, ибо они осуществляются *ad maiorem dei gloriam*³⁵.

Теперь уже говорят об «абсолютной вере», «абсолютном послушании», «абсолютной борьбе». Это кажется еще более высоким. Но в действительности это вера в веру, послушание по отношению к послушанию, борьба ради борьбы. Это абсолютное цепляется за пустоту ничтожного Ничто: абсолютная беспомощность как принцип воспитания. Можно ли на этом основывать «рейх»?

Кант некогда заметил, что к каждому «новому» можно найти «старое», в результате чего «новое» может лишиться своей изначальности³⁶. — Стоит спросить, не подыщется ли и к каждому старому новое и даже как оно относится к более старому, первоначальному. В случае с последним не поможет ни новое, ни новейшее, ибо оно (первоначальное) остается *за пределами* оценки «старый» и «новый». Первоначальному мы никогда не можем противопоставить что-то пришедшее после, если

98

35. К вящей славе Господней (лат.). — Прим. пер.

36. [Immanuel Kant: Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik die als Wissenschaft wird auftreten können. In: Werke. Bd. 4 — Schriften 1783—1788. Hrsg. von Artur Buchenau und Ernst Cassirer. Bruno Cassirer Verlag: Berlin 1913, S. 255. «[] denn da der menschliche Verstand über unzählige Gegenstände viele Jahrhunderte hindurch auf mancherlei Weise geschwärmt hat, so kann es nicht leicht fehlen, daß nicht zu jedem Neuen etwas Altes gefunden werden sollte, was damit einige Ähnlichkeit hätte.»] — Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. Пер. Вл. Соловьева. «...Так как человеческий рассудок веками по-разному мечтал о бесчисленных предметах, то нет ничего легче, как ко всему новому подыскать нечто старое, несколько на него похожее». — Кант И. Сочинения в 6 т. Том 4, часть 1. М.: Мысль, 1965. С. 69. — Прим. пер.

только не отрицать того, что нам Кое-что известно о первоначальном.

Серьезный ущерб никто не может исправить, если там, где требуется принять важное решение, своему народу предлагается «народное» (ein «Völkisches»). Ведь «народное» определяется исходя из представлений (nach den Befunden) о горлопанах и пустобрехах (Wesenlose). Но им вовсе неизвестно То, в чем вырастают решения.

Варварство состоит не в том, что народы являются «примитивными» и «некультурными», но в том, что чернь получила «образование», и при этом, как выразился некий гауфюрер из доцентов, «завладевает образованием», оставаясь чернью.

О, простодушные!

Мещанство не связано с буржуазностью; оно есть и там, где имеются только рабочие и солдаты. И не каждый, кто надел мундир, этим уже представляет доказательство, что он преодолел мещанство. Возможно, просто введена новая форма.

- 99 Подходящим переводом ставшего сегодня иностранным слова «культура» является выражение: *производство удовольствий*.

Подходящим переводом иностранного слова «пропаганда» является выражение: *искусство лжи*.

Учитывая заботу о немецкости, следовало бы онемечить многие иностранные слова. Тем не менее люди выступают *против* далеко заходящей переводческой мании. Для этого должны быть свои причи-

ны. Почему названия «культура» и «пропаганда» лучше? Почему действеннее обозначать духовное осмысление или хотя бы только волю к этому словом «интеллектуализм»?

Мнимый произвол словоупотребления все же зависит от скрытого закона слова и ложного слова (*Gesetz des Wortes und des Unwortes*).

В происшествиях, следующих друг за другом с головокружительной быстротой и уносящих с собой всякий «интерес», ничего не решишь, поскольку уже все решено, а они — лишь позднее следствие этого решения.

Ужасающая незрелость сегодняшней молодежи не является поручительством за внутреннюю долговременность немецкого рейха.

100

Величественно то, что свобода способна основать вокруг себя и принудить к тому, чтоб испытать и закрепить освобождение к свободе как необходимость.

Видимость истории. — Что это такое, когда «сенсации» делаются величайшей «сенсацией» и эта подделка (*Mache*) используется как подлинная «сенсационность»? Что это такое, когда человека гонят от одной сенсации к другой, и он должен полагать, что провозглашение Другого Нечто как сенсации и есть действительное? Тогда это означает, что историография взяла верх над историей. Ибо «историография» как «научная» <дисциплина> может считаться лишь обывательской формой производства сенсаций, она отличается от сотворения сенсационностей лишь степенью.

«Теория познания» — это определенный род «философии», порожденный западным, французско-английским мышлением. Кантовская «Критика чистого разума» не является «теорией познания», поскольку разум мыслится как «практический» и сверхчувственное в учении о постулатах сохраняет свое первенство. Суть «теоретико-познавательной» интерпретации бытия сущего состоит в том, чтобы понять сущее как предмет, т. е. бытие как предметность, иными словами, представленность (*Vorgestelltheit*). В соответствии с этим нет сущего самого по себе, к предмету относится представленность, к происшествиям — вид переживаемости. Отчетливее всего это западное мышление прослеживается на негативных примерах: стоит только вспомнить какой-либо скандал величайшего «масштаба»; если бы он рассматривался только «сам по себе», он не осознавался бы еще в своем бытии, предметность принадлежит к скандалу, т. е. она есть вид, в каком он предстает. Если было бы возможно, чтобы скандал величайшего «масштаба» полностью (т. е. «без остатка») изымался из публичности и, значит, «не» был представлен публично, вот тогда-то «масштаб» достиг бы гигантских размеров. Подобной предметности, якобы вызванной беспредметностью, можно было бы достичь лишь тогда, когда западному мышлению было бы дозволено стать абсолютным; тогда имелась бы, с метафизической точки зрения, возможность скандала безусловно непревзойденного «масштаба». Кант говорит о «скандале для философии»³⁷.

37. [Immanuel Kant: Kritik der reinen Vernunft. Nach der ersten und zweiten Original-Ausgabe neu herausgegeben von Raymund Schmidt. Felix Meiner Verlag: Leipzig 1926, B XXXTX: «Der Idealismus mag in Ansehung der wesentlichen Zwecke der Metaphysik

Ужасный историзм бродит повсюду в «науках». Больше всех безумствуют историографы искусства с их «девятнадцатым», «шестнадцатым», «двенадцатым» — и т. д. — столетием и безудержной охотой на стили (Stiljägererei) — то, что люди поддерживают это в расовом и народно-ландшафтном <смысле>, придавая ему «конкретность», вовсе ничего не меняет в позиции. Относительно «искусства» не принимаются никакие решения, в крайнем случае <они принимаются> о стилях искусства и течениях в нем.

Удивление разочарованными. — От философии ожидают, что она «объединит» все научные дисциплины, и находят, что подобная философия больше не «существует»; отсюда разочарование. И от философии ожидают, что она даст правило для практически деятельной жизни, а в сердце вложит опору, и обнаруживают, что она этого не делает; отсюда разочарование. И всякий раз заключают на основе этого разочарования, что с «философией» дела плохи. Разочарование всякий раз проистекает из ожида-

für noch so unschuldig gehalten werden, (das er in der Tat nicht ist,) so bleibt er immer ein Skandal der Philosophie und allgemeinen Menschenvernunft [...]» — «Как бы ни считали идеализм опасным для основных целей метафизики (хотя в действительности это не так), нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на *веру* существование вещей вне нас (от которых мы ведь получаем весь материал знания даже для нашего внутреннего чувства) и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению». Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным. — Кант И. Сочинения в 6 т. Том 3. М.: Мысль, 1964. С. 101. — Прим. пер.

103

ний, которые хотя и существуют, но о которых еще не установлено, могут ли они служить масштабом для требований, предъявляемых к сущности философии. Возможно, их повсюду воспринимают лишь извне. Возможно, этот тип суждения вызывает удивление. Возможно, это удивление указывает на то, что философия или то, что она на свой лад заимствует как сущностную задачу, вовсе не оценивает (оценивается) в соответствии с «претензиями» к ней, но, напротив, решение о «претензиях» должно быть принято лишь исходя из того, что она мыслит (как бытие). Возможно, в трудности этого поворота вопрошания вообще заложено препятствие, делающее «философию» недоступной. Не «абстрактность» ее мышления, но укорененная извращенность обыденного мнения всякий раз подвергает опасности удивление «философией».

Сущностное мышление Бытия, что *в будущем* станет «философией», не нуждается в том, чтобы осуществляться как обстоятельный и заметный «прорыв» к чему-то, как некое мероприятие; это мышление есть тишина восприятия того, что настойчивость уже утвердилась в Da-sein. И вот перед обыденным мнением в который раз возникает препятствие, из-за невзрачности и незаметности мышления воздвигающее то, против чего всегда можно ожидать скорее предпринимательское, «основательно заложенное» и только оттуда узнавать «важное».

104

Человек познает всегда только уже известное. Но из какого познания он получает известное?

Серьезный мыслитель ничего не «совершает». Он лишь закладывает основу, а <узнать,> принимается ли основа и становится опорой, не в его силах, даже не в его намерениях.

Порча языка: Вчера по радио утверждали по поводу американской пропаганды, будто Южная Америка рассматривает себя как «настоящее полушарие». Зато у нас уже имеются <специальные> «науки о радиовещании»³⁸.

То, что сегодня католические литераторы пишут об «Игнатии Лойоле», представляет собой чистейший образчик невольного самоосмеяния, какой только можно выдумать. Эти господа не замечают, а если выразиться точнее, делают вид, будто не замечают, как мало они отличаются от *мнимой* тирании авторитарного государства. Разница заключается только в том, что мнимые католически-христианские иезуиты создают *лишь еще одну маскировку* для воли к власти — и это *ad maiorem Dei gloriam*.

Базовый вопрос о сущности истории остается незадаанным, пока осмысление не придет к мысли, а не относится ли *безумие* к процессу осуществления истории. Однако это безумие нельзя понимать в духе «психиатров». Да и вообще вопрос, где лежат области для базового опыта безумия, — тут раскрывается перспектива взгляда на сущность «смысла»: вопрос о «смысле» «бытия». В наши дни под «смыслом» понимается содержание «предложений». Итак, сперва нужно продумать <, что такое> «предложение» и «смысл».

105

38. [Первый и единственный «Институт наук о радиовещании» (Institut für Rundfunkwissenschaft) при Фрайбургском университете был основан осенью 1939 г. См. также труды этого института: Schriften des Instituts für Rundfunkwissenschaft an der Universität Freiburg im Breisgau. Hrsg. von Friedrich Karl Rodemeyer. R. v. Decker Verlag: Berlin 1941.]

История бытийствует тогда, когда единственные одинокие <люди> как основатели сущности истины в высшем взаимном признании проходят мимо друг друга.

В какой мере из следующего «предложения» еще могут быть удалены иностранные слова:

106 В «доселе небывалых» «размерах» «в конечном счете» «введение в бой» становится «полным» для «переживания» «гарантов» «европейской» «культуры», и «это тем в большей мере», что «большевизм» однажды продемонстрирует свою внутреннюю неспособность осуществить большевизм, ибо «крестовый поход» против большевизма только отложен, из-за «политической напряженности», но не насовсем. Осуществление нигилизма есть метафизическая миссия.

Эпоха, в которой недоросли-аспиранты в качестве учеников неудавшихся профессоров философии позволяют себе нападать на таких историков, как Ранке и Якоб Буркхардт, вооружившись «аргументами» (а не «достижениями», например), которых они набрались у недопонятого Ницше, — подобная эпоха может обойтись без «апологетики», провозглашающей ее спасительницей «европейской» «культуры».

Какая разница между следующими процессами: Бармат и Кутискер³⁹ делают хороший гешефт

39. [Иван Барух Кутискер (Iwan Baruch Kutisker, 1873–1927) и Юлиус Бармат (Julius Barmat, 1887–1938) в двадцатые годы <XX века> независимо друг от друга были осуждены к тюремному заключению за крупные финансовые преступления, в которые были вовлечены также некоторые политики.]

на послевоенной⁴⁰ демократии. Учителя народных школ становятся с помощью национал-социалистического мировоззрения «философами», которыми серьезный человек никогда не интересовался. Нет никакой разницы; ибо здесь историческая сущность национал-социализма столь же мало понята, как там историческая сущность парламентской демократии.

Любая эпоха, если уж на то пошло, находит хитрецов и глупцов, которые сознательно и бессознательно обстригают свои самые темные делишки. Это называют «участием в духе времени». В какой мере истолкование Юнгером «современности» должно застревать на внешней стороне? Когда немецкий язык разрушается «в доселе небывалых исторических масштабах», Немецкая академия выдает премию за «труд» о «вибрации ротовой полости при выговаривании немецких гласных». Какие еще задачи остаются для «наук о духе»?

107

Самое высшее — еще вовсе не начавшееся — развитие осмысления истории.

Почему англо-американский «мир» и «большевизм» в глубине связаны друг с другом, несмотря на видимое противоречие капитализма и антикапитализма? Потому что и тот и другой в сущности являются одним и тем же — абсолютным превращением субъективности в чистую *рациональность*. Там этому соответствует в противодвижении «сентиментальное», здесь (в большевизме) тупость азиатчины.

40. Имеется в виду Первая мировая война. — Прим. пер.

- 108 Далеко продвинувшийся момент решения о сущности истории — приписан немцам, — но в связи с притязанием, которое к ним предъявляет бытие. Вот почему невозможно вычислить решение историографически исходя из современности.

Самое трудное в сущностном мышлении — не настойчивость в том, что исключительно подлежит осмыслению, в бытии, но *противостояние* само собой разумеющимся притязаниям, требующим, чтобы это мышление было удостоверено перед ними. Этому притязанию мышление не вправе уступать. Но оно также не вправе обесценивать это притязание и ставить на нем клеймо низкого; однако притязание должно сохраняться в своем праве и осознаваться как неискоренимое, ибо необходимое. Поэтому диалог с этим притязанием обладает своеобразием; на первый взгляд <он> бесперспективен, но все же важен.

- 109 То, что теперь повсюду завершилась дурная система рецензирования, имеет Одну положительную сторону: является решающим, действительно ли тот, кто еще Что-то хотел бы сказать, знает, что он хочет сказать. Но, может быть, Никто больше не желает слушать, и тогда слово будет возвращено туда, откуда оно как подлинное произошло, — в тишину. Четкое разделение способностей всегда хорошо там, где подготавливается начало.

Но порой следует удаляться в самую повседневную повседневность, чтобы оставлять намеки в самом искаженном; но не для того, чтобы его отметить, а тем более опровергнуть.

И вот теперь должна явиться «Европа разума». Помнится, подобные уведомления, приходившие с проклятого «Запада», можно было услышать десятилетия назад. И кто же те разумники, которые тогда хотели знать, что такое разум? Может это знать разум? И разве не в том его глубинная ошибка, что он не знает свою несущность и все меньше разбирается в порождениях своего заблуждения (in den Gemächten ihrer Irre)?

Просьба к слушателям «лекций» — пусть они, дабы 110
«литературно» оценить прослушанное, называют свои «источники»; не для того, чтобы назвать имя докладчика, но чтобы не приписывать ему наполовину понятое как его «учение». Если слушатели спешат скорее продать наполовину понятое как открытия, то это не может служить поводом для того, чтобы возместить поспешность и — лишь из-за угрозы притязания на приоритет и с целью его приобрести и сохранить — отдать то, чем должно обладать *их* время, на произвол преждевременности (Unzeit). Однако и высказанную просьбу к слушателям они едва ли смогут выполнить, поскольку признаком ценителей литературы является то, что они *не* могут различать собственное и заимствованное; ибо для этого они должны были бы обладать *собственным*. Но этот недостаток все же должно замаскировать поспешное обнародование не поддающихся проверке «открытий»; вот почему и весь механизм проворачивания делишек мы оставляем в стороне.

Немногие сегодня еще действительно знают, опираясь на подлинный труд или на еще более подлинное отречение, что «*писание*» есть самое таинственное и потому самое *суровое* ремесло — ручная работа (Hand-werk). 111

Убьют ли большевики одного-*единственного* человека без судебного процесса и следствия лишь потому, что он исповедовал другое убеждение, или сотню тысяч, это *все равно*. Наша эпоха, привыкшая к количественной стороне дела, полагает, что здесь сто тысяч «больше», чем Один, тогда как единственный уже есть максимальная величина, которую невозможно постичь с помощью какого бы то ни было числа. Чтобы не вносить путаницу в немецкий взгляд на проблему, мы не имеем права, в том числе и здесь, опьяняться магией чисел.

В противном случае возникает опасность, что убийство малого числа людей будет считаться во все не столь плохим, как убийство многих тысяч, и что «недочеловечество» будет начинаться только при достаточно большом количестве.

- 112 Как хорошо, что отдельный человек редко может знать, *на что* нужно отважиться, если *мышление* стало необходимым. Рискованное дело, однако, не затрагивает *содержания* какого-либо взгляда, который, возможно, отличается от других и от всех других. Это остается вовне. Рискованное дело возникает потому, что мышление отшатывается даже от самого подлинного, на пути к которому оно находится. И это опять-таки не потому, что нигде не имеется подтверждения и непосредственного одобрения как опоры, но потому что само то, о чем надо думать, Бытие, окружает себя странностью простоты и сверхблизости и позволяет предвидеть изменение человеческой сущности.

О сущности метафизики: «Мировой империализм» может так называться, поскольку он параллельно, с несущественными различиями во внешней «политической» форме, сейчас являет себя *повсюду*

в «мире», т. е. на Земле. Но его название также говорит о том, что область его начинающегося пространства является *одновременно объектом* его воли. И его (империализма) цель (*Abzweckung*) носит различные имена, и в своем именовании <она> является попутной в том отношении, что подлинные цели всякий раз прячутся за какими-нибудь намерениями осчастливить <людей> и «культурными» миссиями. Мировой империализм, однако, сам лишь подгоняется и подталкивается в процессе, который имеет основу для определения и решения в сущности новоевропейской истины. Базовая форма этой истины раскрывается как «техника», для установления ее сущностных границ обычных представлений уже недостаточно. «Техника» — это имя для истины сущего, поскольку оно (сущее) есть безусловно опрокинутая в несущность «воля к власти», т. е. *махинация*, которую следует мыслить метафизически-Бытийно-исторически. Вот почему *всякий* империализм *сообща*, а значит в попеременном усилении и уничтожении, движется к *высшему совершенствованию техники*. Их последним актом будет то, что сама Земля взлетит на воздух, а нынешнее человечество исчезнет. Причем это будет не несчастьем, а первым очищением *этого бытия* от его глубочайшего искажения в результате господства сущего.

113

В процессе, который мы постигаем лишь поверхностно, пока мыслим его как «мировой империализм», абсолютная субъективность приходит к своему завершению еще и с той точки зрения, что для человека сейчас *вообще не остается* на Земле *никакого выхода*, т. е. самодостоверность Subjektum сейчас безусловно схвачена и заключена в ее самой собственной несущности, рефлексивность (*Rück-beziehung*) в смысле абсолютной рефлексии сделалась окончательной. Эта абсолютная самоза-

114

хваченность (Selbstbefangenheit) человечества в его собственной метафизической растерянности *подтверждается* тем, что сейчас для здравого смысла, опустошенного до наибольшей здравости, все это предстает как «широта» и «полнота» и «свобода». «Видеть» все это означает только понимать оставленность бытием сущего. Но *как* все же сопоставлять (entgegenbringen) ее еще как бытийствование бытия с забвением бытия? (Во время поездки к хижине.)

Прокладывай к Бытию тропинку за тропинкой и старайся, чтобы они не превратились в дорогу. Как еще «прихорашивается» сущее, уже безразлично, ведь оно не обладает истиной.

- 115 Дурное в сущем никогда не может стать скандалом в бытии; ибо бытие дурного все еще есть бытие, а значит сокрытие.

В какой вид опьянения растущая мания цифр (Zahlen-Rausch) вырождается в конечном счете?

Простак думает, что безумие — это, мол, просто заблуждение. С безумием связана абсолютная значимость систематического в самой собственной системе. Не бывает безумия без организации.

Прежде были только дипломированные инженеры, дипломированные специалисты в машиностроении и канализации. Наконец появились и «*дипломированные психологи*». Уже вновь есть непонятливые люди, которые приходят от этого в ужас. Но мало-мальски сведущий не будет отрицать того, что человековедение (Menschenkunde) неизбежно должно стать технологией «обращения с» людьми.

ми (Menschen-technik). С настоящего времени уже больше не окажешься в опасности, считая «психологию» своего рода «философией». Но, пожалуй, сейчас также уже излишне особо заботиться о *реши- 116*
тельном удалении психологии от соседства с философией. И без того эта попытка чревата сложностями, ведь «философия» существует только по названию: расчет однозначен — дипломированный инженер, дипломированный экономист. Дальше будет: дипломированный поэт и вообще дипломированный работник культуры.

О сущности языка и слова или: немецкий язык в ходе реорганизации и протитуирование так называемой «немецкой науки». «Новый разговорный язык», поскольку в его формировании участвовали также «вне-немецкие народы», очевидно, больше не является *немецким* языком. Новое построение стало сейчас организационно-технически управляемым, а потому куда более действенным видом прежнего международного воровского жаргона (Gaunersprache). Назначенный руководитель Организации нового разговорного языка, д-р Э. Цвирнер⁴¹, является *превосходным* исследователем, так что новое предприятие в надежных руках. Дру- 117
 гой вопрос связан с тем, каким образом из «нового разговорного языка» возникнет новая «поэзия». Чтобы здесь не упустить благоприятную возможность «органического развития», следовало бы порекомендовать как можно скорее организовать рабочее объединение нового исследователь-

41. [Эберхард Цвирнер (Eberhard Zwirner, 1899–1984), с 1940 г. Директор Института фонометрии Общества имени кайзера Вильгельма, а до этого руководитель отдела в Институте исследования мозга в Обществе имени кайзера Вильгельма.]

ского института с «Имперской палатой по делам культуры». Так можно было бы избежать опасности того, что «язык» вырождается в чисто «техническую» «проблему» и будут утрачены <его> функции для «культуры». Таким путем можно было бы сделать преимущество, предоставленное немецкому элементу в «новом разговорном языке», руководящим принципом. Пока «Общество имени кайзера Вильгельма» занимается лишь «регистрацией» новых словообразований, простая «проституция» остается фактом. Руководящие органы должны были бы обратить внимание на то, что из выше рекомендованного сотрудничества «Института нового разговорного языка» и «Имперской палаты по делам культуры» вообще возникает новая возможность *формирования новой «филологии»*. Видимо, настало время отказаться от прежнего взгляда на «филологию» и освободить ее от привязки к истолкованию древних авторов и текстов. Вместо этого наука о языке должна приблизиться непосредственно к «живому» становлению нового языка. В результате она не только обретет «близкий к жизни» объект, но сама получит возможность вмешиваться в управление становлением языка. Так «наука» наконец сделается непосредственным «политическим делом». Ей тогда уже больше не понадобится искать прибежище во все более сомнительных и судорожных усилиях консервативных и гневных сторонников прежнего, которые в данный момент все же какими-то окольными путями пытаются доказать задним числом пользу своих наук для нации. Переделка филологии по образцу нового института грамофонных пластинок может, кроме того, дать новый толчок устаревшему «Философскому факультету».

1941

«Возникновение нового разговорного языка.

Берлин, 13 июля. Общество имени кайзера Вильгельма по развитию наук по согласованию с рейхсминистром науки, воспитания и народного образования приняло в свой союз немецкий *языковой архив в Брауншвейге*, которым руководит д-р Эберхард Цвиернер. В институте с помощью фонометрических грамофонных записей регистрируют и описывают внешний облик немецкого языка. Благодаря созданию <промышленной корпорации> «Рейхсверке Германн Гёринг» и завода «Фольксваген» в районе Брауншвейга было собрано пестрое сообщество выходцев из самых различных провинций и земель. Здесь возникла особая возможность для науки наблюдать и фиксировать образование нового разговорного языка вследствие постепенного сплавления языков самых различных германских племен, а также вне-германских народов»⁴².

Жуткое впечатление должны произвести опубликованные сейчас сообщения о большевистских застенках.

119

Новосозданный Институт по изучению нового разговорного языка, вероятно, приобретет важное значение в области народного просвещения, в его задачи войдет забота о том, чтобы правильное обучение языку препятствовало грубым ошибкам в словоупотреблении. Прежде все это должно было осуществляться лишь попутно и как бы с помощью

42. [Текст представляет собой газетную вырезку, вклеенную в тетрадь. Из какой газеты взята эта вырезка, установить не удалось.]

учительской палки. Прежде, например, наказывали служанок, не желавших отвыкнуть от лексикона, специфического для служанок. Все без толку. Они все еще пишут в конце своих благожелательных писем: «в надежде на то, что сие письмо застанет Вас бодрыми и в добром здравии».

Верным признаком самобытности и чистоты человечества, обладающего своей сущностью и основывающего историю, является его *отношение к языку*. Там, где это отношение становится неопределенным и доходит до равнодушия, уже потрясены все сущностные основы народа. Внешние разрушения являются лишь позднейшими последствиями уже существующего опустошения.

- 120 *Начало войны против большевизма* наконец-то освободило многих немцев, обеспокоенных якобы слишком тесными связями с Россией, от этого бремени. Лишь позднейшие времена смогут верно оценить «документ», который был предъявлен мировой общественности утром 22 июня 1941 года. Уже первая фраза позволяет заглянуть в то время, непосредственно предшествовавшее началу войны. «Настал час, когда, отягощенный тяжкими заботами, осужденный на многомесячное молчание, я наконец могу говорить открыто»⁴³.

Одновременно сейчас проявляется «коварство» большевистской политики. Еврей Литвинов⁴⁴ снова появился <на политической сцене>. По поводу

43. [Domarus: Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Bd. II. Untergang. Zweiter Halbband. A.a.O., S. 1726.]

44. [Максим Максимович Литвинов (1876–1951), первоначально народный комиссар иностранных дел Советского Союза, а с ноября 1941 г. посол в Вашингтоне.]

50-летия главный редактор московской газеты «Известия», известный коммунист Радек⁴⁵, написал следующее: «Литвинов доказал, что он умеет по-большевистски, пусть лишь на время, искать юзников, где их вообще можно найти».

121
 Почему мы слишком поздно сознаём, что Англия действительности далека от западноевропейских взглядов и не может быть близка им? Потому что мы лишь в будущем поймем, что Англия начала обустраивать *новоевропейский* мир, а Новое время по своей сущности направлено на разнуздание хищности на всем земном шаре. Вот и идея соглашения с Англией в смысле распределения «привилегий» империализмов не затрагивает существа исторического процесса, который Англия доигрывает до конца в рамках американизма и большеизма, а также одновременно и мирового еврейства. Вопрос о роли *мирового еврейства* — не расовый, а метафизический вопрос о таком роде человеческого, который может *абсолютно бесцеремонно* занять — как всемирно-исторической задачей — выкорчевыванием всего сущего из бытия.

[УКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ]

1913, 31

Англия 6, 96

«Бог» 62

Борьба 96

[Карл Радек (1885 — предположительно 1939), в 1920-х годах член ЦК РКП(б), журналист, в 1937 г. на одном из московских показательных процессов осужден на 10 лет заключения в лагере, где пропал без вести.]

- величие 1, 91, 100
власть 2, 23 слл., 64 слл.
война 38
вопрошание 60
«время» 21, 72, 73
Гёльдерлин 7, 31, 46, 48, 62, 85
Гердер 17 сл.
гибель 67
гигантское 34, 52
«гимны» 83
господство 13, 19, 32 сл.
греческий мир 13, 88
«гуманизм» 46
дарение 90
диалектика 19
«достижение» 84, 86
дух 41 сл.
заброшенность а, 62
загадка на приз 50
«иезуиты» 97
«инстинкт» 81
«интеллектуализм» 36
истолкование 69, 80 сл., 82, 83, 86, 96
историография 22, 30, 58, 59 сл., 71, 102
история 30, 55, 58, 59 сл., 87, 92, 100, 105, 109
«крестьянин» 84
«культура» 93 сл., 99
Кьеркегор 76 слл.
лекции 110
«литература» 10
махинация 16, 30, 38 сл., 64 слл., 73
метафизика 15, 40, 48, 67 сл., 112 сл.
молчание 72
«мраморные скалы» 35, 43, 54
мышление 14, 30, 60, 64, 66 слл., 88, 91, 93, 95, 112

- «наследие» (литературно-историческое понятие) 62 сл.
«настроение» 39
«наука» 35, 44 сл., 119
начало 31, 87
«Немецкая» философия 70 сл.
нигилизм 79 сл., 104
Ницше 12, 14, 31, 34, 48, 63, 95
Новое время 55
образование 38
«организация» 73
«организм» 18
перелом 8
писатель 42, 59
платонизм 95
посредственность 52 сл., 55 сл.
поэзия, поэтическое творчество а, 56, 64
просвет 61
«реализм» 1
решение 6, 32
родина, родной край 49
Россия 6
«рост» 72
«анализ ситуации» 89, 94
скука 43
слово 32, 83, 85, 107, 108 сл., 116 слл.
«Старое» и «новое» 97
стиль 34
страх 47, 78
субъективность 18 сл., 31 сл.
сущность (οὐσία) 13
сущность 55
«теория познания» 100 сл.
техника 5, 13, 36, 42, 58, 61, 70, 122 сл.
ужас 52

университет 2 сл., 8, 44 сл.

«филология» 117

философия 11, 20, 22, 28, 30, 47 сл., 66 сл., 70 сл., 73,
102 сл., 108

храбрость 6

«Христианская философия» 73

«экзистенцфилософия» 61, 72

Юнгер, Эрнст 57, 70, 80 сл., 89 сл.

Размышления XV.

Все ссылки на историографически постижимое, на события (Begebenheiten) и на современное подразумевают только безысторичное, преходящее и оставляемое позади. Но иногда нужно упоминать эту затрепанность мелькающей видимости скрытой истории, лишь для того, чтобы иметь точку опоры, на которой можно было бы осуществить оставление. Это относится и к *планетаризму* и к его *идиотизму*.

Если в сфере человека для завоевания какого-либо сущего из ряда других сущих требуется принести такие жертвы, как жертвы на войне, чего же тогда требует собственно от человека сбывание одного слова Бытия.

Исходя из сущего еще меньше можно постичь Бытие, если вопрос ставится только об их различии. Скорее можно захотеть узреть из степи горный лес, чем из сущего прийти к бытию. И все же господствует коварное <мнение>, будто путь от сущего к бытию есть «самый естественный».

Великое несчастье, повсюду угрожающее новоевропейскому человечеству и его истории, состоит в том, что ему остается недоступной *гибель*, поскольку погибнуть может только первоначальное. Прочее околевает, причем в бесконечном, которое предлагает возможности собственного типа «бесконечностей».

Решение, которое еще опирается на сущностную невозможность всей «мировой истории», состоит в том, основана ли душа (Gemüt) бытием, где благоговение перед достоинством как первоначальностью бытия в который раз берет верх над брутальностью сущего, настроившейся на бесконечное постоянство (Beständigkeit).

Если история подходит к концу, уже должно бытийствовать некое начало. Но его первоначальность скрыта. Она может быть просто гибелью; или гибель есть переход в другое начало и приходит уже из него.

Одни только прошлые <мыслители> были способны ответить на вызов, брошенный мышлением. Нынешние — только современники мимолетного. А будущих мы никогда не достигнем. Но бывшее указывает на первоначальное. И лишь начало содержит приходящее.

Освободиться от стремления к прибежищу в подтвержденном есть первый шаг предмышления в бытие. Таким образом, мыслящие, чтобы быть едиными в единственном, не нуждаются ни в какой общности.

Все больше распространяющийся страх перед «мышлением» связан с неспособностью к *опыту*. Подлинный опыт не нуждается в «эмпирии». Он состоит в настроенности через бытие. Здесь вырастает понимание, что существует некая фантазия понятий, которая стягивает все сущее в сущностное бытия, а вовсе не «абстрагирует». «Абстрактное» как пугало для публично шумящих «героических» <дейтелей> когда-нибудь снова всплывет как свидетельство

убожества эпохи, не создавшей вплоть до настоящего времени ничего из того, что громогласно осуждавшийся XIX век заложил в сущностной основе истории. Одно то, что в этом столетии завершилась западноевропейская метафизика, придает ему важность, отличающую его от предшествующего, и дарит ему историческое предназначение, ибо за шумом XX столетия оно остается исторически значительным, пусть даже этому столетию пришлось осуществить попытку изгладить из памяти все подлинно бывшее в истории, предложив <взамен> только свою деловитость и бессмыслицу американизмов.

2

Говорят о том, что сейчас война моторов превзошла простую битву материалов (Materialschlacht)¹, и прежде всего потому, что она снова использует «движение». В действительности битва материалов лишь сейчас достигла уровня своей сущности, материя стала еще материальнее и в результате более монопольной. Человек всецело находится в услужении у машины, хотя и полагает, да и делает вид, будто владеет ею. Кроме того, материя, будучи сущим, вообще и никоим образом не имеет своей сущности в вещественности, ее бытие можно обозначить, согласно метафизическому образу мысли, как «дух». Входя в свою *сущность* благодаря подвижности и движимости, материя становится «духовнее» и тем самым как раз «материальнее»; и именно так прежде всего она движется к своей насильственности и начинает соответствовать по сути уже господствующему бытию (брутальности). Признаком действительности всякого действительного в конце метафизики является

1. Война с огромными затратами военной техники и человеческих ресурсов. — Прим. пер.

способность к брутальности. В ней и заключается «овладение» техникой.

3 С надвигающимся концом метафизики труд мыслителя становится все безначальнее (unanfänglicher). Напротив, первоначальное по объему незначительно (das umfänglich Geringe); оно не нуждается в «масштабах». Равным образом и не всякое скудное в количественном отношении является уже началом или хотя бы только его предвестником.

В эпоху, по словам ее представителей, утратившую почву, собственное мышление движется в некоей «мыслительной форме», «принадлежащей прошлому»; это могло бы стать хорошим подтверждением правильности пути, если бы собственное мышление еще не дошло до того, чтобы не только не воспринимать презрение к современным суждениям как своего рода освобождение, но даже уклоняться от этого презрения как от последней связи со временем.

Там, где царит безмерное, «масштабы» становятся ничтожными (nichtig), поскольку их усилившиеся чередование заставляет забывать всякую меру. Забывчивость необходима, чтобы в абсолютной несущественности сущего поддерживать видимость того, будто «цели» достигаются, тогда как не разрешается даже желать какой-либо цели.

То, что творят власть и ее сущность, необходимо. Но необходимым является не высвобождение власти в уникальность определения бытия. Приходящее: превращение власти в достоинство. Изначально другая *расположенность* (Mut).

Схоластика <вокруг> Канта или мистика <вокруг> Гёльдерлина, а то и перебранка между обоими или какая-либо другая «историографическая» деятельность — все это равнозначно. Нигде тут осмысление не попадает в первоначальность. Тут вообще нет осмысления и следа знания о том, что относится к осмыслению. Лишь продолжается прежняя шумиха.

Зависимость от противника в дискуссиях может стать настолько решающей, что принудит к уподоблению его сути и приведет к утрате собственной сути. Всякая победа над противником является тогда лишь еще одним упрочением собственной несущности. Всякая победа и успех есть уже поражение в виде и направлении способности и желания.

Пляска смерти взвихривает сейчас *animal rationale*, достигшее несущности (*im Unwesen angelangte*).

Заблуждения: полагают, будто бытие пребывает в сущем, сущее есть действительное, действительное состоит в действенности, а действенное делает ненужным осмысление.

Тексты и книги о действительном, которое «существует», поистине <никому> не нужны; ибо действительное при необходимости позаботится о своей действительности. Но трактат о том, чего вообще не «существует», мог бы иметь какое-то право на существование, пусть и не имея никакой пользы. Но кто захочет читать рассуждения о том, чего вовсе не существует? Они написаны не для тех, кто не хотел бы или хотел бы, но только для тех, кто *должен* <это делать>.

В эпоху безусловной оставленности бытием происходят заметные, а потому «великие» для расчетов события (Begebenheiten). Однако что-либо решающее тут не может происходить, ибо на кону ничего не стоит, ведь все утратило свой внутренний вес и каждое весит одинаково много, т.е. одинаково мало. Это своего рода «величие» невозможности решения.

6 «Безусловная истина» означает в новоевропейском мышлении, — для которого истина стала настоящей достоверностью, — то же, что и безусловная обусловленность отбора фактов и срезов в сообщении об этих фактах. Так возникает гигантская правильность (Richtigkeit), на основе которой индивид никогда не сможет решить, что истинно, а что ложно. Это различие угасает как устаревшее. А еще нам не хватает предпосылок, чтобы продумать сущность безусловной обусловленности. Можно предположить, что этот вид «истины» бесконечно далек от того (т.е. значительно превосходит все то), что иногда именуют «нигилизмом». *Супранигилизм* вновь ведет к «реальности», а именно к реальности всецело недостойного Ничто. Тот, кто слеп к сущностям (der Wesensblinde), полагает, что ничего подобного не «существует», ведь «он» его не «видит». Возникает вопрос, в какой степени в своей противопоставленности христианский супранатурализм и супранигилизм взаимосвязаны и являются одним и тем же.

Мы имеем задачу. Остается лишь вопрос, способны ли мы *быть* самой этой задачей. Все немцы погибли напрасно, если мы не прилагаем ежечасно усилий, чтобы за пределами теперь всецело разнужданного и окончательного самоопустошения сово-

купного новоевропейского человечества был спасен зачаток немецкой сущности.

Историография вычисляет, где она обнаружит взаимосвязи, одновременно с зависимостями и влияниями. Лишь так она заранее обеспечивает <себе> поле для выводов и объяснений. Для нее остается чуждым, что исторические «взаимосвязи» состоят как раз в изначальной странности и что бытие другим проистекает из первоначальности, которая уже определена исходя из сущности истории. Несовместимое в каждом первоначальном невозможно уравнивать или хотя бы только понять в «форме» простого «противоречия», которое затем можно еще «диалектически» подправить, преобразовав во взаимосвязь.

Первый и решительный шаг к безусловной моторизации человечества сделал советский социализм; остальные всегда следовали за ним по сути в вынужденном противоборстве. Этот социализм прежде всего распознал в себе ту систему безусловного уполномочивания власти, в которой техника обретает положенное ей окончательное метафизическое место. Советская власть есть по слову Ленина: «Социализм + электрификация». В области этих сущностных шагов по завершению метафизики как махины важно не то, кто выдерживает эту систему безусловной власти, а то, кто ее в ее сущности первоначально познает и отваживается на нее. Все прочее есть эпигонство. Там, где машину не осмеливаются принимать за антибога и тем самым безусловно практикуют а-теизм, всякая болтовня о том, что человек «овладевает» техникой, остается <проявлением> беспомощной растерянности (Verlegenheit). Метафизическое убожество итальянцев по сравне-

нию с русским началом (*Russentum*) становится очевидным. Лишь безусловные человечества, которые не страшатся крайней субъективности, достаточно сильны, чтобы безусловно подчиниться метафизической сущности техники. Но и русскость не достигает этой безусловности. (См. S. 9.)

Нужно проделать длинный путь, пока мышление станет так просто мыслить исходя из того, о чем надо мыслить, и отвечать лишь бытию, так что оно уже больше не запутается в своих собственных сетях, поскольку это уже не сети и силки, но принадлежность сбывшегося-о-своенного (*ein Zugehöriges des Er-eigneten*).

- 9 Американизм есть историографически установимое явление безусловного околевания Нового времени в опустошение. Русское с его сочетанием brutality и косности обладает корневой областью подпитки в своей земле, которая предопределила свою мировую неповторимость. В противоположность этому американизм есть нахватывание всего, а это всегда означает одновременно и лишение нахватываемого корней. Как только это доходит до состояния чисто исторической реализации и безусловности, все хотя и становится доступным, но вместе с тем также каждый лишается своего истока. В эту метафизическую зону опустошения русское не опускается; ибо оно, невзирая на «социализм», хранит в себе возможность начала, которая изначально напрочь отсутствует у американского. Русское, несмотря ни на что, слишком привязано к почве и враждебно относится к разуму, а потому неспособно перенять историческое предназначение опустошения. Чтобы заимствовать и обустроить и закрепить как позицию забвение бытия, необходима в высшей степени законченная и все рассчитывающая *разум-*

ность, которую по желанию можно назвать и «духовностью». Лишь этому «духу» по силам справиться с исторической задачей опустошения. Роль прислужника в этом опустошении взяли на себя англичане, этот «народ господ». Метафизическая ничтожность их истории становится теперь очевидной. Они пытаются спасти эту ничтожность и вносят тем самым свой вклад в опустошение.

Настанет время, когда, выступая против американизма и отсутствия у него корней, будут ссылаться на западноевропейскую историю Европы. Допустим. Но правомерна ли сама эта ссылка? Может ли она быть правомерной, используя «европейскую культуру» разве что как имеющийся реквизит и отсюда от случая к случаю показывая нечто бывшее, за что «современность» не несет никакой ответственности? Когда же западноевропейская ссылка на Запад обретет свое сущностное право? Как ей самой прежде познать Западноевропейское как историю и раскрыться навстречу приходящему, вместо того чтобы, — будучи невеждами во всем, — подражать американизму, даже не зная меры в этом? Откуда берется право ссылаться на собственную историческую сущность, если делается все, чтобы похоронить способность понимания этой сущности?

Возражают: но ведь «духовные», мол, не способны добиться успеха, <хотя> у них есть возможность для этого. Но не будем спешить! Какое требование здесь выдвигается, когда говорят, что они, дескать, должны «добиться успеха» (*durchsetzen*)? Какую свободу даруют здесь, когда выдвигается требование «вступить в бой» (*einsetzen*)? Не было ли таким образом все это уже предрешено, то, что ведь должно быть осмыслено первым? Таков ли, в самом деле, сущностный тип «духовного», как его традиционно называют, что он «реализуется» в «до-

стижении успеха» (*Durchsetzung*). «Достижение успеха», <состоящее в том,> — чтобы вербовались и объединялись последователи, а верующие обучались этому, повсюду такие, кто не желает и не способен *когда-либо* постичь отношение к существу дела? «Достичь успеха»? А что если дело заключается в подготовке себя к тому, что есть нечто такое, что вовсе не нуждается в достижении успеха, но требует почтения и долгого осмысления и упорного ожидания? «Достичь успеха» — так, как «достигает успеха» какой-нибудь тип автомобиля в автомобильной промышленности. «Добиться успеха» так, как вожак людских масс добивается внимания к своим словам, причем у каждого по разным поводам, а зачастую вообще без повода? «Добиться успеха» — как будто существенное является каким-то «делом» и какой-то вещью среди «фабрикуемых» и лишь после удачи в этой области обретает свое сущностное право.

12 «Добивайтесь успеха» (*setzt euch durch*), — призывают нас. Нет, — остановитесь (*setzt euch aus*)! — отзывается мы, — откажитесь от соблазна упоения добившихся успеха и от мнимой действительности «достижения успеха». «Добивайтесь успеха», — разве тем самым американизм уже не возводится в принцип? Чего вам еще надо?

Зараза этой якобы естественной и распространенной претензии на «достижение успеха» как масштаб значимости всякого человека мешает уже самой *возможности* осмысления. И здесь уже началось опустошение. А что тогда <говорить> после «дискуссии» с Америкой?

Подвергните себя сущностной нужде бытия. Усвойте сперва, что никакое «биологическое» выращивание (*Aufzucht*) человека и никакое антропологическое восхваление ни на что не способ-

ны, если не бытие определяет отношение человека к нему и все первоначально решает человеческое существо. Не уклоняйтесь от возможностей, которые наша история готовит для этого осмысления и изменения, но отбросьте тщеславие, присущее «современным» <людям>, которые меряют своей меркой мировую историю, как торговец тканями — своим метром.

«Новоевропейский» человек собирается стать рабом опустошения.

Чтобы действовать исторически, как подобает историческому человеку, нужно прежде всего быть настойчивым в сущностном, и эта настойчивость первоначально уже принесла сущностное всей сущности.

13

«Политика» имеет новоевропейскую сущность и как таковая является всегда политикой с позиции силы (Machtpolitik), т. е. организацией и осуществлением уполномочивания власти в захваченном ею сущем. Крайний метод и высший акт политики состоит в том, чтобы втянуть противника в ситуацию, в которой он будет вынужден заняться собственным самоуничтожением. При этом политика должна быть способна на длительное усилие и иметь длинные руки, и не бояться долгое время принимать удары; она не должна дать временным поражениям сбить себя с толку.

Не «образовывать» (bilden) никаких «типов» (Typen), но передавать <воспитуемых> в собственность бытию и хладнокровию сущностного предчувствия.

Лишь теперь и достаточно поздно открывают «американизм», и опять-таки половинчато как политическое соперничество (см. выше S. 8).

Отсутствие всякого самопознания приводит к тому, что сущностное тождество этого явления со всеми прочими на планете остается непонятым и историческая основа их всех не определяется. А является ею *планетаризм*: последний шаг махиначионной сущности власти к уничтожению нерушимого на пути опустошения. Опустошение способно уничтожить нерушимое, не задерживаясь на том, чтобы вообще постичь его. Но опустошение подрывает возможность сущности первоначального. Ибо нерушимое — это не где-то существующее постоянство, а первоначальность.

Сущностно достаточным для исторического предопределения является не уничтожение, не упорядочивание или переустройство, но лишь поэтизация (*Dichten*) сущности бытия и выстраивание основанной принадлежности к нему <бытию>.

- 15 *Планетаризм* есть историографически мыслимое определение всюду одного и того же, — объемлющей всю Землю оставленности бытием сущего. Тождественность и уравнивание человечества по способу осуществления жизненного порядка, несмотря на кажущееся различие происхождения и значимости «культур» и национальных (*volklich*) особенностей (*Bestände*) (Япония, Америка, Европа), имеют свою сущностную основу в том, что сама власть, в той мере, в какой она достигла абсолютной полномочности, требует одного и того же и однообразия все более простых средств. Любая власть стремится расшириться и при этом наталкивается на другую в той же самой махиначии. Эта сущностная одинаковость является основой историографически устанавливаемой тотальности и абсолютности сущности власти (*Machtwesens*).

В начале третьего года планетарной войны. — Обыденный рассудок желает просчитать историю и требует «итога». Кроме того, есть такие люди, которым не поможешь этими убедительными расчетами. Пока люди мыслят только историографически, а не исторически, а вдобавок еще увязывают планетаризм с переменами в истории, вместо того чтобы применять его только (да и то в крайнем случае) географически в качестве рамок «историографических» событий, пока во внимание принимаются лишь «факты», которые истинны всегда лишь частично, а потому вводят в заблуждение, возможно, будут справедливыми следующие утверждения:

16

1. Мы одерживаем победы вот уже два года подряд.

2. Число нуждающихся в снабжении растет, поскольку завоеванные области также попадают в блокаду.

3. Подлежащие управлению области все больше расширяются.

4. Возможности политических переговоров полностью исчерпаны, поскольку отсутствуют партнеры.

5. Война на несколько фронтов, от которой, считая ее главной опасностью, отказались благодаря гениальной политике, стала фактом в результате собственного решения.

6. Возможность <принятия> важного решения в ходе единственно еще остающегося <реальным> *военного* противоборства исчезла.

7. Во всех сферах наступления и планирования единственной очевидной целью является простое «и так далее».

8. Происходит уравнивание воюющих сторон в методах действий.

9. Мировое еврейство, подстегиваемое выпущенными из Германии эмигрантами, повсюду неуловимо, а при всем расширении боевых действий нигде не обязано участвовать в боях, а нам только остается жертвовать лучшей кровью лучших граждан собственного народа.

10. Подходящую маскировку этих европейско-немецких отношений и переход от окружения ко взятию Европы в котел называют «новым порядком».

В противовес этому нужно обдумать <следующее>: преимущество нынешнего ведения войны в отличие от Первой мировой войны состоит в том, что <мы> можем научиться у нее и уже научились. Чтобы своевременно отреагировать на названные выше десять пунктов, которые при определенном изменении все же легко омрачают ясный взгляд на историю и могут удерживать от осмысления, нашей всюду хорошо подготовленной пропаганде следовало бы заняться ими.

18 Историческим признаком новейшего периода Нового времени будет то, что эта эпоха сама позаботится, чтобы сделать все новое невозможным и ненужным. Тогда возникла бы ситуация, в которой можно было бы оказаться перед решением, не должно ли старое вновь вступить в свои права. Но старое больше не вернешь, и там, где существует только новейшее и ничего нового, там не существует и старого: новейшее есть абсолютная беспамятность, постоянно заполняющая себя самой собой.

Сейчас еще можно встретить немцев, которые усматривают в английском христианстве источник будущего построения истории. Эти люди вообще ничего не знают о выхолащивании христианства, о том, что оно уже давно лишилось своей исто-

рической способности или перешло в Новое время. Но эти люди вообще ничего не знают о том, как «высоколобые» англичане в якобы благородной манере прививают христианству политическую способность к власти. В остальном — если уж перейти к расчетам: что пришло из Англии в области «культуры», кроме техники и метафизической подготовки социализма, кроме банальности мышления и безвкусицы? Немцам отсюда помощи ждать не приходится. Следовательно, нужно помогать им по-другому.

Ограниченность мнения и поспешных расчетов вполне можно было бы принять, если бы я хотел просто пояснить, что мое мышление не исчерпывается «экзегезой» стихотворений Гёльдерлина. Если уж приходится упомянуть это отношение, становящееся исторически более важным, то следует также спросить, не открывается ли этому поэту лишь благодаря первоначальному мышлению пространство, которое — как мыслительное — одновременно уже превзошло <его> поэтическое творчество, при всем признании его значительности, и развернулось в основание первоначального *знания*, чуждого всякому тупому чувству и всякой видимости формалистической строгости пустого понятийного расчета.

«Развязанные» против «экзистенцфилософии», к которой я, кстати, не имею никакого отношения, «боевые действия немецкой философии»² ставят себе в 1941 году, когда мы, немцы, вступили в третий год предельной экзистенциальной борьбы, за-

19

2. [«Введение в бой наук о духе» — <выдвинутый> в 1941 г. проект Имперского министерства науки, воспитания и народного просвещения.]

дачу доказать, будто ничего такого, как «забота», не существует.

Германия настолько не боится блокады, что еще может позволить себе самоблокаду духовного осмысления, уже давно установив себе, лишенной собственной сущностной истории, с помощью историографии бастионы, «состоящие в» простом сравнения периодов, эпох и столетий и их стилей и выдавая их за пригодное для «духовной» жизни пристанище. Правда, это навязывание историографии представляет собой сущностное следствие и даже приданое метафизики, а потому является западноевропейским и не ограничено немцами. Но они в абсолютной метафизике одновременно поощряли историзм, по сути демонстрируя свою крайнюю беспомощность и затем делая из нее добродетель, которая испытывает свои способности в технике массового порядка (*Massenordnung*).

Планетаризм также еще является историографическим, а не Бытийно-историческим определением всемирной истории. Во всемирноисториографической задаче массового порядка прежде всего подтверждается массовость человечества, а технике отводится абсолютная роль авторитетного вида знания (известие, *istoria*).

- 21 Чудовищным вырождением уже и без того всецело запутавшейся в несущности историографии является «история искусств», при этом подразумевается «историография искусств». Бесконечные игры и фантазии с их «объектами», пересчеты на «четырнадцатый», «шестнадцатый», «девятнадцатый» век, ребяческая похвальба знанием, открывающим

подобные «приписывания», и журналистская задача описания и обсуждения оторванных от жизни (weltlos) произведений искусства — все это само по себе кошмар, но, кроме того, происходит бегство назад к «красивым вещам» и подпитывается ложное мнение, будто все это есть «духовная» позиция и «забота» о «культуре». Поскольку историографы искусств меньше всего, т.е. вовсе не могут входить в диалог с объектом, — ведь они историографы, а не художники, — их деятельность способствует повсеместному распространению историзма и глубочайшей порчи самих по себе беспочвенных «наук о духе». Какой историограф искусств мог бы прийти к пониманию того, что «искусство» близится к концу, какой историограф искусств имеет мужество хотя бы только извлечь отсюда следствия? Вместо этого они полагают, что могут участвовать в строительстве нового «искусства».

Планетаризму соответствует идиотизм. — Это слово здесь не подразумевает психиатрическое понятие бессилия духа и души. Он (идиотизм) мыслится бытийно-исторически и предполагает ἴδιον — особенное (das Eigene), в котором обнаруживает себя самого сегодняшний человек в рамках массового порядка. Это особенное есть одинаковость, в которой и другой, и каждый, в которой «люди» пребывают и попеременно себя подтверждают. Идиотизм означает, что одинаковость переносят на принадлежащее каждому; например, авторитет «Иллюстрированного журнала»; обязательность всецело относящегося к «людям» обращения радио (des gänzlich manmäßigen Anspruches des Rundfunks), где вещает «аноним», хотя на любом, пусть и самом незначительном, «концерте»

объявляется имя и фамилия каждого скрипача и трубача. Люди повсюду обнаруживают себя самих в особенном, которое все же является принадлежащим каждому. Идиотизм есть важное ограничение на мировом, т.е. планетарном <уровне>. И это возможно только на манер идиотизма. Это ограничение включает отказ от всякого осмысления, таким образом, чтобы отказ не был известен как отказ, столь же мало, как возможность осмысления. Идиотизм есть поэтому не прерогатива, скажем, «идиотов» (т.е. людей с ограниченными способностями). Напротив: к идиотизму относится безусловная проницательность и изворотливость и ловкость технически-историографического человека. Лишь планетарный человек может быть идиотическим, а идиотический должен быть планетарным. Идиотическая сущность радио, например, развивается еще далеко недостаточно. Недостаточно, чтобы в каждом доме и на каждом этаже работал один аппарат. Любой член «семьи», служащие, дети должны иметь свой *собственный* прибор, чтобы каждый мог быстро и легко узнавать и слышать то, <что и другой,> и «быть» таким, каким является любой другой. Радиоприемник есть символ взаимосвязи планетаризма и идиотизма, не только символ в древнем «смысле», но технически-историографически — как изделие, которое осуществляет взаимосвязь обоих, но из этой же взаимосвязи лишь попадает в <сети> махинации (Mache) и из нее получает свое «развитие».

Подлинным зачинателем единства планетаризма и идиотизма, но также поистине достойным их наследником является американизм, — пожалуй, пустейшая фигура «историографической» безысторичности.

Предстоит пройти еще долгий путь, на котором Бытие должно <перейти> в слово, хотя Бытие уже преодолено. Другое начало — это начальность начала.

Подлинным опытом (Erfahrnis), который выпал на долю нынешнего поколения, но который оно, однако, не способно перенять и понять и приберечь в его сущностном начале, является необузданная вспышка безусловного преступного характера ново-европейского человека в соответствии с его ролью в уполномочивании власти в махинацию. Преступление: это не просто разрушение, но опустошение всего в полный разлом. Разломанное с самого начала отломано и помещено в область разбитого. Здесь остается лишь одна возможность бытия — по типу порядка. Упорядочивание есть только противовес Бытийно-исторически (а не юридически-морально) понимаемой преступности.

Некоторые говорят, будто они — «платоники», а подразумевают церковный исповеднический фронт³. Церковные «круги» жалуются на констатируемый ими упадок «культуры». Они не догадываются, что сами гораздо больше «работают» на подрыв всякого «мышления» посредством своих «акций по спасению» «духовной традиции». Но вопрос в том, где подготавливаются и раскрываются подлинные области решения «бытия». Вопрос не в том, кто и что из нынешнего (и давно ускользнувшего в лживость и бесплодность) остаются защищенными и спасенными, <и> получит ли сущее

25

3. [«Исповеднический фронт», или «Исповедническая церковь» — это движение борьбы и сопротивления евангелической церкви против национал-социалистов и «немецких христиан» в период с 1934 по 1945 г.]

26

свое удовлетворение. Вопрос только в том, бытийствует ли бытие как область исторических решений своей первоначальности или нет. «Как» этой подготовки может быть весьма болезненным и трудным. А могло ли быть по-другому, если речь идет о единственности Бытия. Но если человек спасается в вере во «Христа», возникает сомнение в том, что эта вера может присутствовать в «философии», которой <люди> якобы занимаются. Поэтому <они> называют себя «неисправимыми платониками», вместо того чтобы признать себя верующими христианами и тогда покинуть «философию» как «безумие мира <сего>». При этом жалуются еще на фальсификаторов от большевизма. В таком занятии в первую очередь и проявляется разрушение.

Вокруг земного шара носится нечто, которое никто нигде больше не ухватит руками, при условии, что <этим> нечто вообще управляет кто-то, мнящий себя управляющим. Сущность власти выкатывается из ее несущности и становится жертвой сверхвласти из-за самого ее сверхвласти. Душа человека сделалась настолько колеблющейся, что он намеревается получить сведения о самом себе благодаря тому, что сделает человека главной темой «знания», т. е. в данном случае — историографически-технически-биологического объяснения и планируемости. Поток американского антропологизма, который по сути был преодолен знающими уже к 1912 году, перехлестывает последние дамы, которые, возможно, еще кое-где оставались. «Дипломированный психолог» не только замещает «профессора философии» (это маловажный процесс обновления высшей школы). «Дипломированный психолог» становится «образцом» еще только «возможного» «мыслителя».

Перед наступлением начала мы должны в незаметной принадлежности бытию совместно вытерпеть событие, <состоящее в том,> что когда-нибудь снова явится некая истина Бытия. Страх и боль неразрывно связаны с Da-sein. Но свое достоинство оно обретает лишь из того, что становится стражничеством времени-пространства другого будущего. В это стражничество мы можем включить все то, что от нас исходило, поскольку оно издавна относится к нам. Вокруг земного шара мчится Нечто в свою предельную несущность. И все-таки уже давно возникло некое со-гласие сердца в отношении первоначального. И уже это со-гласие есть богатство, по которому узнают себя знающие. И там, где это знание как «растительное» предчувствие, как кажется, пребывает в неопределенности, нечто подлинное есть все же простая принадлежность к бытию. Это дает единственную меру сущностного. Никакое расставание также не способно потрясти эту принадлежность. Расставание есть лишь антоним к слову. Оно таит в себе прекраснейший результат (Bleiben) и всякий раз есть начало.

Победа абсолютной «абстракции», закрывания глаз на сущность Бытия, есть американизм. Все связанное с действием утопает в абстракции. А потому оно живет в глубоком самообмане, воображая себя конкретностью и вынужденным бороться против «абстрактного мышления».

28

Прагматизм есть «мировоззрение», почерпнутое из начала упадка завершенной метафизики Ницше, для которого (мировоззрения) бытие остается действительностью рассчитывающего планирующего воздействия. Политически возможные изменения этого мировоззрения сами по себе суть лишь фор-

мы осуществления этого сущностного вида (*Wesensprägung*) бытия, непознанного в своем сущностном начале. То, что это «мировоззрение», обеспечивающее предельный упадок и дальнейший уход из первоначального, греческого определения бытия, берет себе заимствованное из греческого языка название (*πρᾶγμα, πρᾶξις*), есть знак презрения и насмешки, которым бытие предает свою собственную несущность. — Зато растет число немецких ученых-философов, которые открыто или стыдливо провозглашают и во всяком случае используют банальности американского прагматизма как великие открытия для антропологии.

- 29 Американизм есть организация абсолютной бессмысленности «*Dasein*», сочетающаяся с перспективой роста «жизненного стандарта» (электрическое отопление и охлаждение жилых помещений, увеличение числа автовладельцев, рост числа посетителей кинотеатров и <ценителей> прочих «экономически-технически-культурных» приятностей «жизни»).

На одном партийном собрании в эти дни соотечественникам сообщили приятную новость, что после «окончания» войны погребение и отдание почестей павшим не будет стоить ни копейки, поскольку «церкви» должны еще оплатить счет за «души погибших». Впредь отдание почестей павшим, которое, кроме того, «осуществляется» в совершенно иных «масштабах», будет «полностью» бесплатным.

В сущности преувеличения на самой глубине таится неудержимость все большего обесценивания и дереализации только что достигнутого. Почему?

Потому что преувеличение само по себе уже приняло в качестве принципа безосновность и отказ от покоя в сущностной цели.

Что будет, если народ обречет свою собственную сущностную волю на истощение? Ведь народ утратит свое историческое начало, а с ним и себя самого. Ведь тогда он не сможет ни выиграть войну, ни проиграть ее: ибо *Того* уж нет, чему могло бы быть вручено то или другое (война или поражение).

Мысль, которая стала известной под названием «Закат Европы»⁴, еще не выходит из узкого круга романтического, хотя Шпенглер кое-что знал о цезаристской brutality власти. Но для манеры «влияния» этой мысли характерно, что <люди> верят в то, будто ее можно опровергнуть простым указанием на продолжение прогрессивного движения. Везде «все продолжается». Нигде нет «конца» и завершения. Напротив: обеспеченность сущего уже способна сделать реальным бесконечное продолжение в форме гигантского. Но, возможно, и это лишь передний план истории; это также не показывает ничего из того, что происходит.

Будущее Западной Европы в эпоху завершения Нового времени: с прусской выправкой безусловный сверхамериканизм.

31

4. [Oswald Spengler: Der Untergang des Abendlandes. Erster Band. Braumüller Verlag: Wien 1918, Zweiter Band. C. H. Beck Verlag: München 1922.] — Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. — *Прим. пер.*

Для «отдыха» обыватель уже не едет на Ривьеру, а лидер-хозяйственник (der Wirtschaftsführer) летит на Борнео или на оленью охоту в Финляндию. Новые возможности организации становятся бесконечными, а восторг — безграничным. Связи со всем прежним стремительно распадаются. Новый вид «счастья» шествует по планете, несовершенство которой преодолевается с помощью кинотеатров и прочих «культурных» учреждений. Настанет час, когда никто не захочет знать, какой была Европа. *Animal rationale: Homo faber.*

32 *Новая <система> мер: «бесконечно большой», «еще больший», «совсем большой». «Совсем Большой» — это сверхбесконечный, но предположительно достаточный лишь на короткое время, чтобы выразить «великость» вполне соразмерно. В действительности же абсолютно все равно, «является» ли Нечто «бесконечно большим» или «совсем большим» или «сверхбесконечным» или вообще чем-то. Эти давно устаревшие оценочные понятия лишь вспомогательные средства для постижения уже решенной ничемности всего.*

Прекрасно то, что находится в существенном согласии с собственной нуждой и первоначальной необходимостью.

«Наука» в понимании Нового времени — это путь обеспечения надежности (ein Weg der Sicherung der Sicherheit). Развитие новоевропейской науки и ее производственного характера отмечено безусловной и непреодолимой тождественностью. До настоящего времени существовали научные кон-

грессы. Необходимо, чтобы Конгресс-центр⁵ создал основу науки конгрессов (социологии конгрессов). Конгрессы наук и наука конгрессов связаны друг с другом. Решающий шаг этой сущностной взаимосвязи в сторону ее собственной эффективности был сделан, когда Декарт определил его *cogito* как *cogito me cogitare*⁶. Сегодня против картезианства (якобы) «ведется борьба», что равносильно отрубанию себе самому головы (аппарата для расчета). Но и это неведение в сущностном относится к самодостоверности. Этим неведением осуществляется забвение бытия.

33

Внутренняя последовательность и неудержимость, с которыми развивается планетаризм, есть событие, которое повсюду могло бы подтвердить сущность истории бытия на срок безусловного забвения бытия сущим, если подтверждение здесь возможно и необходимо. Мы катимся в выкатывании (*Ausrollen*) бытия в предельную открытость его несущности. Но что от нас, знающих, укатывается, это больше не они <знающие> сами, потому что они пребывают на другой звезде.

Прогресс лишь по видимости является принципом так называемого либерализма. В действительности он относится к сущности эпохи, которая — как Новое время — считает всегда новое

5. [«Германский конгресс-центр» был основан в 1934 г., с 1936 г. входил в структуру Имперского министерства народного просвещения и пропаганды. Конгресс-центр занимался «социологией конгрессов».]

6. «Я мыслю» в смысле «я мыслю себя мыслящего» (лат.). — *Прим пер.*

- 34 подлинно истинным и действительным. Всегда новое по своей сути сопряжено со страстью к абсолютному самообеспечению, которое всегда и всюду и «при любых обстоятельствах» и в любой ситуации должно считаться с тем, чего требует «мир», настроенный на полное господство. Вот почему наличное в каждый момент в кругу планирующего предваряющего расчета уже неизбежно устарело. А потому это всегда новое не есть результат и требование простого и рассеянного любопытства, но нарастающая последовательность нового есть внутренний закон действительности, которая определила себя как «волю», однако еще колеблется в отношении того, является ли и каким образом «воля», которая мыслится не «психологически», некоей волей разума или любви или власти или всего в частично перемешанной смеси. Новое становится все более новым, повседневным, дешевым, мимолетным, каким угодно, а потому неизбежно более шумным и навязчивым. Оно, а с ним все действительное, уступило силу решения необоснованной навязчивости. Подготавливается сущность того, что прежде называли «американизмом». Новое должно превзойти себя, и неслыханное есть поэтому уже неслышанное. Вот почему, однако, даже самое неказистое и ценное неким, вероятно, еще существующим «миром», незначимое воспринимается как лишенное решения решающее.
- 35 Таким образом, «прогресс» «наук», прежде всего естественных, является полезным делом. Прогресс в «науках о духе», возможно тоже, но скорее лишь на службе сохранения культурно-политического фасада. Модерная наука о духе, например, историография поэзии и искусства, впадает при

этом в необузданную волю к прогрессу, которая ведет себя одновременно и как не знающая меры и как устанавливающая меру, не останавливаясь ни перед чем, если требуется представить историю, которую понимают как прошлое, в новом или новейшем свете.

Признаком того, что здесь отмечено о сущности Нового времени, может служить следующий «новый взгляд» на поэтов. В одном рассуждении на тему «полевой почты», этого бесспорно важного и пережившего различные повороты судьбы учреждения, констатируется, естественно, с «историографической» ученостью, что в «древности» еще не существовало настоящей «полевой почты». Далее следует фраза: «Все же, к примеру, военные гимны Пиндара, которые вскоре после этого распространились по стране, можно рассматривать как своего рода «полевую почту»». Кто бы стал отрицать, что здесь занимаются близкой к действительности «наукой». И кто не поймет, в какой мере в словах «Все же ... к примеру» невольно проглядывает натужная неуверенность. Поэт Пиндар с «почтовой» «точки зрения» безусловно может рассчитывать на понимание, для которого вовсе не нужно придерживаться слова поэта. Достаточно пометы — «полевая почта».

Скажут, что все это, дескать, глупо и поверхностно. Возможно, — для поверхностного взгляда, который не в состоянии распознать подобные поверхностности как единственную поверхность пошлости (*die einzige Fläche der Flachheit*) Полного Уравнивания Всего.

Взаимное влечение (*Mitverlangen*) есть та тайна, из-за которой сердца, сами того не ведая, всегда воспаряют, ощущая свою взаимосвязь.

Преображенная современность, в которой пребывают павшие из лучшей молодежи, имеет собственный блеск. Его сияние должно сохраниться для будущей молодежи. Это ведь наш единственный долг. «Памятные торжества» рассеиваются в незначительности пустой мемориальной процедуры.

- 37 $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ — ни одно из слов нашего языка не ухватывает ее сути, даже если мы составим список соответствующих слов: милость, благорасположение, благообразие, блеск (Gnade, Gunst, Anmut, Glanz)⁷: глубочайшая тайна благородства, которая приоткрывается нам и все же всецело покоится в себе.

Приносить радость есть чистейшая радость. Но как мы можем приносить радость, не будучи уже в радостном настроении. И как возникает у нас радостное настроение?

Невозможное есть высшая возможность человека: милость (Gnade) или злой рок (Verhängnis).

Западная Европа (das Abendland) и *Европа*. — «Европа» — планетарное понятие, включающее <страны> заката и восхода, запад и восток и даже сдвигающее вес на *страну восхода*, на восток.

«Западная Европа» — понятие историческое, которое определяет сущностную историю немцев и их происхождение из столкновения с жителями Востока, каковое, однако, не случилось с Западом.

- 38 «Европа» есть осуществление *Заката* <Западной> *Европы*. Нет ни малейшего повода ополчаться против «писателя» Освальда Шпенглера.

7. Греческое слово $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ охватывает все эти значения. — *Прим. пер.*

Что такое «тавтология»? Да вот, например, выражение «лживая пропаганда».

В сущностном мышлении не нужна спешка; ведь следует не двигаться «дальше», а шагать на «месте». Вопрос только в том, где это место и его расположение?

«Истолкование». — Тот, кто сам себя истолковывает, полагает Эрнст Юнгер, опускается ниже своего уровня⁸. Это справедливо, если истолкование означает быть понятным для тех, кому базовое условие понимания, тот или иной опорный набросок, остается недоступным. Но если истолкование мыслится не в этом негативном, отвергающем смысле, а позитивно — как более исходное и первоначальное осуществление опорного наброска, то истолкование будет не уничижением, но возвышением. Себя самого и Других можно истолковывать лишь тогда, когда <истолковывающий> их превосходит. Но истолкование приобретает при этом видимость, будто оно является простым приравниванием и бегом вдогонку. Эта видимость не вредит. Нет необходимости, чтобы Те, кто однажды станет выдавать истолкованное за само собой разумеющееся, заметили, что они сами невольно поднимаются на более высокую ступень и вынуждаются к <принятию> другого истока.

39

Из-за чрезмерной американизации мы никогда не победим Америку и «англосаксонский мир», но погибнем от них. Когда сущность отечества заявит о себе? Наука — есть познание без знания, т. е. без настойчивости в истине Бытия. Зна-

8. [Jünger: Epigrammatischer Anhang. In: Ders.: Blätter und Steine. A.a.O., S. 226.]

ние есть познание без опредмечивания познанного и без включения его в сущее.

То, что сознательно приходит снизу наверх, берет с собой низ наверх, разрушает верх, а тем самым также и — низ.

Единственный, в любом отношении первый «литератор» сегодня в Германии — Эрнст Юнгер. *Homo literatus*.

- 40 В обстановке сегодняшнего ставшего массовым недомыслия (*Gedankenlosigkeit*) больше не является ловким трюком достичь «писательского» успеха и найти «читателей» с помощью половины мысли, которая сама по себе еще более опустошающая, чем «отсутствие мысли». Это обстоятельство в свою очередь оказывает обратное воздействие на писателей. В соответствии с этим их собственная «продукция» становится все более бездумной, но зато больше тешит тщеславие. Братья «Юнгеры» — хороший пример порабощения пошлостью. И все же —

Всякий «прогресс» движется от великого к малому, причем малое может раздуваться до гигантского, не избавившись от малости.

Почему организованная и систематически выдаваемая за истину видимость есть по сути нечто иное, чем <видимость> естественная, неизбежная и незамеченная?

- 41 Возможно, всякий раз прощаясь с многочисленными принесенными в жертву крестьянскими сынами, родина сохраняется чище и нетленнее и обращен-

ной своему предназначению, чем в наших усилиях, зачастую остающихся в плену тленного.

Все люди интерпретируют. Никто не мыслит.

Вот уже столетие русские весьма хорошо осведомлены о немцах, об их метафизике и поэзии. Но немцы не имеют никакого представления о России. До всякого практически-политического вопроса о том, как мы должны поставить себя в отношениях с Россией, возникает единственный — кто же такие, собственно говоря, эти русские. И коммунизм (воспринятый как безусловный марксизм), и современная техника являются всецело европейскими и западными. И тот и другая оказываются лишь инструментами в руках русских, а не *самой русскостью*.

Поскольку техника и коммунизм штурмуют Запад с Востока, то в действительности Запад штурмует Запад, в колоссальном самоуничтожении своих собственных сил и целей. История помимо своего открытого лица всегда имеет и сокрытое.

В русскости завершенная метафизика обретает подобающее место для своего возрождения. Отсюда придет она в свое время как бросок (*Gegenwurf*) навстречу началу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

В томе 96 собрания сочинений Мартина Хайдеггера публикуются «Размышления XII–XV», четыре из «Черных тетрадей» (их название принадлежит самому автору). Тем самым завершается издание «Размышлений».

В «Размышлениях X», вошедших в том 95, встречается высказывание о характере «Размышлений», развернутых в пятнадцати тетрадах. Это не «афоризмы» как свидетельства «житейской мудрости», а «неприметные аванпосты — и арьергардные позиции в целостной попытке еще невыразимого осмысления для завоевания пути для опять-таки начального вопрошания, которое в отличие от метафизического называет себя Бытийно-историческим мышлением (*das seynsgeschichtliche Denken*)»¹. «Решающим является не» то, «что предлагается и составляет в совокупности некое построение из предложений», «а только то, как вопрошается и что вообще вопрошается о бытии».

Сходным образом Хайдеггер — в том числе и в своей работе «Взгляд на <пройденный> путь»

1. Martin Heidegger: Überlegungen X, a. In: Ders.: VII–XI. GA 95. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2014. Отсылка к страницам относится к оригинальной пагинации рукописей, которая указана на полях в томах Собрания сочинения. — Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / Перевод с немецкого Алексея Б. Григорьева, науч. ред. перевода М. Маяцкий. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.

(Rückblick auf den Weg) — отсылает к «записным книжкам прежде всего II, IV и V», т.е. к конкретным «размышлениям». В них зафиксированы «частично также базовые настрои вопрошания и указания на отдаленнейшие горизонты мыслительных попыток»². Акцентом на «базовых настроениях вопрошания» усиливается пояснение, что речь в «Размышлениях» идет о «мыслительных попытках».

Следуя этой логике, я поместил перед первой опубликованной «Черной тетрадью» в томе 94 позднее, предположительно относящееся к началу семидесятых годов указание о том, что в «Черных тетрадах» речь идет не о «заметках для планируемой системы», а «в сущности» о «попытках простого называния»³. Бросается в глаза, что во всех трех обозначениях «Черных тетрадей» слову «попытка» приписывается важная роль.

В качестве «неприметных аванпостов — и арьергардных позиций», т.е. предварительных соображений и ретроспективных размышлений в принципиально полемическом осмыслении бытия, «Черные тетради» представляют собой форму, еще не встречавшуюся в многочисленных опубликованных текстах философа. Если (также) «решающим» является, «как задается вопрос», то есть в какой форме вопрос о «смысле бытия» обретает языковую оболочку, то в «Черных тетрадах» перед нами — произведение нового «стиля» (понятие стиля в «заметках» часто обдумывается).

2. Martin Heidegger: *Besinnung*. GA 66. Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. Frankfurt am Main 1997, S. 426.

3. Martin Heidegger: *Überlegungen II–VI*, GA 94. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2014, S. 1. (Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938)/Пер. А. Б. Григорьева, науч. ред. перевода М. Маяцкий. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016). — *Прим. пер.*

Наряду с опубликованными сочинениями двадцатых годов, лекциями, семинарскими конспектами, статьями, докладами и работами по истории бытия, «Черные тетради» знакомят нас с дальнейшим путем, каким пошла мысль Хайдеггера в ее записанном виде. Вопрос, как взаимосвязаны все эти разные способы высказывания, относится, вероятно, к важнейшим задачам мышления, постичь которые стремится Хайдеггер.

«Черные тетради» представляют собой форму, по своему типу и характеру уникальную не только для Хайдеггера, но и вообще для философии XX века. Их скорее всего можно сравнить — из общеизвестных видов текстов — с «дневником мыслей»⁴. Но если это название вытесняет подпадающие под него работы в основном на периферию творческого наследия, значение «Черных тетрадей» в связи с «путем для начальных вопросов» Хайдеггера еще предстоит рассмотреть.

По сообщению Германа Хайдеггера, распорядителя наследия, и Фридриха-Вильгельма фон Херрманна, приват-ассистента философа в период 1972–1976 гг., «Черные тетради» приблизительно в середине семидесятых годов были переданы в Немецкий литературный архив в Марбахе. Говоря о помещении рукописи в музей, Хайдеггер пожелал, чтобы она была опубликована в самом конце выпуска Собрания сочинений. Вплоть до этого времени она должна была находиться «как бы под двойным секретом» (сообщение фон Херрманна). Никто не имел права просматривать или читать ее. Распорядитель наследия принял решение, нарушающее это требование автора, поскольку из-

4. Denktagebuch — так Ханна Арендт назвала свой дневник, куда записывала пришедшие в голову мысли. — *Прим. пер.*

за замедления выхода в свет еще не опубликованных томов Собрания не должно было пострадать все предприятие, в рамках которого мышление Мартина Хайдеггера должно было предстать в подобающей форме.

Возникает вопрос, почему Хайдеггер хотел, чтобы «Черные тетради» вышли в виде последних томов Собрания сочинений. Ответ может быть, вероятно, соотнесен с уже известным издательским требованием, согласно которому сочинения, касающиеся истории бытия, должны были выйти в свет только после издания всех лекций. Дело в том, что лекции, в которых сознательно обходится то, что содержится в работах по истории бытия, подготавливают к тому, о чем в последних говорится на языке, не нацеленном на публичное выступление.

До нас дошли тридцать четыре «Черные тетради»: четырнадцать тетрадей под заголовком «Размышления», девять с названием «Примечания», две озаглавленные «Четыре тетради», две «Vigilae» (Стражи), одна под названием «Notturmo» (Ночное), две под заголовком «Намеки», четыре тетради, поименованные «Предварительное». Кроме того, обнаружены две тетради с названиями «Megiston» (Величайшее) и «Базовые слова». Относятся ли они к «Черным тетрадям» и в какой мере, еще предстоит выяснить. В томах 94–102 Собрания сочинений в ближайшие годы будут напечатаны эти тридцать четыре рукописи.

Работа над тетрадями охватывает период более сорока лет. В первой имеющейся тетради «Намеки к Размышления (II) и Указания» на первой странице стоит дата «Октябрь 1931». В «Предварительном III» встречается отсылка к «Le Thor 1969», что должно означать, что тетрадь «Предварительное IV» создавалась в начале семидесятых го-

дов. Отсутствует тетрадь — «Намеки к Размышления (I)», которая, по-видимому, писалась около 1930 года. Где она находится, неизвестно.

«Размышления XII» писались в конце лета или осенью 1939 г. Четвертая тетрадь тома, «Размышления XV», заканчивается в конце 1941 г. Наряду с другими историческими событиями Хайдеггер отмечает начало войны с Советским Союзом «22 июня 1941 г.»⁵ и начавшееся после этого «Введение в бой наук о духе»⁶.

«Размышления XIII» содержат два фрагмента, вошедших в другие работы. Страницы 98–122 этой тетради подверглись дальнейшей разработке в «Наброске к KOINON⁷. К истории Бытия» (GA 69, S. 199–214). Мысль, изложенная на S. 116, появляется позднее в «Письме некоторым бойцам» (GA 90, S. 273).

В публикуемых в настоящем томе «Размышлениях» Хайдеггер продолжает истолковывать «механические признаки»⁸ в повседневной жизни движущегося к войне национал-социалистического Германского рейха. В основе этого истолкования лежит выраженное решение выявить в определенных явлениях времени состояние «истории

5. Martin Heidegger: Überlegungen XIV, 120. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. Hrsg. von Peter Trawny. Frankfurt am Main 2014.

6. Martin Heidegger: Überlegungen XV, 20. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

7. κοινός (греч.) — общий, касающийся всех, принадлежащий всем, распространяющийся на всех. — Прим. пер.

8. Martin Heidegger: Überlegungen XII, 2. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

Бытия»⁹. Хайдеггер явно дистанцировался от национал-социализма, что даже позволило ему обсудить с язвительной насмешкой одну фразу из «речи фюрера»¹⁰.

Вообще можно констатировать, что Хайдеггер с нарастающим акцентированием отмечает и обдумывает также политические события, как, например, визит советского министра иностранных дел Вячеслава Молотова¹¹ к Гитлеру в Берлин в ноябре 1940 г. Мышление погружается в исторические события. Всюду Хайдеггер замечает признаки бытийно-исторического упадка. «Европа, — говорится в конце «Размышлений XV», — есть осуществление *Заката <Западной> Европы*. Нет ни малейшего повода ополчаться против „писателя“ Освальда Шпенглера»¹².

Способ рассмотрения Хайдеггером «махиначионных признаков», однако, не следует понимать как его *политическую* позицию. Речь скорее идет о *бытийно-исторической* инвентаризации событий, составляя которую Хайдеггер занимает особую точку зрения. Так, он понимает растущее разворачивание военных действий как «*высшее совершенствование техники*». Его «последним актом» будет то, что «сама Земля взлетит на воздух», а нынешнее «человечество» исчезнет. Причем «несчастьем это не будет, а будет первым очищением *бытия* от его глубочайшего искажения в результате господства

9. См. там же, S. 53, а также Martin Heidegger: Überlegungen XIII, 55. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

10. Martin Heidegger: Überlegungen XIV, 12. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

11. Ebd., 47.

12. Heidegger: Überlegungen XV, 38. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

сущего»¹³. Эта мысль об *«очищении бытия»* привела к последствиям, требующим учета.

Прежде всего нужно указать, что Хайдеггер еще сильнее, чем в предыдущих *«Размышлениях»*, трактует как такое *«искажение»* все, что находится в сферах *«религии»*, *«культуры»* и *«науки»*. Даже такая предположительно довольно безобидная наука, как *«история искусств»*, характеризуется как *«чудовищное вырождение уже и без того всецело запутавшейся в несущности историографии»*¹⁴. Мир во всех своих областях оказывается во власти *«махиации»*.

В *«большевизме»* видится еще один *«признак» «махиации»*. Большевизм — плод *«западно-европейской рациональной метафизики Нового времени»*¹⁵ и не имеет ничего общего с *«русскостью»*. *«Американизм»* предстает как *«вершина» «нигилизма»*¹⁶. Таким образом, *«американизм»*, *«национал-социализм»* и *«большевизм»* представляют собой *«махиационную сущность»* клонящейся к своему концу метафизики.

Это, видимо, проявляется также во всемирно-историческом значении, которое Хайдеггер приписывает *«еврейству»* или *«мировому еврейству»*. Так, он констатирует *«временный рост власти еврейства»*, согласно чему *«метафизика Западной Европы, особенно в ходе ее нововременного развития,*

13. Heidegger: Überlegungen XIV, 113. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

14. Heidegger: Überlegungen XV, 21. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

15. Heidegger: Überlegungen XII, 69. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

16. Heidegger: Überlegungen XIV, 91. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

предоставляла исходное место для распространения некоторой (впрочем, пустой) рациональности и расчетливости»¹⁷. С этим «ростом власти» национал-социалисты боролись с помощью средств, которые были известны Хайдеггеру. «Евреи с их *ярко выраженным даром расчетливости* давно уже «живут» согласно расовому принципу, вот почему они ожесточеннее всего сопротивляются неограниченному «его» применению», пишет он в одном месте¹⁸.

Это толкование роли «мирового еврейства» достигает своей кульминации после вступления в войну Советского Союза. Так, он говорит, что еврейство, «подстегиваемое выпущенными из Германии эмигрантами, повсюду неуловимо, а при всем расширении боевых действий нигде не обязано участвовать в боях, а нам только остается жертвовать лучшей кровью лучших граждан собственного народа»¹⁹.

По этим высказываниям о «еврействе» можно судить о том, насколько Хайдеггера захватывает его идея об «очищении *бытия*». Правда, он хотел, выделяя слово «*бытия*», подчеркнуть, что в своем мышлении дистанцируется от расистских фантазий национал-социалистов об очищении, относящихся ведь к «сущему», а точнее — к «расе». Но вместе с тем он толкует «мировое еврейство» как явление, которое, находясь на стороне «сущего» и его планирования, оказывает с помощью «механики» значительное влияние на происходящее.

17. Heidegger: Überlegungen XII, 67. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

18. Ebd., 82.

19. Heidegger: Überlegungen XV, 17. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

Что касается «Размышлений», публикуемых в томах 94–96 Собрания сочинений, то речь идет о четырнадцати <толстых> тетрадах, состоящих из тридцати четырех или тридцати шести черных клеенчатых тетрадок. Формат этих тетрадей несколько необычен, он напоминает формат DIN D5. Оригиналы хранятся в архиве Хайдеггера в Немецком литературном архиве в Марбахе-на-Неккаре. Издатель имел в своем распоряжении переплетенные в синий холст копии с указанным на корешках названием.

Том 96 Собрания сочинений Мартина Хайдеггера включает следующие тексты:

Размышления XII, 106 страниц;

Размышления XIII, 120 страниц плюс приложение;

Размышления XIV, 125 страниц;

Размышления XV, 46 страниц.

Дополняют тексты указатели ключевых слов, которые Хайдеггер приложил к «Черным тетрадам». Лишь в «Размышлениях XV» подобный указатель отсутствует. Кстати, краткость этой тетради также позволяет предположить, что записи были прерваны.

Рукописи подвергнуты редакционной правке. Описки в них практически отсутствуют. Подготовительные материалы отсутствуют.

«Размышления XII–XIV» перепечатаны на машинке оберштудиенратом Детлевым Хайдеггером, «Размышления XV» — Юттой Хайдеггер. Д-р Герман Хайдеггер осуществил сверку копий.

Я транскрибировал все еще раз на основе рукописей, постоянно сверяясь с имеющимися копиями. После этого я провел сверку копий. В заключение корректуру гранок и верстки держал я, а также моя сотрудница и студентка София Хайден.

Заметки «Размышлений XII» и «XIII» пронумерованы Мартином Хайдеггером, возможно, по образцу некоторых произведений Фридриха Ницше или собственных бытийно-исторических работ с нумерацией в середине страницы над текстом. Система меняется начиная с «Размышлений XIV». В них, а также в более поздних «Черных тетрадах» подобная нумерация отсутствует.

Буквы (a, b, c), которыми Хайдеггер обозначает кое-где первые страницы, а также отдельные номера страниц «Черных тетрадей», печатаются на полях страницы. Вопросительными знаками в квадратных скобках [?] помечены ненадежные варианты чтения. Все цифры-указатели в тексте Хайдеггера являются номерами страниц. Используемый Хайдеггером значок □ означает «рукопись». Все подчеркивания, если они относятся к собственному тексту Хайдеггера, передаются курсивом. В тех случаях, когда они встречаются в цитируемых текстах, где могут содержаться курсивные выделения, они передаются с помощью подчеркиваний.

В большей мере, чем в других томах Собрания сочинений, некоторые высказывания Хайдеггера снабжены пояснениями. Это в первую очередь касается тех высказываний, которые относятся к историческим событиям. С помощью примечаний читатель может установить, в какое время философ записал те или иные «Размышления». Краткими пояснениями снабжены также некоторые персонажи и учреждения, возможно, уже неизвестные читателям более молодого поколения. Очевидно,

что здесь — в издании «последней (прижизненной) редакции» (Ausgabe «letzter Hand») — полнота обеспечена быть не может.

Кроме того, в некоторых местах, но весьма осторожно, я приводил своеобразное правописание Хайдеггера и характерное для него построение фраз в соответствие с нормами. Вместе с тем я сознательно сохранил отдельные особенности, как, например, ненормативное написание с прописной буквы определения к главному слову («Связное Сообщение (Satzhafte Mitteilung)»²⁰ или «Переходно-Историческое (Übergänglich Geschichtliche)»²¹ и т. п.). Необычное правописание (например, в слове «Gebahren»²²)²³ не исправлялось. Также не были унифицированы известные используемые Хайдеггером приемы дефисного написания слов, и за немногими исключениями эти слова переданы в том виде, в каком они встречаются в рукописи.

*

Я признателен д-ру Герману Хайдеггеру за доверие, которое он проявил, возложив на меня задачу издания «Черных тетрадей». Ютте Хайдеггер я выражаю благодарность за сверку настоящего тома и чтение корректуры верстки. Оберштудирента Детлева Хайдеггера я благодарю за изготовление первой машинописной копии. Профессору д-ру Фридриху-Вильгельму фон Херрманну

20. Heidegger: Überlegungen XII, 51. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

21. Heidegger: Überlegungen XIII, 21. In: Ders.: Überlegungen XII–XV. GA 96. A.a.O.

22. Вместо Gebahren — поведение, образ действий, манеры. — *Прим. пер.*

23. Ebd., 95.

хотелось бы выразить мою признательность за многочисленные беседы, повлиявшие на то или иное решение при издании. Также выражаю признательность адвокату Арнульф Хайдеггеру и Витторио Э. Клостерманну. Анастасию Урбан, сотрудницу издательства Витторио Клостерманна, я благодарю за постоянное доброжелательное и дружелюбное сотрудничество. Д-ру Ульриху фон Бюлову из Немецкого литературного архива в Марбахе-на-Неккаре я благодарен за помощь в организации доступа к рукописям. Выражаю признательность Софии Хайден за внимательную корректорскую работу.

*Дюссельдорф, 13 декабря 2013 г.
Петер Травны*

Научное издание

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР
РАЗМЫШЛЕНИЯ XII–XV
(Черные тетради 1939–1941)

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Корректор НАТАЛИЯ СЕЛИНА
Дизайн СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ
Верстка ЯРОСЛАВ АГЕЕВ

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 30.10.2019.
Тираж 1000 экз. Формат 84×108/32. Заказ 9095
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

«Черные тетради» — так назвал Мартин Хайдеггер (1889–1976) клеенчатые тетради черного цвета с заметками и размышлениями разного рода, которые он вел с 1931 года. Набралось их тридцать четыре. Согласно воле автора, франкфуртское издательство Витторио Клостерманна приступило к их публикации после всех книг и курсов лекций. 96-й том Собрания сочинений М. Хайдеггера, перевод которого мы вам предлагаем, содержит записи, относящиеся к 1939–1941 годам («Размышления XII–XV»).

Издатель «Черных тетрадей» Петер Травны так охарактеризовал размышления Хайдеггера, опираясь на его собственную самооценку:

Это не «афоризмы» как свидетельства «житейской мудрости», а «неприметные аванпосты — и арьергардные позиции — в целостной попытке завоевания пути для начального вопрошания, которое в отличие от метафизического называет себя Бытийно-историческим мышлением». Этот метод философ применяет к ситуации в религии, искусстве и науке.

«Черные тетради» — мастерская мыслителя: многие из заметок разрастутся в статьи, доклады, главы книг. Помимо философских вопросов, Хайдеггер осмысляет положение Германии после прихода к власти нацистов. В частности, он комментирует свое пребывание на посту ректора Фрайбургского университета и в связи с ним всё свое сложное отношение к национал-социализму. Неслучайно, что публикация «Черных тетрадей» вызвала в Германии и других странах яростную полемику.

ISBN 978-5-93255-568-2

9 785932 555682